САМУЭЛЬ ДИЛЭНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Нова

Сэмюель Дилэни

Сэмюель Дилэни. Нова
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7

Сэмюель Дилэни
Нова

Глава 1

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 год)

— Эй, Мышонок! Сыграй-ка что-нибудь, — крикнул от стойки один из механиков.

— Так и не взяли ни на один корабль? — поинтересовался другой. — Твой спинной контакт того и гляди заржавеет. Идти, выдай номер!

Мышонок перестал барабанить пальцами по краешку стакана. Он уже собирался сказать «нет», но его губы неожиданно произнесли «да», и он тут же нахмурился. Взгляды механиков тоже стали недовольными.

Это был старик.

Это был крепкий человек.

Руки Мышонка схватились за край стола, и человек качнулся вперед. Его бедро шаркнуло по стойке, носок ноги зацепил ножку стула, и тот отлетел в сторону.

Старый, крепкий и, как еще заметил Мышонок, слепой.

Он покачивался перед столом Мышонка. Его рука поднялась, и желтые ногти коснулись щеки парня.

— Эй, парень!

Мышонок вглядывался в его глаза за тяжелыми, мигающими веками.

— Эй, парень! Ты знаешь, как это выглядело?

Должен быть слепым, — подумал Мышонок, — ходит, как слепой: голова вытянута вперед. А его глаза...

Человек уронил руку, нащупал стул и пододвинул его к себе.

Стул скрипнул.

— Ты знаешь, как это выглядело, как это ощущалось, как это пахло, а?

Мышонок покачал головой, и пальцы опять коснулись его щеки.

— Мы возвращались, парень, имея слева три сотни солнц Плеяд, сверкающих, как россыпь драгоценных камней, и абсолютную черноту — справа. Корабль был мной, а я — кораблем. Вот этими разъемами, — он коснулся контактов на запястьях, — я был связан с управляющим устройством паруса. Потом, — щетина на его подбородке поднималась и опускалась в такт словам, — из тьмы — свет! Он был всюду, он слепил наши глаза, мы словно находились внутри аннигилятора и не могли пошевельнуться. Это выглядело так, будто вся Вселенная взорвалась

в неистовом порыве! Но я же не мог отключить свои чувства! Я не мог даже отвернуться! Все цвета, которые только можно представить, переливались и искрились вокруг. Прогнав мрак. И еще — стены пели! Магнитная индукция заставляла их вибрировать, и корабль был полон скрежета и стона... А потом стало уже поздно: я ослеп, — он откинулся на спинку стула. — Я ослеп, парень! Но это забавная слепота: я могу видеть тебя. Я глух, но понимаю большую часть того, что мне говорят. Обонятельные центры в моем мозгу мертвы, и я не ощущаю вкуса пищи, — его ладонь легла на щеку Мышонка. — Я не могу понять, какая у тебя кожа — большинство осязательных центров тоже мертво. Моя ладонь не ощущает, чего она касается: гладкой кожи или щетины, — он засмеялся, и стали видны его желтые зубы и ярко-красные десны. — Что их говори, а Дэн ослеп забавным образом! — его рука скользнула по куртке Мышонка и уцепилась за шнурок за ней. — Да, забавным образом! Большинство людей слепнет в темноте, а у меня перед глазами огонь. Там, в черепе — съежившееся солнце. Свет хлещет мою сетчатку, вспыхивает радугой и заполняет каждый уголок мозга. Вот что у меня теперь перед глазами. А тебя я вижу

частями. Ты — солнечная тень на фоне всего этого ада. Кто ты таков?

— Понтико, — представился Мышонок, в голос его заскрипел, словно рот был набит шерстью и песком. — Понтико Провечи.

Дэн поморщился.

— Твое имя... Как ты сказал? С головой у меня тоже не все в порядке. Там у меня как будто хор голосов, орущих мне в уши двадцать шесть часов в сутки. Это все нервы. С тех пор, как взорвалась эта звезда, они посылают в мозг сплошной грохот. Вот почему я слышу тебя, как если бы ты кричал в сотне ярдов от меня, — Дэн закашлялся и откинулся на спинку стула. — Откуда ты? — спросил он, вытерев губы.

— Отсюда, из созвездия Дракона, — ответил Мышонок. — С Земли.

— С Земли? Не из Америки? Ты жил в маленьком беленьком домике на тенистой улочке, а в гараже у тебя стоял велосипед?

Да, подумал Мышонок, и слепой и глухой.

Речь у Мышонка была правильной, но акцент он скрыть и не пытался.

— Я... Я из Австралии. Из белого домика. Я жил под Мельбурном. Деревья. И велосипед у меня, был. Но все это было давно.

— Давным-давно, не так ли, парень? Ты знаешь Австралию? Это на Земле.

— Бывал проездом, — Мышонок ерзал на стуле, прикидывая, как бы ему смыться.

— Да, так все и было. Но ты не знаешь, парень, и не можешь знать — каково это: коротать век с Новой в мозгах, вспоминая Мельбурн, вспоминая велосипед. Как ты сказал, тебя зовут?

Мышонок покосился налево, на окно, потом направо, на дверь.

— Я не могу вспомнить — это солнце все вышибло из головы.

Механик, слышавший весь разговор, отвернулся к стойке.

— Ничего не могу больше вспомнить.

За соседним столиком темноволосая женщина и ее спутник, блондин, тщательно изучали меню.

— Меня послали к докторам! Они сказали, что если перерезать зрительные я слуховые нервы, отключить их от мозга, то грохот и сияние в мозгах, возможно, прекратятся. Возможно! — он поднес руки к лицу. — А эти силуэты людей, которые я пока еще вижу — они тоже исчезнут? Имя! Скажи мне свое имя!

Мышонок давно уже держал наготове фразу:

— Извиняюсь, но мне уже пора.

Дэн закашлялся, закрывая уши руками.

— А, это был свинячий полет, собачий полет, полет для авантюриста. Корабль назывался «РУХ», а я был киборгом капитана Лока фон Рея. Он повел нас, — Дэн перегнулся через стол, — чуть ли, — его большой палец коснулся указательного, — чуть ли не в самый ад! И привел обратно... Он сделал достаточно для того, чтобы любой мог проклясть его и этот чертов иллирион! Любой, кто бы он ни был... — Дэн закашлялся, голова его затряслась. Руки, лежащие на столе, подергивались.

Бармен оглядел зал. Кое-кто из посетителей знаком требовал выпивки. Губы бармена недовольно поджались, но сразу же расслабились, и он только покачал головой.

— Боль, — Дэн поднял голову. — После того, как поживешь вот так некоторое время, боль исчезает, но появляется что-то другое... Лок фон Рей — сумасшедший. Он подвел нас так близко к грани между жизнью и смертью, как только мог. Теперь он бросил меня, мертвеца на восемьдесят процентов, здесь, на краю Солнечной системы. А куда, — Дэн тяжело вздохнул, — куда теперь денется слепой Дэн? — он с силой ухватился закрай стола. — Куда он теперь денется? — стакан Мы-

шонка упал на пол и разбился. — Отвечай! — он снова качнул столик.

Бармен прошел мимо них.

Дэн поднялся, отшвырнул стул и костяшками пальцев протер глаза. Он сделал два неуверенных шага через пятно солнечного света на полу. Еще два... За ним оставались большие коричневые следы.

Темноволосая женщина замерла, ее спутник закрыл меню. Один из механиков поднялся было, во другой удержал его за руку. Дэн ударил по двери кулаком, потом вышел.

Мышонок огляделся. Осколки все так же лежали на полу, но как будто стало светлее. Бармен подключил провод к своему запястью, и из динамиков полилась мрачная музыка.

— Выпьешь что-нибудь?

— Нет, — голосовые связки повиновались Мышонку с трудом. — Хватит. Кто это?

— Был киборгом на «РУХЕ». С неделю назад начались неприятности. Его вышвыривают отовсюду, едва он переступает порог... Думаешь, просто наняться на корабль в настоящее время?

— Я никогда не летал к звездам, — голос все еще не совсем слушался Мышонка. — Всего два года, как я получил аттестат. До сих пор меня

нанимали только мелкие фрахтовые компании для полетов по треугольнику внутри Солнечной системы.

— Я могу дать тебе совет, — бармен выдернул провод из своего запястья, — но воздержусь. Аштон Кларк с тобой, — он усмехнулся и вернулся на свое место за стойкой.

Мышонок почувствовал себя очень неуютно. Сунув большой палец под ремень, перекинутый через плечо, он поднялся и направился к выходу.

— Эй, Мышонок! Сыграй нам...

Дверь за ним захлопнулась.

Заходящее солнце золотило вершины тор. Нависший над горизонтом Нептун бросал на раввину зыбкий свет. Примерно в полумиле виднелись корпуса космических кораблей, стоящих в ремонтных доках.

Мышонок шел мимо баров, дешевых отелей и забегаловок, которые попадались на каждом шаху. Потеряв работу и всякую надежду, он часто стал бывать в этих заведениях, играя там на сиринксе, чтобы прокормиться, и ночуя в углу чьей-нибудь комнаты, когда ему приходилось всю ночь развлекать какую-нибудь компанию. В аттестате почему-то ни слова не говорилось о том, что ему придется заниматься подобными

вещами. Все это ему страшно не нравилось. Он обогнул стену, огораживающую Геенну-3.

Для того, чтобы сделать поверхность спутника Нептуна пригодной для жизни, Комиссия созвездия Дракона решила установить здесь иллирионовые обогреватели, поддерживающие необходимую температуру ядра. При теперешней температуре поверхности около пятнадцати градусов Цельсия, осенней температуре, горы становились источником атмосферы. Искусственная ионосфера удерживала воздух. Однако вследствие разогрева ядра появились вулканические разломы коры, названные Гееннами, и имеющие порядковые номера от одного до пятидесяти двух. Геенна-3 имела в ширину почти сто ярдов, глубину почти в два раза большую и длину около семи миль. Каньон мерцал и дымился под тусклым небом.

Мышонок шел рядом с пропастью, и горячей воздух касался его щек. Он думал о слепом Дэне, о тьме за пределами орбиты Плутона, за пределами созвездия Дракона, я ему было страшно. Он сдвинул кожаный футляр на бок.

* * *

(Созвездие Дракона. Земля. Стамбул. 3164 год)

Мышонку было десять лет, когда у него появился этот футляр. В нем находилось то, что он любил больше всего на свете.

Боясь, что его догонят, он стрелой вылетел из музыкального магазинчика, расположенного между лавками торговцев замшей. Прижимая футляр к животу, он перепрыгнул через подвернувшуюся под ноги коробку, из которой посыпались пеньковые трубки, споткнулся о точильный камень, нырнул в ближайший проход и через двадцать шагов врезался в толпу прогуливающихся по Золотой Аллее, где бархатистые экраны дисплеев были полны света и золота.

Он отпрянул от наступившего ему на ногу мальчишки, несшего большой, с тремя ручками, поднос, полный стаканов чая и чашек кофе. Поднос качнулся, чай и кофе заплескались, но ничего не пролилось. Мышонок устремился дальше. За следующим поворотом он наткнулся на целую гору расшитых туфель. В следующую минуту грязь из выбоины забрызгала его парусиновые ботинки. Мышонок, задыхаясь, остановился и

огляделся.

Он стоял на людной улице. Накрапывал мелкий дождик. Мышонок покрепче прижал к себе футляр, вытер мокрое лицо тыльной стороной ладони и направился вверх по извилистой улочке.

Обгоревшая Башня Константина, ветхая, ребристая и черная, возвышалась над парком. Он вышел на главную улицу. Люди торопливо проходили мимо, разбрызгивая воду из многочисленных лужиц. Только сейчас Мышонок почувствовал, что ему жарко.

Ему следовало бы бежать проулками, сокращая путь, но он продолжая идти по главной улице. Эстакада монорельса была хоть каким-то укрытием. Он прокладывал себе путь среди бизнесменов, студентов и носильщиков. По булыжникам прогромыхал автобус. Мышонок воспользовался случаем и вскочил на желтую подножку. Водитель усмехнулся и не стал его сгонять.

Через десять минут — сердце его все еще бешено колотилось — Мышонок соскочил с подножки и нырнул во двор Новой Москвы. Стоя под моросящим дождем, несколько мужчин мыли ноги в водостоке у стены. Две женщины, вышли из двери на крыльцо, подали им ботинки и торопливо убежали с блестящих от дождя ступенек.

Однажды Мышонок спросил Лео, когда появилась Новая Москва. Рыбак из Федерации Плеяд, который всегда ходил босиком, почесал свою густую светлую шевелюру, посмотрел на закопченные стены, поддерживающие своды зданий, на остроконечные минареты.

— Что-то около тысячи лет тому назад. Но это только лишь предположение.

Теперь Мышонку нужен был именно Лео.

Он вышел из двора и пошел по мосту, увертываясь от грузовиков, автомобилей и троллейбусов, заполнивших проезжую часть. На перекрестке под фонарем он свернул, прошел в железные ворота и сбежал вниз по лестнице. Маленькие рыбацкие суденышки ударялись бортами друг о друга в грязной воде.

Горчичного цвета вода Золотого Рога вздымалась и опускалась за лодками, плескалась между сваями и доками, где стояли суда на подводных крыльях. На выходе из Золотого Рога, над Босфором, расходились, образуя просветы, облака.

Вода искрилась под солнечными лучами, и след парома, направляющегося к другой части света, казался огненной полосой. Мышонок задержался на ступенях, глядя на сверкающий залив. Разрывов и облаков становилось все больше и больше.

Блестящие окна домов на другом берегу пролива, в туманной Азии, бросались в глаза на фоне желтоватых стен. Именно вследствие этого эффекта греки две тысячи лет назад назвали азиатскую часть города Хрисополисом — Золотым Городом. Теперь этот район назывался Ускудар.

— Эй, Мышонок! — позвал его Лео с красной вымытой палубы. Лео построил навес на своей лодке, расставил деревянные столики и вокруг них вместо стульев поставил бочонки. Черное масло кипело в котле, подключенном к дряхлому генератору, заляпанному засохшей смазкой. В стороне, на куске желтоватой пленки, лежала груда рыбы. Жабры ее были растопырены так, что каждая рыбья голова торчала как бы из темно-красного цветка. — Эй, Мышонок, что это у тебя?

Когда погода была получше, рыбаки, докеры и грузчики приходили сюда обедать. Мышонок перебрался через леер. Лео бросил в котел еще две рыбины. Масло покрылось желтой пеной.

— Это... Ну, то, о чем ты рассказывал. Я взял... Я хочу сказать, мне кажется, что это та самая штука, о которой ты говорил...

Лео, которому имя, волосы и грузная фигура достались от предков немецкого происхождения и чья речь сохранила память о детстве, проведен-

ном в рыбачьем поселке на побережье, в мире, где звезд ночью было раз в десять больше, чем их можно увидеть на Земле, выглядел смущенным. Смущение сменилось удивлением, когда Мышонок достал кожаный футляр.

Лео взял его в свои веснушчатые руки.

— Ты уверен? Ты где...

Двое рабочих поднимались на палубу. Лео заметил тревогу, мелькнувшую в глазах Мышонка, и перешел с турецкого на греческий.

— Ты где нашел это?

Фразы он строил одинаково, независимо от языка, на котором говорил.

— Спер! — даже когда слова сплошным потоком вырываются из охрипшей глотки, десятилетний цыганенок разговаривает на полудюжине языков Средиземноморья гораздо лучше, людей, которые, подобно Лео, изучают языки под гипнозом.

Строители, мрачные после работы, сели за стол, массируя запястья и потирая контакты на поясницах, где мощные машины подключались к их телам. Они заказали рыбу.

Лео наклонился и взмахнул рукой. Серебро мелькнуло в воздухе, и масло в котле затрещало. Он прислонился к поручню и открыл футляр.

— Да, — он говорил неторопливо. — Нигде на

Земле, а тут — особенно, не ожидал. Это ты откуда взял?

— На базаре, — ответил Мышонок. — Если где и можно что найти, так это на Большом Базаре, — он процитировал изречение, приносящее миллионы и миллионы Королеве Городов.

— Понятно, — сказал Лео, затем добавил на турецком. — Вот, господа, ваш обед, вот {акцент Окраинных Колоний}.

Мышонок взял лопатку и положил рыбу на пластиковые тарелки. Из серебристой рыба стала золотой. Строители достали ломти хлеба из корзины под столом и принялись есть прямо руками.

Мышонок, подцепил из масла еще две рыбины и отнес их Лео, который сидел на поручне и, улыбаясь, разглядывал вещь, находящуюся в футляре.

— Изящный образ этой штукой создать, получится ли? Как знать. С того времени, как я рыбачил на метановых озерах Окраинных Колоний, в руках у меня такой вещи не было. А тогда я мог неплохо играть, — футляр захлопнулся, и Лео со свистом втянул воздух сквозь зубы. — Это хорошая вещь!

Предмет в футляре из мягкой кожи мог быть

арфой, мог быть и компьютером. С индукционной панелью, как у терменокса, с ладами, как у гитары, с короткими струнами, как у ситара, которые расположены на одной стороне снизу. На другой стороне были длинные басовые струны, как у гитарины. Одни детали были вырезаны из розового дерева, другие отлиты из нержавеющей стали. Имелись и присоединительные гнезда из черного пластика, а сам предмет покоился на плюшевой подушечке.

Лео дотронулся до него.

Облака разошлись еще шире. Солнечные лучи засверкали на стали, подчеркнули фактуру полированного дерева.

Строители застучали монетами по столу, поглядывая на Лео. Тот кивнул им, они оставили деньги на засаленном столе и, удивленные, сошли на берег.

Лео что-то сделал с кнопками управления. Раздался удар гонга, воздух завибрировал, сквозь зловоние мокрых кнехтов и дегтя прорезался запах орхидей.

Давным-давно, когда ему было лет пять или шесть, Мышонок нюхал дикие орхидеи в поле у дороги. Там была высокая женщина в ситцевой юбке, должно быть мама, и трое босых усатых

мужчин, одного из которых ему было ведено называть папой, но это было в какой-то другой стране... Да, именно орхидеи.

Рука Лео подвинулась. Дрожание воздуха сменилось мерцанием, которое сгустилось в голубой ореол. Воздух уже пах розами.

— Работает! — прохрипел Мышонок.

Лео кивнул.

— Лучше, чем то, что я имел когда-то у себя. Иллирионовые батареи здесь совсем новые. Ту вещь, которую я играл тогда на лодке, еще могу исполнять. Удивительно, — лицо его сморщилось. — Не думал, что без практики получится так хорошо.

Смущение придало лицу Лео выражение, какого Мышонок никогда у него не видел. Лео тронул рукоятки инструмента.

Она появилась из голубого свечения, наполнявшего воздух, стоя между ними вполоборота.

Мышонок ослеп.

Она была полупрозрачной, но чуть большее сгущение света там, где были ее подбородок, плечи, ноги, лицо, делало ее такой реальной! Она повернулась и бросила в него удивительные цветы. Мышонок, засыпанный лепестками, зажмурил глаза. Он глубоко вдохнул воздух, но

этот вдох не спешил переходить в выдох. Он продолжал вдыхать эти запахи, пока его легкие не уперлись в ребра. Сильная боль в груди заставила его выдохнуть. Резко. Затем он снова начал осторожный, медленный вдох... и открыл глаза.

Масло, желтая вода Рога, грязь. Воздух был пуст. Лео, постукивая обутой ногой — другая была босой — о поручень, возился с какой-то рукояткой.

Она ушла.

— Но, — Мышонок шагнул, остановился, покачиваясь на носках. Произносить слова было трудно. — Как?..

Лео поднял голову.

— Грубовато, да? А однажды я неплохо исполнял. Только это было совсем давно. Один раз, один раз я исполнил эту вещь как нужно.

— Лео... Не мог бы?.. Я хочу сказать, ты говорил, что ты... Я не знал... Я не думал...

— Что?

— Научи! Не мог бы ты научить... меня?

Лео взглянул на потрясенного цыганенка, которому он так часто рассказывал о своих скитаниях по океанам и портам дюжины миров, и поразился.

— Покажи, Лео! — пальцы Мышонка судорожно подергивались. — Ты должен показать мне!

Мысли Мышонка метнулись от александрийского языка к арабскому и, наконец, остановились на итальянском:

— Белиссимо, Лео, белиссимо!

— Ну... — Лео вдруг подумал, что в Мышонке больше страха, чем жадности, по крайней мере, того, что сам Лео понимал как страх.

Мышонок глядел на украденную вещь с благоговением и ужасом.

— Ты можешь показать мне, как на нем играть?

Внезапно осмелев, он взял инструмент с колеи Лео, хотя страх был чувством, которое сопровождало Мышонка всю его короткую жизнь.

Овладев инструментом, он внутренне собрался и покрутил его в руках.

Там, где извивающаяся по холму пыльная улица брала свое начало, позади железных ворот, Мышонок работал по ночам. В чайной, где собиралось множество мужчин, он разносил подносы с кофе и булочками, проходя туда и обратно сквозь узкие стеклянные двери и наклоняясь, чтобы рассмотреть женщин, входящих внутрь.

Теперь Мышонок приходил на работу все позже и позже. Он оставался у Лео, пока была возможность. Далекие огни мигали за доками,

протянувшимися на целую милю, и Азия мерцала сквозь туман, когда Лео показывал на полированном сиринксе, как надо управлять запахом, цветом, формой, структурой и движением. Глаза Мышонка начали понемногу открываться.

Двумя годами позднее, когда Лео объявил, что продал свою лодку и подумывает переселиться на другой конец созвездия Дракона, возможно, на Новый Марс, половить песчаных скатов, игра Мышонка уже превосходила ту безвкусицу, которую Лео показал ему в первый раз.

Месяц спустя Мышонок покинул Стамбул, просидел под сочащимися водой камнями Эдернакапи, пока ему не представилась возможность на грузовике добраться да пограничного города Ипсалы. Он пересек границу с Грецией в красном вагоне, битком набитом цыганами. Продолжая странствия, он добрался до Румынии, страны, где он родился. Он прожил в Турция три года. Все, что он нажил за это время, не считая одежды на себе, — это толстое серебряное кольцо, слишком большое, чтобы надевать на палец, и сиринкс.

Два с половиной года спустя, когда он покинул Грецию, кольцо все еще было у него. Он отрастил на мизинце ноготь длиной около трех четвертей дюйма, как это делают ребята, работа-

ющие на грязных улочках позади магазинчика Монастераки, продавая ковры, медные безделушки и прочий популярный среди туристов товар неподалеку от величественного купола, покрывающего квадратную милю — «Афинского Супермаркета», сиринкс был у него.

Круизный теплоход, на который его взяли мыть палубу, вышел из Пирея в Порт-Саид, прошел через канал и направился в Мельбурн, порт его приписки.

Когда теплоход лег на обратный курс, на этот раз в Бомбей, Мышонок был ухе исполнителем в ночном клубе: Понтико Провечи, создавший известные произведения искусства, музыки, графики, выступает специально для вас. В Бомбее он сошел на берег, вдребезги напился (ему было уже шестнадцать лет) и побрел по грязному, освещенному лишь луной, пирсу. Он клялся никогда больше не играть в полную силу за деньги. Вернулся он в Австралию, опять моя палубу на теплоходе, и сошел на берег со своим большим кольцом, длинным ногтем и золотой серьгой в левом ухе. Моряки, пересекавшие экватор в Индийском океане, говорили, что этой серьге полторы тысячи лет. Стюард проткнул мочку его уха с помощью иголки с ниткой и льда, и опять с

ним был сиринкс.

Вернувшись в Мельбурн, он стал играть на улицах, проводя много времени в кофейне, куда частенько заглядывали ребята из Королевской Астронавтической Академии. Двадцатилетняя девушка, с которой он жил, была уверена, что ему тоже не помешало бы учиться.

— Иди, вставь себе несколько контактов. Ты так или иначе когда-нибудь их вставишь, а тут получишь знания и умение применять их не для работы на заводе, а с большей пользой для себя. Ты любишь путешествовать, а после обучения сможешь летать к звездам или управлять строительными машинами.

Когда он окончательно порвал с девушкой и покинул Австралию, у него уже имелся аттестат киборга кораблей всех типов. Кроме аттестата у него имелась золотая серьга, остриженный ноготь на мизинце, массивное кольцо и сиринкс.

Но попасть на корабль, улетающий с Земли, даже имея аттестат, было очень трудно. Пару лет он работал на мелких коммерческих линиях, образующих Транспортный Треугольник: Земля — Марс, Марс — Ганимед, Ганимед — Земля. Но теперь его черные глаза были полны звездным светом. Несколько дней спустя после того, как он

отметил свое восемнадцатилетие (это был день, который его бывшая девушка и он уговорились считать его днем рождения там, в Мельбурне), Мышонку удалось добраться до второй луны Нептуна, откуда начинались дальние коммерческие линии, ведущие к мирам созвездия Дракона, Федерации Плеяд и даже к Окраинным Колониям. Серебряное кольцо помогло ему.

* * *

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 год)

Мышонок миновал Геенну-3. Его сапог на одной ноге клацал, другая же нога, босая, ступала бесшумно (точно так же, только в другом городе и в другом мире, ходил Лео). Эта особенность появилась у него в результате межпланетных полетов. Те, кто долгое время работал на межпланетных кораблях в состоянии невесомости, развивали цепкость пальцев, по крайней мере, одной ноги, а то я обеих ног так, что по сноровке они превосходили пальцы рук. Носить обувь на таких ногах не рекомендовалось. Коммерческие звездолеты имели искусственную гравитацию, так что их экипажи не нуждались в такой тренировке.

Мышонок шагнул под трепещущую под теплым

ветром крону большого платана и вдруг ударился обо что-то плечом. Его схватили, встряхнули и развернули.

— Ты, слепой щенок с крысиной мордой!..

Его держали вытянутой рукой, крепко стиснув плечо. Мышонок поднял глаза на человека, который его держал.

Казалось, его лицо состояло из двух составленных половинок. Шрам шел от подбородка, сближал толстые губы, поднимался по щеке — желтые глаза глядели необыкновенно энергично — рассекал левую бровь и исчезал в рыжей, кудрявой, как у негра, шевелюре — в шелковистом ярко-желтом пламени. Шрам был цвета меди, а кровеносные сосуды — цвета бронзы.

— Где ты находишься, парень? Как по-твоему?

— Простите...

Куртка распахнулась, показав золотой офицерский диск.

— Боюсь, я не видел...

Кожа на лбу задвигалась. Под ней на щеках проступили желваки. Из горла вырвался громкий и презрительный смех.

Мышонок раздвинул губы в улыбке, пряча за ней ненависть.

— Боюсь, я не совсем видел, куда иду!

— Боюсь, что именно так, — рука еще дважды опустилась на его плечо. Капитан покачал головой и двинулся дальше.

Смущенный и встревоженный Мышонок побрел в другую сторону, потом вдруг остановился и огляделся. На золотом диске, прикрепленном к левому плечу капитана, значилось его имя: Лок фон Рей. Рука Мышонка потянулась к футляру на поясе. Еще раз оглядевшись, он откинул упавшие на лоб волосы и забрался на изгородь. Обеими ногами — и обутой, и босой — он крепко уцепился за нижнее кольцо и вынул сиринкс.

Мышонок потянул инструмент из-за спины. Под наполовину расшнурованной курткой четко обозначились мускулы. Он задумался, его длинные ресницы колыхнулись, а рука опустилась на индукционную панель.

Воздух наполнился дрожащими фигурами...

Глава 2

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 год)

Катни, шаркая ногами, шел по направлению к Геенне-3. Голова его была опущена, а мысли заняты лунами.

— Эй, парень!

— А?

Небритый бродяга облокотился на перила, вцепившись в верхнюю планку шелушащимися руками.

— Откуда ты? — глаза бродяги были затуманены.

— С Луны, — ответил Катин.

— Из беленького домика на тенистой улочке, с велосипедом в гараже? У меня был велосипед.

— Мой дом был зеленым, — ответил Катин, — и под надувным куполом. Впрочем, велосипед у меня был.

Бродягу качнуло вперед.

— Ты не знаешь, парень. Ты не знаешь? Следует послушать сумасшедшего, подумал Катин. Они становятся большой редкостью. И надо сделать запись.

— Так давно... Ну, пока! — старик, пошатываясь, побрел по улице.

Катин покачал головой и пошел дальше.

Он был неуклюж и на редкость высок: выше двух метров. Он достиг такого роста к шестнадцати годам, но это его не интересовало никогда. За последующие десять лет он приобрел привычку слегка горбить плечи. Его длинные руки были постоянно засунуты за ремень шортов, а локти при ходьбе все время что-нибудь задевали.

Его мысли снова вернулись к лунам.

Катин, рожденный на Луне, любил луны, всегда жил на них, за исключением того времени, когда уговорил своих родителей, стенографистов в суде созвездия Дракона на Луне, позволить ему обучаться в университете Земля, учебном центре таинственного и загадочного Запада — Гарварде, по-прежнему притягивающем к себе людей богатых, эксцентричных и неординарных. Последние два качества относились к Катину.

Об изменениях, происходящих с земной поверхностью — снижении высоты Гималаев, обводнении Сахары — он знал только по сообщениям. Морозные лишайниковые чащи марсианских полярных шапок, неистовые песчаные реки экватора Красной планеты, меркурианская

ночь и меркурианский день — все это было ему известно только по посещениям психорамы.

Но это было отнюдь не то, что Катин знал, что Катин любил.

Луны?

Луны были невелики. Их красота заключается в вариациях подобного. Из Гарварда Катин вернулся на Луну, а оттуда направился на Станцию Фобос, где подключился к куче самописцев, устаревших, с малым объемом памяти компьютеров, ареографов, и стал работать регистратором. Через некоторое время он исследовал Фобос на тракторе, оборудованном источником поляризованного света. Деймос, светлый обломок скалы шириной в десять миль, дрожал в это время над непривычно близким горизонтом. В конце концов, Катин сколотил экспедицию и на Деймос и облазил буквально каждый квадратный фут поверхности этой крошечной луны. Потом побывал на лунах Юпитера: Ио, Европа, Ганимед и Каллисто прошли перед его карими глазами. Луны Сатурна, освещенные рассеянным светом колец, подверглись его исследованию, когда он возвращался со станции приема кораблей, где тогда работал. Он изучал серые кратеры, серые горы, равнины и каньоны днями и ночами, портя свое зрение. Все

луны одинаковы?

Если бы Катин очутился на любой из них, структура залегания нефтяных пластов, кристаллическое строение и топография луны позволила бы ему немедленно узнать, где он находится, даже если бы ему завязали глаза. Высокий Катин сразу подмечал мельчайшие особенности каждого ландшафта, а вот особенности мира в целом или отдельного человека он хоть и знал, но не любил. От этой нелюбви он избавлялся двумя способами:

Во-первых, он писал роман — это называлось «внутренним способом».

Записывающий кристалл, подаренный родителями по случаю окончания школы, болтался на цепочке в районе его живота. К настоящему времени он содержал несколько сот тысяч слов заметок, но пока еще не была написана даже первая глава.

Во-вторых, («внешний способ») он выбрал изолированный образ жизни в соответствии со своим образованием и темпераментом и потихоньку все больше и больше отдалялся от фокуса человеческой деятельности, которым была для него Земля. Он окончил курсы киборгов всего месяц назад и на эту луну, крайнюю луну Нептуна,

прибыл этим утром.

Его каштановые волосы были шелковисты, нечесаны и достаточно длинны, чтобы в них можно было вцепиться в драке — если только у вас подходящий рост. Руки, засунутые под ремень шортов, машинально мяли плоский живот. Он подошел к тротуару и остановился. Кто-то сидел на изгороди и играл на сенсо-сиринксе.

Несколько зевак смотрели на это.

Цвета распирали воздух, колыхались, словно под свежим бризом, опадали и возникали снова — светлый изумруд, тусклый аметист. Порывы ветра доносили запахи уксуса, снега, океана, имбиря, мака, рома. Осень, океан, имбирь, океан, осень. Океан, океан, опять океанские волны. Цвет вскипал размытой голубизной и падал на лицо Мышонка.

Дюжины две зевак стояло около него. Они щурились и вертели головами. Отсветы дрожали на их веках, ложились на губы, на наморщенные лбы. Какая-то женщина закашлялась, потирая ухо, какой-то мужчина ударил себя по ляжкам.

Катин глянул поверх голов. Кто-то протискивался вперед.

Мышонок поднял голову.

Слепой Дэн, неуверенно ступая, выбрался из

толпы, остановился, шагнул вперед, в пламя сиринкса.

— Эй, проходи, не стой...

— Проходи, старик!..

— Не мешай нам смотреть!..

Войдя в самую гущу создаваемых Мышонком образов, Дэн качнулся, голова его мотнулась.

Мышонок засмеялся. Его рука легла на рукоятку проектора. Свет, звук, запах уступили место ярко окрашенному демону, стоящему перед Дэном, блеющему, гримасничающему, хлопающему облезлыми крыльями, меняющими свой свет с каждым взмахом. Голос его звучал как из рупора, третий глаз вращался, а сам он кривлялся, передразнивая Дэна.

Среди зрителей раздался смех.

Цвета вздымались и опадали, послушные пальцам Мышонка. Цыган недобро усмехнулся.

Дэн пошатнулся и взмахнул рукой, пытаясь удержать равновесие. Завопив, демон повернулся к нему задом и нагнулся. Раздался хлопок, и зрители отшатнулись от невыносимой вони.

Катин, который облокотился на забор рядом с Мышонком, почувствовал, как кровь приливает к его щекам.

Демон подпрыгнул.

Катин нагнулся и положил ладонь на индукционную панель. Демон потерял четкость. Мышонок резко поднял голову.

— Эй!

— Не надо этого делать, — произнес Катин, и его большая рука полностью накрыла плечо Мышонка.

— Он же слепой, — возразил Мышонок. — Он не слышит, не чувствует запахов и даже не знает, что тут происходит, — его черные брови нахмурились, но играть он все же перестал.

Дэн одиноко стоял в центре толпы. Вдруг он вскрикнул, потом еще раз. Звуки были какими-то неживыми, металлическими. Толпа подалась назад. Мышонок и Катин посмотрели туда, куда указывала рука Дэна.

В темно-синей куртке с золотым диском сквозь толпу прошел капитан Лок фон Рей, и шрам пламенел в падающем на лицо свете.

Несмотря на свою слепоту, Дэн узнал его, повернулся и, пошатываясь, стал выбираться из круга людей. Задев боком мужчину, толкнув в плечо женщину, он выбрался из толпы.

Дэн ушел, сиринкс смолк, и все внимание переключилось на капитана. Лок фон Рея с силой хлопнул ладонью по бедру. Звук был такой, слов-

но он ударил доской.

— Спокойно! Кончайте орать! — Голос его был уверенным. — Я набираю команду киборгов для длительного полета, возможно, в неисследованную область. — Такие энергичные глаза! Не тронутая шрамом часть лица под ржавого цвета шевелюрой улыбалась. Но для того, чтобы определить выражение изуродованного рта и брови, требовалось время, — Ну, кто из вас хочет отправиться со мной на край ночи? Вы черви или звездопроходцы? Вот ты? — он ткнул пальцем в Мышонка, все еще сидящего на изгороди. — Ты хочешь отправиться в путь?

Мышонок слез с изгороди.

— Я?

— Ты со своей огненной штучкой-дрючкой! Если только будешь в состоянии видеть, куда идешь, и время от времени проделывать передо мной фокусы. Берешься за эту работу?

Усмешка тронула губы Мышонка.

— Конечно, — усмешка пропала. — Я согласен, — слова звучали так, словно это говорил не он, а пьяный старик. — Конечно, я согласен, капитан, — Мышонок кивнул, и его золотая серьга блеснула в исходящем из разлома свете. Горячий воздух из-за ограды тронул его черные волосы.

— У тебя есть приятель, с которым ты хотел бы быть вместе? Мне нужен экипаж.

Мышонок, который практически никого здесь не знал, поглядел на высокого парня, остановившего его игру с Дэном.

— Как насчет этого коротышки? — он ткнул пальцем в сторону изумленного Катина. — Я его не знаю, но на друга он потянет.

— Хорошо. Итого... — капитан фон Рей сощурил глаза, кинув взгляд на опущенные плечи Катина, его узкую грудь, круглые щеки и близорукие голубые глаза за контактными линзами, — ...двое, — к щекам Катина прилила кровь. — Кто еще? Ну, в чем дело? Боитесь покинуть этот колодец, выходящий в тусклое солнышко? — он мотнул головой в сторону ярко освещенных гор. — Кто из вас пойдет туда, где ночь длится вечно, а утро — не более, чем воспоминание?

Вперед шагнул мужчина с кожей цвета королевского винограда, большеголовый и полнолицый.

— Я хочу.

Когда он говорил, было видно, как мускулы перекатываются под кожей его лица, челюстей и голого черепа.

— Один или с товарищами?

Еще один человек вышел из толпы. Его плоть

просвечивала, как пена, волосы были подобны белой шерсти. Достаточно было одного взгляда, чтобы заметить сходство добровольцев: те же линии толстых губ, та же чуть вздернутая верхняя губа, те же очертания выступающих скул. Близнецы. Второй человек повернул голову, и Мышонок увидел мигающие розовые глаза, подернутые серебристой поволокой.

Альбинос положил свою тяжелую руку — мешок мускулов, суставов и изуродованных работой пальцев, переплетенный до локтя толстыми мертвенно-бледными венами — на плечо брата.

— Мы отправимся вместе, — их голоса, манера растягивать слова — все было абсолютно одинаковым.

— Еще кто-нибудь? — капитан фон Рей оглядел толпу.

— Меня, капитан, взять не хотите? {Диалект Плеяд}

Человек протолкался вперед. Что-то хлопнуло у него за плечами, словно парус.

Его соломенного цвета волосы взметнулись, как от ветра, дующего совсем не от расщелины. Влажные крылья сомкнулись и снова расправились, словно оникс, словно слюда. Человек протянул руку к плечу, на котором эполетом рас-

положились черные когти, и ласково погладил подушечки лап большим пальцем.

— А кроме этой твари у тебя есть еще друг?

Ее маленькая рука легла в его ладонь, она выступила вперед, следуя за ним на расстоянии их вытянутых рук.

Веточка ивы? Крыло птицы? Кружащий голову весенний ветер? Мышонок потянулся к сиринксу, чтобы сохранить ее лицо для себя, но остановился, не в силах нажать кнопку записи.

Ее глаза были цвета стали. Маленькие груди поднимались под кружевом блузки, напрягаясь при вдохе. Сталь блеснула, когда она обвела толпу спокойным взглядом.

Сильная женщина, подумал Катин, разбиравшийся в подобных вещах.

Капитан фон Рей взмахнул рукой.

— Вы двое и эта зверюга?

— Мы шесть, капитан, зверей возьмем, — сказала она.

— Чтобы они разнесли корабль? Отлично. Но учтите, что я выброшу за борт ваш зверинец при первой же такой попытке.

— Прекрасно, капитан, — ответил мужчина, и его раскосые глаза на красном липе сузились от смеха. Свободной рукой он обхватил бицепс

другой руки и провел сомкнутыми пальцами по светлым волосам. Это та самая пара, которая играла в карты в баре, дошло вдруг до Мышонка.

— Когда вы нас на борту ждете?

— За час до рассвета. Мой корабль стартует с восходом солнца. Это «РУХ», он на шестнадцатой площадке. Как вас зовут ваши Друзья?

— Себастьян, — зверь задел крылом его золотистое плечо.

— Тай, — тень крыла пересекла ее лицо. Капитан фон Рей нагнул голову. Его тигриные глаза блеснули из-под бровей.

— А враги?

— Чертов Себастьян, — засмеялся мужчина, — и его черные бестии!

Капитан взглянул на женщину.

— А вас?

— Тай, — и мягче, — пока.

— Вы двое! — фон Рей повернулся к близнецам. — Ваши имена?

— Это Айдас, — ответил альбинос и опять положил руку на плечо брата.

— ...а это Линчес.

— А что бы сказали ваши враги, если бы я спросил их о вас?

Черный близнец пожал плечами.

— Только Линчес...

— ...и Айдас.

— Ты? — фон Рей кивнул Мышонку.

— Вы можете звать меня Мышонком, если вы мой друг. А моим врагам знать мое имя не обязательно.

Желтые глаза фон Рея полузакрылись, когда он посмотрел на высокого.

— Катин Кроуфорд, — для Катина его собственный волюнтаризм был большей неожиданностью. — Когда мои враги скажут мне, как они меня называют, я сообщу вам, капитан фон Рей.

— Мы отправляемся в долгий путь, — произнес фон Рей, — и вы встретитесь с врагами, о которых и не слыхали. Нашит конкуренты — Принс и Руби Ред. Мы отправимся на грузовом корабле. Туда — пустыми, а обратно, если будет все в порядке, с полным грузом. Я хочу, чтобы вы знали: ранее уже были предприняты две попытки. Одна плохо началась. В другой раз я был в двух шагах от цели, но эти шаги показались слишком большими кое-кому из моего экипажа. На этот раз я намерен стартовать, взять груз и вернуться.

— Куда мы будем лететь? — спросил Себастьян. Зверь на его плече переступил с лапы на лапу и взмахнул крыльями, чтобы сохранить рав-

новесие. Размах его крыльев был около семи футов. — И что об обратном пути, капитан?

Фон Рей поднял голову к небу, словно надеялся разглядеть цель своего путешествия, потом медленно опустел ее.

— На обратном пути...

У Мышонка вдруг появилось странное ощущение, что кожа на его шее под затылком отстала от мяса, и кто-то, забавляясь, сдвигает ее тонким прутиком.

— Где-то на обратном пути, — сказал фон Рей, — будет Новая.

Страх?

Мышонок бросил взгляд на небо и увидел вместо звезд большие глаза Дэна.

Катин всегда выкарабкивался из многочисленных дыр множества лун, но теперь стояв, прикрыв глаза, а в нижней части живота у него медленно сжималось солнце.

«Это уже настоящий страх, — подумал Мышонок. — Словно зверь, бьющийся о грудную клетку, стремящийся вырваться на волю».

«Это начало миллиона путешествий, — мелькнуло в голове Катина. — Впрочем, можно ли этот полет назвать путешествием, если мы будем передвигаться не пешком?»

— Мы должны добраться да огненного края взорвавшейся звезды. Вся Нова — это стремительно расширяющееся скрученное пространство. Мы должны добраться до края этого хаоса и принести пригоршню пламени. И постараться не зевать. Там, куда мы пойдем, законов не существует.

— Какие законы вы имеете в виду? — спросил Катин. — Законы человеческие иди законы природы?

Фон Рей помедлил.

— И те, и другие.

Мышонок потянул кожаный ремень, перекинутый через плечо, и уложил сиринкс в футляр.

— Это гонки, — сказал фон Рей. — Повторяю еще раз. Принс н Руби Ред — это наши противники. Человеческих законов, с помощью которых я мог бы их придерживать, не существует. Тем более, когда мы будем возле Новы.

Мышонок тряхнул головой, откидывая упавшие на глаза волосы.

— Путешествие будет рискованным, а, капитан? — мускулы его круглого лица дернулись, задрожали и застыли в усмешке, сдерживая дрожь. Рука его внутри футляра потянулась к мозаике сиринкса. — Настоящее рискованное путешествие? — его глухой голос дрогнул.

— Как это... Мы принесем пригоршню пламени? — начал Линчес.

— Полный груз, — уточнил фон Рей, — то есть, семь тонн. Семь кусков по тонне каждый.

Айдас возразил:

— Но нельзя же погрузить семь тонн огня...

— ...так что же мы привезем, капитан? — закончил Линчес. Экипаж ждал. Стоящие вокруг тоже ждали. Фон Рей потер правое плечо.

— Иллирион, — сказал он, — Мы зачерпнем его прямо из звезды, — рука его опустилась. — Давайте сюда свои классификационные индексы. Ну, а теперь я хочу увидеть вас в очередной раз только на «РУХе» за час до восхода.

* * *

— Выпей...

Мышонок оттолкнул руку. Он находился в дансинге. Музыка рассыпалась колокольчиками. Над стойкой замигали восемь красных огней.

— Выпей...

Мышонок постукивал в такт музыке ногой. Тай напротив него тоже отбивала такт, темные волосы покачивались за ее блестящими плечами.

Кто-то кому-то говорил:

— Нет, не могу я этого пить. Хватит с меня.

Она хлопнула в ладоши и двинулась к нему. Мышонок заморгал.

Тай начала мерцать.

Он снова заморгал и увидел Линчеса, держащего в своих белых руках сиринкс. Его брат стоял сзади, оба они смеялись. Настоящая Тай сидела на краешке стула со своими картами.

— Эй, — крикнул Мышонок и направился к братьям. — Послушайте, не балуйтесь с инструментом! Если вы умеете играть, тогда — пожалуйста. Только сперва спросите.

— А, — махнул рукой Линчес. — Ты тут единственный, кто в этом понимает...

— ...переключатель стоял на солнечном луче, — перебил Айдас. — Мы извиняемся.

— О'кэй, — сказал Мышонок, забирая сиринкс. Он был пьян и очень устал. Выйдя из бара, он побрел вдоль пышущих жаром губ Геенны-3, потом поднялся на мост, ведущий к семнадцатой площадке. Небо было черно. Он вел ладонью по поручню, и его пальцы и предплечье были освещены идущим снизу оранжевым светом.

Кто-то стоял впереди, облокотившись о перила.

Мышонок пошел помедленнее.

Катин задумчиво смотрел на ту сторону без-

дны, его лицо казалось маской в исходящем из расщелины свете.

В первый момент Мышонку показалось, что Катин с кем-то беседует. Потом он увидел у него на ладони записывающий кристалл.

— Проникните в человеческий мозг, — говорил Катин в аппарат. — Между головным и спинным мозгом вы найдете нервный узел, напоминающий человеческую фигурку, но всего около сантиметра высотой. Он связывает сигналы, формируемые органами чувств, с абстракциями, формируемыми головным мозгом. Он приводит в действие наше восприятие окружающего мира и запас знаний, которыми мы обладаем. Проникните сквозь путаницу интриг, тянущихся от мира к миру...

— Эй, Катин!

Катин взглянул на Мышонка. Волна горячего воздуха поднималась снизу.

— ...от звездной системы к звездной системе, заполнивших сектор созвездия Дракона с Центральной звездой — Солнцем, Федерацию Плеяд, Окраинные Колонии, и вы увидите толчею дипломатов, официальных представителей, кем-то назначенных и самозваных, неподкупных или продажных — в зависимости от ситуации, короче,

образование, принимающее форму представляемого им мира. Его задача — воспринимать и уравнивать социальные, экономические и культурные изменения, влияющие на положение дел в Империи.

Проникните внутрь звезды, туда, где пламя окружает ядро из чистого ядерного вещества, сверхсжатого и летучего, удерживаемого в этом состоянии весом окружающего вещества; ядро, имеющее сферическую или эллипсоидную форму, повторяющую форму самой звезды. Вследствие внутризвездных процессов ядро испытывает сильнейшие потрясения. Однако происходящие на поверхности звезды изменения почти не видны — значительные массы вещества сглаживают эти толчки.

Случается, что расстраивается тонкий механизм балансировки внешних и внутренних сигналов в человеческом мозгу. Часто правительство и дипломаты не в силах сдержать процессы, происходящие в подвластных им мирах. А когда расстраивается механизм балансировки звезды, рвущаяся наружу энергия порождает титанические силы, которые превращают эту звезду в Нову...

— Катин!

Он выключил свой аппарат и посмотрел на Мышонка.

— Чем это ты занят?

— Делаю заметки для своего будущего романа.

— Твоего — чего?

— Это архаическая форма искусства, вытесненная психорамой. Она имела ряд ныне исчезнувших особенностей, которыми последующие формы искусства уже не обладали. Я — анахронизм. Мышонок, — Катин усмехнулся. — Кстати, спасибо за работу.

Мышонок пожал плечами.

— А о чем это ты толковал?

— О психологии, — Катин опустил кристалл в карман, — политике и физике.

— Психология? — переспросил Мышонок. — Политика?

— Ты умеешь читать и писать? — спросил Катин.

— На турецком, греческом и арабском. На английском — хуже. С буквами не сделаешь того, что можно сделать со звуками. Катин кивнул. Он тоже был слегка пьян.

— Хорошо сказано. Вот почему английский — очень подходящий для романов язык. Но я сильно упрощаю.

— Что там насчет психологии и политики? Физику я знаю. — В особенности меня интересует, — произнес Катин, обращаясь к бурлящей, пышущей жаром ссадине на поверхности планеты, кровоточащей в двухстах метрах под ними, — психология и политика нашего капитана. Эти две вещи прямо-таки интригуют меня.

— Но почему?

— Его психология на данный момент всего лишь любопытна, поскольку она неизвестна. У меня будет возможность понаблюдать за ним в полете. Но его политика обещает большие возможности.

— Да? Как это?

Катин сцепил пальцы и подпер ими подбородок.

— Я обучался в высшем учебном заведении одной некогда великой страны. Неподалеку от нас находилось строение с надписью «Лаборатория психических исследований фон Рея». Сравнительно новое здание, построенное лет сто сорок назад.

— Капитан фон Рей?

— Я полагаю, его дед. Лаборатория была подарена школе в честь тридцатилетия со дня вынесения судом созвездия Дракона постановле-

ния о предоставлении независимости Федерации Плеяд.

— Так фон Рей из Плеяд? По его произношению этого не скажешь. Вот Себастьян и Тай — другое дело. А ты уверен в этом?

— Там находятся его фамильные владения. Скорее всего, он сам все время путешествует во Вселенной, от чего бы и мы не отказались. Как долго, ты думаешь, он владеет своим кораблем?

— А он не работает на какой-нибудь синдикат?

— Нет, если только этот синдикат не принадлежит его семье. Фон Реи — наиболее влиятельное семейство в Федерации Плеяд. Я не знаю, является ли капитан любимым кузеном, любимым настолько, что ему позволено носить то же имя, или прямым родственником и наследником, но я знаю, что это имя связано с управлением и организацией Федерации Плеяд в целом. Это тот сорт семей, которые имеют дачу в Окраинных Колониях и дом или два для постоянного жительства — на Земле.

— Тогда он большой человек, — хрипло произнес Мышонок.

— Большой.

— А кто такие Принс и Руби Ред, о которых он говорил?

— Ты настолько глуп или просто продукт сверхспециализации тридцать второго века? — удивился Катин. — Иногда я мечтаю о возвращении великих людей двадцатого столетия: Бертрана Рассела, Сюзанны Лэигер, Педжета Давлина, — он посмотрел на Мышонка. — Кто производит все известные тебе транспортные средства, межпланетные и межзвездные?

— Ред-шифт Лимитед... — Мышонок осекся. — Тот Ред?

— Если бы это был не фон Рей, я бы подумал, что он говорит о ком-то другом, но он фон Рей, и поэтому, скорее всего, имеет в виду именно тех Редов.

— Черт, — пробормотал Мышонок. Фирменный знак Ред-шифт встречался настолько часто, что временами даже не привлекал взгляда. Ред-шифт производила технику для космических полетов, оборудование для ремонта и обслуживания космических кораблей, запасные части.

— Реды — семейство промышленников, корни которого уходят к заре космических полетов. Они очень прочно обосновались в созвездии Дракона и, в особенности, на Земле. Фон Реи — это не такая старая, но не менее могущественная фамилия из Федерации Плеяд. А теперь они устроили гонки

за семью тоннами иллириона. Твое политическое чутье не заставляет тебя содрогаться за исход этого дела?

— Почему это?

— Конечно, — сказал Катин, — артист, имеющий дело с самовыражением и воплощением своего внутреннего мира, должен быть, помимо всего прочего, также и аполитичным. Но в самом-то деле. Мышонок?

— О чем ты говоришь. Катин?

Мышонок подумал.

— Иллирионовая батарея приводит в действие мой сиринкс. Я знаю, что его используют для подогрева ядра этой луны... Да, он не имеет отношения к достижению сверхсветовых скоростей?

— Ты, — Катин прикрыл глаза, — такой же зарегистрированный, проверенный, компетентный киборг как и я. Правильно? — на последнем слове глаза его открылись.

Мышонок кивнул.

— И когда же возродится система обучения, для которой понимание было неотъемлемой частью знания?! — вопросил Катин мерцающую темноту. — Ты где проходил обучение на киборга? В Австралии?

— Угу.

— Соображай, Мышонок. В батарее твоего сиринкса иллириона значительно — раз в двадцать — меньше, чем, скажем, радия в светящихся стрелках часов. Сколько времени служат батареи?

— Они рассчитаны на пятьдесят лет, но чертовски дорогие.

— Количество иллириона, необходимое для подогрева ядра этой луны, измеряется граммами. Примерно столько же нужно космическому кораблю. Для того, чтобы разнести всю Вселенную, достаточно восьми-девяти тысяч килограммов, а фон Рей собирается добыть семь тонн!

— Я полагаю, что Ред-шифт этим здорово заинтересуется.

— Могут, — энергично кивнул Катин.

— Катин, а что вообще такое — иллирион? Я спрашивал об этом, когда учился у Купера, но мне сказали, что это слишком сложно для меня.

— Мне сказали то же самое в Гарварде, — ответил Катин. — Я пошел в библиотеку. Наилучшее определение дано профессором Плавиневским в его труде, посланном сперва в Оксфорд в 2238 году, а потом уже — в Общество Теоретической Физики. Я цитирую: «В основном, джентльмены, иллирион — это общее название группы элемен-

тов с порядковыми номерами выше трехсотого, обладающих психоморфными свойствами, гетеротронные свойства которых аналогичны большинству известных элементов, в том числе и принадлежащих к воображаемой серии и имеющих номера от ста седьмого до двести пятьдесят пятого в периодической таблице...» Как у тебя с субатомной физикой?

— Я ведь всего-навсего киборг.

Катин приподнял бровь.

— Ты знаешь, что если двигаться по периодической таблице, то начиная примерно с девяносто восьмого номера, элементы становятся все менее и менее стабильными. В конце концов мы доходим до забавных штучек типа эйнштейния, калифорния, фермия с периодом полураспада в несколько сотых секунды, а далее и до стотысячных долей. Чем дальше мы идем, тем нестабильнее элемент. По этой причине целая серия элементов с сотого по двести девяносто шестой названа воображаемой. На самом деле они существуют, но живут недолго. А примерно с двести девяносто шестого номера стабильность начинает расти. С трехсотого мы возвращаемся к периоду полураспада, измеряемому десятыми, а через пять-шесть номеров начинается новая

серия с периодом полураспада в миллионы лет. Эти элементы имеют гигантское ядро и встречаются крайне редко. Давным-давно, еще в 1950 году, были открыты гипероны, элементарные частицы больше протонов и нейтронов. Эти частицы обладают энергией связи, достаточной для того, чтобы удерживать такое сверхъядро. Точно так же обычные мезоны удерживают ядра известных нам элементов. Эта группа сверхтяжелых, сверхстабильных элементов имеет общее название «иллирион». И опять я процитирую великого Плавиневского: «Но, джентльмены, иллирион — это что-то еще...» Как гласит Вебстер, он и психоморфен, и гетеротронен. Я полагаю, будет правильнее сказать, что иллирион — это масса вещей для массы людей, — Катин прислонился к забору и взмахнул рукой. — Я желаю знать, что он значит для нашего капитана!

— А что такое «гетеротронный»?

— Мышонок, — сказал Катин, — к концу двадцатого столетия человечество стало свидетелем всеобщего взрыва того, что позднее было названо «современной наукой». Пространство оказалось заполненным квазарами и неизвестными источниками радиоизлучения. Количество элементарных частиц превысило число состоящих

из них элементов. Стабильные химические соединения, всегда считавшиеся невозможными, образовывались направо и налево, благородные газы оказались не такими уж благородными. Идея концентрации энергии, выдвинутая квантовой теорией Эйнштейна, оказалась настолько же верной и привела к такому же количеству противоречий, так ранее теория трехсотлетней давности, гласившая, что огонь — это летучая жидкость, называемая флогистоном. Недруги науки — что за великолепное название! — с яростью набросились на новую теорию. Открытие психодинамики заставило каждого сомневаться всегда и во всем, а сто пятьдесят лет назад этот разнобой был приведен в относительный порядок великими умами синтетики и обобщенных наук. Их имена очень много говорят мне, но для тебя они — ничто. И ты, знающий только, когда какую кнопку нажать, хочешь, чтобы я — продукт многовековой системы обучения, основывающейся не только на получении информации, но и на целой теории общественной балансировки, сделал тебе пятиминутный обзор развития человеческой мысли за последние десять веков? Ты хочешь знать, что такое гетеротронный элемент?

— Капитан сказал, что мы должны быть на борту за час до восхода солнца, — рискнул вставить Мышонок.

— Не обращай на это внимания. У меня просто привычка к такого рода экспромтам. Дай подумать... Сперва во Франции в двухтысячном году появился труд де Бло, в котором он предлагал первую грубую шкалу в свой, в основном довольно точный, метод измерения психических изменений электрических...

— Не надо, — перебил Мышонок. — Я хочу узнать про фон Рея и иллирион.

Воздух всколыхнули крылья, и показались черные силуэты. Рука в руке, Себастьян и Тай поднимались по мосту. Их звери, переступающие с ноги на ногу, подняли головы. Тай подбросила одного из них, и он взлетел в воздух. Два других затеяли ссору из-за того, кому сидеть на плече Себастьяна. Один уступил, а другой, удовлетворенный, теперь лениво взмахивал крыльями.

— Эй, — хрипло окликнул их Мышонок. — Вы идете на корабль?

— Идем.

— Минуточку. Что для вас значит имя фон Рея? Оно вам знакомо?

Себастьян улыбнулся, а Тай кротко взглянула

на него своими серыми глазами.

— Мы из Федерации Плеяд происходим, — ответила она. — Я и эти звери родились в одном месте. Наше солнце — это Дим, Умершая Сестра.

— В давние времена Плеяды назывались Семью Сестрами, потому что с Земли видно только семь звезд, — пояснил Катин к неудовольствию Мышонка. — За несколько веков до нашей, эры одна из видимых звезд превратилась в Нову, а затем исчезла. Сейчас в глубинах ее обугленных планет построены города. Для нормальной жизни там еще слишком жарко, но жить все-таки можно.

— Нова? — спросил Мышонок. — Так что же фон Рей?

— Все, что угодно, — взмахнула рукой Тай. — Влиятельная, хорошая семья.

— Это относится и к капитану фон Рею? — спросил Катин. Тай пожала плечами.

— А иллирион? — спросил Мышонок. — Что вам известно о нем?

Себастьян, окруженный своими питомцами, опустился на корточки. Его волосатая рука успокаивающе дотронулась до каждой головы.

— Федерация Плеяд не имеет. Система Дракона — тоже, — буркнул он.

— Говорят, что фон Рей — пират, — неуверенно

сказала Тай.

Себастьян резко поднял голову.

— Фон Реи — влиятельная и хорошая семья! Фон Рей — хороший человек! Поэтому мы с ним и идем.

— Фон Реи — хорошая семья... — уже более мягко произнесла Тай.

Мышонок увидел приближающегося к ним Линчеса, а через десять секунд — и Айдаса.

— Вы двое, вы из Окраинных Колоний?

Близнецы остановились плечо к плечу. Розовые глаза мигали чаще карих.

— Из Аргоса, — сказал альбинос.

— Аргос на Табмэне В-12, — уточнил другой.

— Дальние Окраинные Колонии, — сказал Катин.

— Что вы знаете про иллирион?

Айдас прислонился к перилам моста, нахмурился, потом вспрыгнул на перила и сел.

— Иллирион? — он подогнул ноги в зажал ладони между колен. — У нас в Окраинных Колониях иллирион есть.

Линчес сел рядом.

— Тобиас, — сказал он. — У вас был брат, Тобиас, — он подвинулся ближе к Айдасу. — У нас был брат по имени Тобиас там, в Окраинных Колони-

ях, — он взглянул на Айдаса, и его коралловые глаза подернулись серебром. — На Окраинных Колониях, там, где иллирион.

— Миры Окраинных Колоний, — сказал Айдас. — Бальтус с его снегом, грязью и иллирионом; Кассандра со стеклянными пустынями, огромными, словно земные океаны, бесчисленными джунглями голубых растений, с ленящимися реками галениума — и с иллирионом; Салинус, иссеченный пещерами и каньонами глубиной в милю, с континентами, заполненными мертвенно-красными болотами, с морями, со дна которых поднимаются города, построенные из кварца — и с иллирионом...

— Окраинные Колонии — это миры со звездами, более молодыми, чем звезды созвездия Дракона, и во много раз более молодыми, чем Плеяды, — перебил Линчес.

— Тобиас... Он на одной из иллириоиовых шахт Табмэна, — сказал Айдас.

Голоса зазвучали напряженней, взгляды то опускались к земле, то взлетали к небу.

— Айдас, Линчес и Тобиас — мы выросли на безводных камнях экваториальной части Табмэна, в Аргосе, под тремя солнцами и красной луной...

— ...и на Аргосе тоже есть иллирион. Мы были

буйными — нас звали буйными. Две черные жемчужины и одна белая, с шумом катающиеся по улицам Аргоса...

— ...Тобиас был черным, как Айдас. Я один в городе был белым...

— ...но не менее буйным, чем Тобиас. И однажды ночью нам сказали, что мы бешеные, что мы потеряли головы от блаженства...

— ...золотая пыль, скапливающаяся в трещинах скал, если ее вдохнуть, заставляет глаза мерцать невиданными цветами, и в ушах начинают звучать новые мелодии, и чувствуешь такой восторг...

— ...под влиянием блаженства мы сделали портрет мэра Аргоса, прикрепили его к летательному аппарату с часовым механизмом и запустили над городской площадью, а из динамиков звучали стихи, высмеивающие влиятельных граждан города...

— ...и за это мы были высланы из Аргоса в необитаемые области Табмэна...

— ...а за пределами города была только одна возможность выжить — спуститься в море и работать, пока не забудется позор, в подводных иллирионовых шахтах...

— ...и мы трое, которые под влиянием блажен-

ства никогда ничего не делали, а только прыгали и смеялись...

— ...мы были наивными...

— ...мы спустились в шахту. Мы работали в воздушных масках и водолазных костюмах на подводных разработках Табмэна целый год...

— ...год на Табмэне на три месяца длиннее, чем на Земле, и там шесть времен года вместо четырех...

— ...и в начале нашей второй, цвета морской волны, осени, мы решили уйти, но Тобиас не пошел с нами. Его руки уловили ритмику волн, куски породы удобно ложились на его ладони...

— ...и мы оставили нашего брата в иллирионовой шахте, а сами двинулись в путь среди звезд, боясь...

— ...понимаете, мы боялись, что раз наш брат Тобиас нашел что-то, оттолкнувшее его от нас, то один из нас тоже может найти нечто, что разделит и нас двоих...

— ...поскольку мы считали, что нас троих разлучить нельзя, — Айдас посмотрел на Мышонка. — И нам не до блаженства.

Линчес моргнул.

— Вот что значит иллирион для нас.

— Еще несколько слов, — сказал Катин с другой

стороны тротуара. — В Окраинных Колониях, включающих на сегодняшний день сорок два мира с населением около семи миллиардов человек, практически каждый какое-то время занимается работой, имеющей отношение к добыче иллириона. И, я полагаю, каждый третий работает в той или иной области, связанной с его производством и переработкой, всю жизнь.

— Такова статистика, — подтвердил Айдас, — для Дальних Колоний.

Взметнулись черные крылья: поднялся Себастьян и взял Тай за руку.

Мышонок почесал затылок.

— Ладно, плюнем в эту речку и пойдем на корабль.

Близнецы спрыгнули с перил. Мышонок наклонился над пышущим жаром ущельем и сморщился.

— Что это ты делаешь?

— Плюю в Геенну-3. Цыган должен плюнуть три раза в каждую реку, которую он переходит, — пояснил Мышонок Катину, — иначе непременно будут неприятности.

— Мы живем в тридцать втором столетии! Какие неприятности?

Мышонок пожал плечами.

— Я ни разу не плевал в реку.

— Может, это только для цыган?

— Я очень милым это нахожу, — сказала Тай и перегнулась через перила рядом с Мышонком. Над ними в струе теплого воздуха парил крылатый зверь. Вдруг он исчез в темноте.

— Что это? — внезапно спросила Тай.

— Где? — выпрямился Мышонок. Она показала рукой на обрыв.

— Эй, — сказал Катин, — да ведь это тот слепой.

— Тот, который вмешался в твою игру!

Линчес протиснулся к перилам.

— Он болен, — альбинос сузил свои цвета крови глаза. — Этот человек — он болен.

Завороженный мерцанием, Дэн, огибая каменные глыбы, спускался к лаве.

— Он же обожжется! — воскликнул Катин.

— Но он не чувствует жара, — возразил Мышонок. — Он не видит и, наверное, ничего не понимает!

Айдас, а за ним и Линчес, раздвинув остальных членов экипажа, побежали вверх по мосту.

— Бежим! — крикнул Мышонок, бросившись за ними.

Себастьян и Тай кинулись вдогонку, оставив

позади Катина. Спустившись на десяток метров, Дэн остановился на камне, вытянув руки перед собой, готовясь прыгнуть в огонь.

Они были на середине моста, а близнецы уже перелезали через ограждение, когда чья-то фигура появилась на обрыве над тем местом, где стоял старик...

— Дэн! — лицо фон Рея пламенело в обволакивающем его свете. Он прыгнул. Обломок сланца вылетел из-под его ноги и разбился впереди него, когда он проехался по склону. — Дэн, стой!

Дэн прыгнул.

Его тело, пролетев шестьдесят футов, рухнуло на выступ скалы, перевернулось и свалилось вниз.

Мышонок вцепился в ограждение, перегнулся, навалившись животом на перила.

Подбежавший Катин тоже посмотрел туда.

— А-а-а-а, — выдохнул Мышонок, отворачиваясь. Капитан фон Рей опустился на камень, с которого прыгнул Дэн. Стискивая кулаки, он молча глядел вниз. Близнецы остановились на выступе скалы чуть выше него.

Капитан фон Рей поднялся и посмотрел на свой экипаж. Он тяжело дышал. Потом он повернулся и стал карабкаться вверх по склону.

— Что случилось? — спросил Катин, когда они все уже были на мосту. — Почему он?..

— Я говорил с ним незадолго до этого, — ответил фон Рей. — Он был членом моего экипажа много лет, но в последнем полете... он... он ослеп.

Представительный капитан. Капитан со шрамом. «А сколько бы ему могло быть лет?» — подумал Мышонок. Сначала он дал бы ему лет сорок пять-пятьдесят, но происшествие сняло с него лет десять-пятнадцать. Капитан был в возрасте, но не стар.

— Я только что говорил ему, что устрою возвращение домой, в Австралию. Он повернулся и пошел назад, по мосту, к отелю, где я снимал ему комнату. Я оглянулся — на мосту его уже не было, — капитан поглядел на свой экипаж. — Идите на «Рух».

— Я полагаю, вы доложите об этом Патрулю? — сказал Катин.

Фон Рей двинулся к воротам на стартовое поле. Экипаж последовал за ним.

— Здесь рядом, на мосту, видеофон...

Взгляд фон Рея заставил Катина замолчать.

— Я хочу взлететь с этого осколка скалы. Если мы пошлем сообщение отсюда, нас задержат и заставят каждого троекратно повторить рассказ.

— Я полагаю, сообщить можно и с корабля, — согласился Катин. — Уже после старта. — На мгновение Мышонок засомневался в точности своей оценки возраста капитана.

— Мы ничего уже не сможем сделать для этого старого печального дурака.

Мышонок бросил взгляд на расселину и поспешил вслед за Катиным.

Вдали от разлома ночь была прохладной, и туман короной дрожал вокруг индукционно-флюоресцентных ламп, освещающих поле. Катин и Мышонок шли последними.

— Я думаю: что означает иллирион для большинства здешних жителей? — тихо произнес Мышонок.

Катин хмыкнул и засунул руки под ремень. Подумав немного, он спросил:

— Скажи, Мышонок, что ты думаешь об этом старике и его омертвевших чувствах?

— Когда они пытались добраться до Новы в последний раз, — сказал Мышонок, — он слишком долго смотрел на звезду через сенсодатчик, и все его нервные центры были обожжены. Они не мертвы, а повреждены длительным раздражением, — он пожал плечами. — Никакой разницы. Почти что мертвы.

— О! — сказал Катин и опустил взгляд. Кругом стояли грузовые звездолеты. Между ними притулились небольшие, метров по сто высотой, частные корабли.

Некоторое время они молчали, потом Катин опять спросил:

— Мышонок, тебе не приходило в голову, как много ты можешь потерять от этого путешествия?

— Приходило.

— И ты не боишься?

Мышонок дотронулся до руки Катина своими тонкими пальцами.

— Чертовски боюсь, — выдохнул он и откинул волосы, чтобы взглянуть на своего высокорослого товарища. — Ты знаешь, я не люблю таких вещей, какие произошли с Дэном. Я боюсь.

Глава 3

(Созвездие Дракона. Тритон. Геенна-3. 3172 год)

Его предшественник притащил откуда-то уголек и вывел корявыми буквами на панели аналогового компьютера: «Ольга».

— О'кей, — улыбнулся Мышонок, — значит, ты — Ольга?

Три огонька зеленых, четыре — красных. Мышонок начал скучную процедуру проверки величин напряжений и соответствия фаз.

Чтобы заставить корабль двигаться быстрее света от звезды к звезде, вы должны использовать каждый изгиб пространства, каждое нужное вам искривление, создаваемое материей. Говорить о скорости света как о предельной скорости движения объекта равносильно заявлению, что двенадцать-тринадцать километров в час — предел скорости пловца в море. Ведь если пловец будет использовать морские течения и силу ветра, как это делает парусник, ограничение скорости снимается. Звездолет имеет семь регуляторов потоков энергии, аналогичных парусам. Шесть аналоговых преобразователей

управляются компьютерами, каждый из которых контролируется киборгом, седьмой же — капитаном. Потоки энергии должны быть настроены соответственно рабочим частотам статических давлений, тогда энергия иллириона разгоняет корабль. Такова работа «Ольги» и ее родных сестер. Но управление формой и положением паруса лучше поручить мозгу человека. Это и есть работа Мышонка (под контролем капитана). Кроме этого, капитан осуществляет контроль над множеством дополнительных парусов.

Стены каюты были покрыты рисунками, оставшимися от предыдущих экипажей. Была там и койка. Мышонок заменил неисправную катушку индуктивности в ряду импульс-конденсаторов на семьдесят микрофарад, задвинул плату в стену и сел.

Он протянул руку к пояснице и нащупал разъем. Этот разъем подсоединили к его спинному мозгу у Купера. Он поднял экранированный кабель, петлей свернувшийся на полу и исчезавший в панели компьютера, и возился с ним до тех пор, пока все шестнадцать штекеров не вошли в гнездо на его пояснице. Он взял меньший, шестиштекерный кабель и вставил его в гнездо на внутренней стороне левого запястья, затем

еще один — в гнездо на правом запястье. Теперь его периферийная нервная система была связана с Ольгой. На шее, под затылком, было еще одно гнездо, в которое он воткнул последний штекер — кабель был тяжелым и слегка оттягивал шею — и увидел ослепительные искры. Этот кабель посылал импульсы непосредственно в головной мозг, но мозг при этом сохранял способность к восприятию зрительных и слуховых ощущений. Послышалось слабое гудение. Мышонок дотронулся до верньера на панели Ольги и подкрутил его. Гудение смолкло. Потолок, стены, пол — все было покрыто приборами управления. Каюта была достаточно мала, чтобы киборг до большинства из них мог дотянуться с койки. Но когда корабль стартует, он не сможет даже дотронуться до них и будет управлять двигателями только посредством своих нервных импульсов.

— Я всегда чувствую себя при этом, словно перед Большим Поворотом, — прозвучал в его ушах голос Катина. Киборги, разбросанные по своим каютам, находились в контакте между собой, когда подключались к компьютерам. — Поясница там, где входит кабель, словно омертвела. — Все это больно уж смахивает на театр марионеток. Ты знаешь, как все это работает?

— Если ты до сих пор этого не знаешь, — сказал Мышонок, — то это плохо.

Айдас:

— Спектакль на тему об иллирионе...

— ...иллирионе и Нове. — это Линчес.

— Скажи-ка, что ты сделал со своими зверями, Себастьян?

— Чашку молока они выпили.

— С транквилизаторами, — донесся нежный голос Тай. — Спят они сейчас.

Огни потускнели.

Капитан подключился, к кораблю. Рисунки, царапины на стенах — все исчезло. Остались только красные огни потолка, вспыхивающие один за другим.

— Приглашение поиграть со сверкающими камешками — сказал Катин.

Мышонок пяткой задвинул под койку футляр с сиринксом и лег. Кабель он пристроил за спиной.

— Все в порядке? — услышали все голос фон Рея. — Выдвинуть четыре паруса.

Перед глазами Мышонка разлился мерцающий свет. Космопорт — огни по краям поля. Светящиеся разломы коры превратились в фиолетовое мерцание.

— Боковой парус на семь делений.

Мышонок согнул то, что прежде было его левой рукой. Боковой парус опустился, словно прозрачное крыло.

— Эй, Катин, — прошептал Мышонок. — Это уже кое-что! Посмотри...

— За иллирионом и за Принсом и Руби Ред, — сказал один из близнецов.

— Смотри за парусом! — оборвал его капитан.

— Катин, гляди...

— Лежи и привыкай, Мышонок, — прошептал Катин.

— Я как раз собираюсь этим заняться и подумать о прошлой жизни.

Пустота взревела.

— Чувствуешь, Катин?

— Ты можешь справиться с чем угодно, если постараешься.

— Вы двое, смотрите вперед! — сказал фон Рей.

Они оборвали разговор.

— Включить основные двигатели!

На мгновение перед Мышонком вспыхнули огни «Ольги» и пропали. Крылья распростерлись за ним. И они рванулись прочь от Солнца.

— До свиданья, Луна, — прошептал Катин.

Вот уже и Тритон исчез на фойе Нептуна, а сам

Нептун померк в сияния Солнца. И Солнце начало уменьшаться. Ночь обступила их.

* * *

(Федерация Плеяд. Арк. Нью-Арк. 3153 год)

Его звали Лох фон Рей, и он жил на Экстол Парк — 12, в большом доме на холме: Нью-Арк (Н. В. 73), Арк. Вот что надо говорить на улице, если потеряешься, и тебе помогут найти твой дом. Улицы Арка были закрыты прозрачными щитами от ветра, и вечерами, с апреля по юмбру, разноцветные клубы расходились в стороны, взмывали вверх и сплетались над городом. Его звали Лок фон Рей, и он жил... Это все детские воспоминания, наиболее прочные, наиболее запомнившиеся. Арк был крупнейшим городом Федерации Плеяд. Отец и мать были важными людьми и часто отсутствовали. А дома они говорили о созвездии Дракона и о его центральной планете — Земле. Они говорили о перестройке, о будущей независимости Окраинных Колоний. Их гостями были сенатор такой-то и представитель имярек. Когда Секретарь Морган женился на тете Циане, они пришли на обед, и Секретарь Морган подарил ему голографическую карту

Плеяд, которая была совсем как обычный лист бумаги, но стоило осветить ее лазерным лучом, и начинало казаться, что смотришь ночью из окна на мерцающие звезды.

— Ты живешь на Арке, второй планете этого солнца. Вот здесь, — сказал его отец, показывая место на карте, которую Лок расстелил на каменном столе у стеклянной стены, за которой под вечерним ветром корчились паукообразные деревья.

— А где Земля?

Отец рассмеялся.

— Ты не увидишь ее на этой карте. Это ведь только Федерация Плеяд.

Морган опустил руку на плечо мальчика.

— В следующий раз я принесу тебе карту созвездия Дракона, — он улыбнулся.

Лак повернулся к отцу.

— Я хочу в созвездие Дракона! — затем снова к Секретарю Моргану. — Мне хочется на несколько дней слетать в созвездие Дракона!

Секретарь Морган разговаривал, как большинство учеников в школе Косби, где учился Лок, как люди на улицах, помогающие ему найти дорогу домой, но не как папа или тетя Циана.

Отец хмыкнул:

— Карта Дракона! Вот все, что ему нужно. Карта Дракона.

Тетя Циана засмеялась. Мама и Секретарь Морган подхватили смех.

Они жили на Арке, но часто отправлялись на другие планеты на больших кораблях. На них были каюты, где достаточно протянуть руку к цветным панелям, чтобы в любое время заказать себе еду. Или вы можете спуститься на обзорную палубу и любоваться пустотой пространства.

Время от времени его родители летали в созвездие Дракона, на Землю, в города, называющиеся Нью-Йорк и Пекин. Он мечтал о том времени, когда они возьмут его с собой.

Но каждый год, в последнюю неделю сэлюара, папа и мама на самом большом корабле отправлялись на планету, которой тоже не было на карте. Она называлась Новой Бразилией и находилась в Окраинных Колониях. Лок тоже бывал на Новой Бразилии, на острове Сяо Орини, так как у его родителей был дом неподалеку от разработок.

* * *

(Окраинные Колонии. Новая Бразилия. Сяо Орини. 3154 год)

Первый раз он услыхал имена Принса и Руби Ред именно в доме на Сяо Орини. Он лежал в постели и кричал, чтобы закрыли свет.

Его мать, наконец, пришла, опустила сетку от комаров (в ней не было нужды, поскольку дом был оснащен аппаратурой для отпугивания крохотных красных жучков, после укуса которых несколько часов чувствуешь себя веселым, но мать предпочла застраховаться). Она взяла его на руки.

— Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! Все хорошо. Тебе не хочется спать? Завтра будут гости. Не хочешь поиграть с Руби и Принсом?

Она походила с ним на руках по детской, остановившись на секунду, чтобы повернуть стенной выключатель. Потолок начал поворачиваться, поляризованное стекло стало прозрачным. Сквозь пальмовые кроны, смыкающиеся над крышей, струили свой оранжевый свет две луны. Мать уложила его, погладила жесткие рыжие волосы и собралось уходить.

— Не выключай, мамочка!

Она убрала руку с выключателя, улыбнулась и

покачала головок. Ему стало тепло, он повернулся в постели и стал смотреть сквозь пальмовые листья на луны.

Принс и Рубя Ред прибыли с Земли. Он знал, что родители его матери тоже были с Земля, из страны, называемой Сенегал. Предки его отца тоже были с Земли, из Норвегии. Фон Реи, светловолосые и буйные, спекулировали в Плеядах из поколения в поколение. Он не имел понятия, чем, но очень успешно. Его семья владела месторождением иллириона, разработки которого начинались сразу же за северной оконечностью Сяо Орини. Отец как-то пошутил, что сделает его маленьким десятником на руднике. Видимо, иллирион и означал «спекуляцию».

Он не помнил, чтобы его знакомили с голубоглазым, черноволосым мальчишкой и его подвижной сестрой, но помнил, как они трое — он, Принс н Руби — играли на следующий день в саду.

Он показал им то место за бамбуковой рощей, где можно было забраться в высеченные из камня пасти огромных чудовищ.

— Что это? — спросил Принс.

— Драконы, — объяснил Лок.

— Драконов нет, — сказала Руби.

— Это драконы. Так сказал папа.

— О! — Принс ухватился за нижнюю губу чудовища правой — искусственной — рукой и, подтянувшись, уселся на камне. — Зачем они?

— Чтобы забираться туда, а потом спускаться вниз. Папа говорил, что их высекли люди, которые жили здесь раньше.

— Кто жил здесь раньше? — спросила Руби. — И для чего им нужны были драконы? Помоги мне забраться, Принс.

— Я думаю, они глупцы, — сказал Принс. Теперь они оба стояли над ним меж каменных клыков. (Позднее он узнал, что «люди, которые жили здесь раньше» — это раса, вымершая двести тысяч лет назад, их статуи пережили создателей, и на этих обломках фон Реи воздвигли свой особняк.) Лок вскочил на камни под челюстью, уцепился за нижнюю губу и стал карабкаться вверх.

— Дай мне руку.

— Сейчас, — ответил Принс, затем, не торопясь, поставил ногу на пальцы Лока и нажал всем телом.

Лок задохнулся от боли и повалился на траву, зажимая пальцы другой рукой.

Руби хихикнула.

— Эй, ты! — гнев пульсировал в нем, гнев и

недоумение. В пальцах билась боль.

— Нечего было издеваться над его рукой, — сказала Руби. — Он этого не любит.

— А! — Лок в первый раз за все время в упор поглядел на клешню из металла и пластика. — Я не издевался!

— Издевался, — враждебно сказал Принс. — Я не люблю людей, которые издеваются надо мной!

— Но я... — семилетний разум Лока пытался как-то увязать эту бессмыслицу. Он поднялся. — А что у тебя с рукой?

Принс опустился на колени, потом ухватился за край камня и повис, качаясь на уровне головы Лока.

— Смотри! — он взлетел обратно. Механическая рука согнулась так быстро, что воздух засвистел. — Не говори больше о моей руке! С ней ничего особенного! Совсем ничего!

— Если ты не будешь дразнить его, — добавила Руби, глядя на мальчика из каменной пасти, — то он подружится с тобой.

— Ну, тогда все в порядке, — осторожно сказал Лок.

Принс улыбнулся.

— Тогда мы подружимся, — у него был слабый подбородок и мелкие зубы.

— Все в порядке, — сказал Лок, сразу поняв, что Принс не нравится ему.

— Если ты скажешь что-нибудь вроде «дай руку», он побьет тебя. Он сделает это, хотя ты и старше его.

И старше Руби.

— Иди сюда, — пригласил его Принс.

Лок забрался в пасть и встал рядом с ними.

— Что мы будем делать теперь? — спросила Руби. — Спускаться?

— Отсюда можно смотреть на сад, — сказал Лок, — и на гостей.

— Кому интересно смотреть на этих стариков? — протянула Руби.

— Мне, — сказал Принс.

— О, — сказала Руби, — тебе? Ну, тогда ладно.

Там, за бамбуковой рощей, по саду прогуливались гости. Они вежливо кланялись, говорили о последней психораме, о политике, потягивали вино из высоких стаканов. Его отец стоял у фонтана, выясняя у своих спутников их отношение к предполагаемой независимости Окраинных Колоний — в конце концов, у него здесь был дом, и он должен был держать палец на пульсе общественной жизни. Это был год, когда убили Секретаря Моргана. Хотя Андервуд и был схвачен,

существовали разные мнения о том, какая партия сильнее и влиятельнее.

Женщина с серебряными волосами кокетничала с молодой парой, пришедшей с Послом Сельвином, который был двоюродным братом Лока. Аарон Ред, мужчина осанистый, настоящий джентльмен, загнал в угол трех молодых леди и разглагольствовал о моральном вырождении молодежи. Мама ходила среди гостей, касаясь травы подолом красивого платья, а за ней, тихо жужжа, двигался буфет. Она останавливалась то тут, то там, чтобы предложить камаче, бокал вина или свое мнение о предполагаемой перестройке. После года феноменального успеха тоху-боху, интеллигенция, наконец, приняла эту музыку, и теперь скрежещущие звуки метались по поляне. Световая фигура в углу металась и мерцала в такт музыке.

Его отец громогласно засмеялся, привлекая общее внимание.

— Послушайте! Послушайте, что сказал мне Лузуна! — он держал руку на плече студента, пришедшего с молодой парой. Несдержанность фон Рея, очевидно, подсказала молодому человеку аргументы. Отец жестом велел ему говорить.

— Я только сказал, что мы живем в такое время,

когда экономические, политические и технологические перемены ведут к развалу культурных традиций.

— Господи! — засмеялась женщина с серебряными волосами. — И всего-то?

— Нет, нет, — отец сделал отрицательный жест. — Мы должны послушать, что думает младшее поколение. Продолжайте, сэр!

— Иссякла мировая и национальная солидарность. Даже на Земле, в центре созвездия Дракона! Последние шесть поколений стали очевидцами такого переселения народов в другие миры, какого еще не бывало. Это — псевдоинтерпланетарное общество. Оно несет новые традиции, пока еще очень влекущие. Но на самом деле оно является абсолютно пустым и прикрывает собой невероятный упадок, интриги, коррупцию...

— Ну право, Лузуна, — перебила его молодая женщина. — Не надо демонстрировать нам свою образованность, — она взяла бокал, переданный ей женщиной с серебряными волосами.

— ...и пиратства!

С последним словом даже трое детей, скорчившихся в пасти каменной ящерицы, поняли, глядя да выражение лиц гостей, что Лузуна зашел слишком далеко.

Мама пересекла поляну, поддерживая платье кончиками пальцев с золочеными ногтями. Она засмеялась и взяла Лузуну под руку.

— Идемте. Продолжим эти социальные разоблачения после обеда. Нас ожидает полностью продавшийся манао-бонгуу с лозо йе мойджи и не имеющий никаких традиций упадочный мнати а нсенчо, — мама всегда готовила для гостей старинные сенегальские блюда. — И если печь согласится с нами сотрудничать, под конец будет подана ужасная псевдоинтерпланетная тиба йока фламбе.

Студент огляделся и улыбнулся, поняв, что лучше все обратить в шутку. Держа студента под руку, мама пригласила гостей к обеду.

— Кажется, кто-то говорил мне, что вы закончили обучение в Институте Дракона на Центавре? Значит, вы человек образованный. Судя по вашему произношению, вы с Земли. Сенегал? О, я тоже оттуда. А из какого города?..

Папа с большим облегчением правел рукой по своим волосам и повел гостей в обеденный павильон, окна которого были закрыты жалюзи. Стоя на каменном языке. Руби говорила брату:

— Не думаю, чтобы ты это сделал.

— Почему же нет? — спросил Принс.

Лак оглянулся на брата с сестрой. Принс поднял камень с пола пещеры и зажал его в механической руке. На той стороне были расположены вольеры с белыми какаду, которых мама привезла из своего последнего путешествия на Землю.

Принс прицелился. Пластик и металл блеснули в воздухе. В сорока футах от них птицы с криками бросились в стороны. Одна из них упала, и даже с такого расстояния Лок увидел кровь на ее перьях.

— Это та, в которую я метил, — Принс улыбался.

— Эй, — сказал Лок. — Мама не... — он взглянул на металлический придаток, прикрепленный через плечо к обрубку руки. — Принс, скажи, а другой...

— Будь осторожен, — черные брови Принса надвинулись на осколки голубоватого стекла. — Я просил тебя оставить мою руку в покое, — рука согнулась, и Лок услышал рокот моторчиков — упрр, клик, упрр — в запястье и локте.

— Он не виноват, что таким родился, — сказала Руби, — а обсуждать гостей — невежливо. Аарон говорит, что все вы здесь варвары. Правда, Приис?

— Правда, — Принс опустил руку.

Из динамиков донесся голос:

— Дети, где вы? Идите ужинать. И поскорее!

Они спустились и направились к дому через бамбуковую рощу.

Лок лег в постель, возбужденный вечеринкой. Он лежал под двойными тенями пальм на потолке детской, прозрачном еще с прошлой ночи.

Шепот:

— Лок!

И еще:

— Ш-ш-ш! Не так громко, Принс!

Чуть тише:

— Лок?

Он отодвинул противомоскитную сетку и сел в постели. На полу светились фигуры тигров, слонов, обезьян.

— Что вам?

— Мы слышали, как они выехали из ворот, — Принс стоял в дверях детской, на нем были шорты.

— Куда они поехали?

— Мы тоже хотим туда, — сказала Руби из-под локтя брата.

— Куда они поехали? — повторил Принс.

— В город, — Лок встал и тихо прошел по сверкающему зверинцу. — Мама и папа всегда берут

своих друзей в поселок, когда те приезжают в гости.

— Что они там делают? — Принс прислонился к косяку.

— Они... Ну, они просто едут в город...

— Мы расковыряли электронного сторожа, — сказала Руби. — Он не очень надежный и слишком уж прост. Здесь все такое старомодное! Аарон говорит, что только варварам из Плеяд доставляет удовольствие жить здесь... Ты покажешь нам, куда они пошли?

— Ну, я...

— Нам хочется пойти туда, — сказала Руби.

— А разве ты сам не хочешь?

— Ладно, — согласился Лок, хотя хотел отказаться. — Я только обуюсь, — но детское любопытство знать, чем занимаются взрослые, когда рядом нет детей, уже наложило на него свой отпечаток, и впоследствии это чувствовалось в его поступках, даже когда он повзрослел.

Деревья тихо шелестели около ворот. Лок знал, что днем замок открывается от прикосновения руки, поэтому его слегка удивило то, что ворота открылись сейчас.

Дорога уходила во влажную ночь. Луна висела над скалами, и от нее по морю тянулась узкая зо-

лотистая дорожка. Огни поселка, мигали сквозь листву, словно сквозь огромную перфокарту. Горы, выбеленные светом луны, окаймляли дорогу. Кактусы вздымали к небу свои шипастые листья.

Около первого же встретившегося им придорожного кафе Лок поздоровался с горняком, сидящим за столиком возле дверей.

— Маленький сеньор, — кивнул тот в ответ.

— Вы не знаете, где мои родители? — спросил Лок.

— Они прошли мимо, — пожал плечами тот. — Леди в красивых платьях и мужчины в жилетах. Около получаса тому назад.

— На каком это языке он говорит? — перебил Принс.

Руби хихикнула.

— Тебе это понятно?

Это было открытием для Лока. И он, и его родители, разговаривая с жителями Сяо Орини, использовали слова, отличающиеся от тех, которые они употребляли в разговорах между собой или с гостями. Он научился местному португальскому языку, в котором начисто отсутствовали промежутки между словами, под мигающими огнями гипноучителя в раннем детстве, и сам не

помнил, когда.

— Куда они пошли? — повторил он вопрос.

Горняка, звали Таво. В прошлом году, когда рудник закрывали, он целый месяц работал на лязгающем садовом агрегате, разбивая за домом парк. Между туповатым работником и опрятным мальчиком завязалось нечто вроде дружбы. Лок признавал это, но его мама положила конец этим отношениям, когда в прошлом году он пришел из поселка и рассказал, как на его фазах Таво убил человека, потому что тот дразнил его, называя алкоголиком.

— Пойдем, Таво. Расскажешь, куда они пошли.

Таво пожал плечами.

Мошки вились вокруг светящейся надписи над входом в кафе. Креповые ленты и папиросная бумага, оставшиеся на столбах, подпиравших навес, бились на ветру, как напоминание о фестивале в честь Дня Независимости. Как раз была годовщина Дня Независимости Плеяд, и горняки праздновали ее здесь, поднимая стаканы за себя и за его мать и отца.

— А он знает, где они? — спросил Принс.

Таво пил соевое молоко из треснутой чашки, чередуя каждый глоток с глотком рома. Он похлопал по своему колену, и Лок, взглянув на Принса

и Руби, сел. Брат и сестра неуверенно посмотрели друг на друга.

— Вы тоже садитесь, — сказал Лок. — На эти стулья. Они сели.

Таво пододвинул Локу свою чашку с молоком. Лок отпил половину и протянул ее Принсу:

— Хочешь?

Принс поднес чашку ко рту, понюхал.

— И ты это пьешь? — сморщившись, он резко поставил чашку на стол.

Лок взял стакан рома.

— Предпочитаешь?..

Таво отобрал у него стакан.

— Это не для тебя, маленький сеньор.

— Таво, где мои родители?

— В лесу, у Алонцы.

— Проводишь нас, Таво?

— Кого?

— Мы хотим найти их.

Таво задумался.

— Без денег туда не доберешься, — он взъерошил волосы Лока. — Эй, маленький сеньор, есть у тебя деньги?

Лок вытащил из кармана несколько монет.

— Этого мало.

— Принс, у тебя или у Руби есть деньги?

Принс вынул два фута местных денег из кармана шортов.

— Дай их Таво.

— Зачем?

— Он отведет нас к моим родителям.

Таво перегнулся через стол и взял у Принса деньги. Его брови поднялись, когда он увидел сумму.

— Это все мне?

— Если отведешь вас, — ответил Лок.

Тава ткнул Лока пальцем в живот. Все засмеялись. Таво взял одну бумажку и сунул ее в карман. Потом он потребовал еще молока и рома.

— Молоко — тебе. А для твоих друзей?

— Идем, Таво. Ты обещал отвести нас!

— Не беспокойся, — сказал горняк. — Я думаю, сможем ли мы туда попасть? Ты знаешь, что мне завтра утром на работу? — он дотронулся до разъема на запястье.

Лок положил в молоко соль и перец и отпил маленький глоточек.

— Я хочу попробовать, — попросила Руби.

— Оно отвратительно пахнет, — сказал Принс. — Ты бы не смогла его пить. Так он собирается вести нас или нет?

Таво жестом подозвал владельца кафе.

— У Алонцы сегодня много народу?

— Сегодня пятница, сам знаешь, — ответил тот.

— Мальчик просит меня отвести его туда, — сказал Таво, — на вечер.

— Ты собираешься взять сына фон Реев к Алонце? — багровое родимое пятно на щеке владельца кафе дернулось.

— Там его родители, — пожал плечами Таво. — Мальчик просит отвести его к ним. Он сказал, чтобы я отвел их, ты понял? Это интереснее, чем сидеть здесь и давить этих красных жуков, — он нагнулся, сцепил ремешки валявшихся рядом сандалий и перевесил их через плечо. — Идем, маленький сеньор. Зови однорукого и девчонку.

При упоминании о руке Принса Лок вздрогнул.

— Идем.

Принсу и Руби пришлось перевести.

— Мы идем, — пояснил Лок, — наверх, к Алонце.

— Что за Алонца?

— Это, что-нибудь вроде тех пекинских заведений с нехорошими женщинами, о которых говорил Аарон?

— У них здесь нет ничего похожего на Пекин, — сказал Принс. — Глупая, у них нет ничего

похожего даже на Париж.

Таво взял Лока за руку.

— Будь рядом. Скажи своим друзьям, чтобы не отходили далеко, — рука Таво была потной и мозолистой. Джунгли впереди были наполнены птичьими криками и шелестом деревьев.

— Куда мы пойдем? — спросил Принс.

— К маме и папе, — голос Лока прозвучал неуверенно. — К Алонце.

Таво обернулся при последнем слове и кивнул. Он показал на деревья, запятнанные светом двух лун.

— Это далеко, Таво?

Таво только похлопал его по шее, взял за руку и пошел дальше. На вершине холма было светло: свет пробивался из-под брезентового навеса. Несколько мужчин, смеясь, пили с толстой женщиной, вышедшей на свежий воздух. Плечи и лицо ее были влажными, груди при каждом вздохе просвечивали сквозь оранжевый ситец, коса была растрепана.

— Стой, — шепнул Таво и отодвинул ребят назад.

— Эй, почему?..

— Мы должны стоять тут, — перевел Лок Принсу, шедшему за горняком.

Принс огляделся, повернулся и подошел к Локу и Руби. Присоединившись к мужчинам, Таво первым делом перехватил пущенную по кругу бутылку с ромом.

— Эй, Алонца, сеньоры фон Рей?.. — он ткнул большим пальцем в сторону навеса.

— Иногда они заходят, иногда с ними бывают их гости, — ответила Алонца. — Иногда им нравится смотреть...

— А сейчас? — перебил Таво. — Сейчас они здесь?

Она взяла бутылку и кивнула.

Таво обернулся и жестом подозвал ребят.

Лок, сопровождаемый удивленными взглядами и приглушенным свистом, подошел к нему.

Мужчины вернулись к прерванному разговору, заглушаемому криками и смехом, доносившимися из-под брезента. Ночь была жаркой. Бутылка прошла по кругу еще трижды. Лок и Руби тоже немного отхлебнули. На третий раз Принс скорчил гримасу, но все же отхлебнул.

Наконец Таво подтолкнул Лока.

— Там.

Таво пришлось пригнуться в дверях. Лок, самый высокий из ребят, задел макушкой брезент.

На центральной балке раскачивался фонарь.

Слепящий свет на крыше, слепящий свет на ушных раковинах людей, на кончиках их носов, на лицах. Чья-то голова провалилась в толпу, вызвав смех и проклятья. Влажный рот блеснул, словно горлышко бутылки. Волосы были растрепаны и мокры от пота. Кто-то трезвонил в колокольчик, перекрывая шум. Лок почувствовал, что его пальцы возбужденно подрагивают.

Люди начади садиться. Таво опустился на корточки, за ним Принс и Руби. Лок, вцепившийся во влажный воротник Таво, последовая их примеру.

В яме, тяжело ступая, ходил взад и вперед человек в высоких ботинках, жестами заставляя всех сесть.

На той стороне, за ограждением, Лок вдруг заметил женщину с серебряными волосами. Она склонилась к плечу студента-сенегальца Лузуны. Ее волосы свисали на лоб, словно изогнутые лезвия ножей. Рубашка студента была расстегнута, жилета на нем не было.

Человек в яме снова зазвонил в колокольчик. Пушинка опустилась на его блестящую от пота руку и прилипла, хотя он яростно жестикулировал и кричал на толпу. Потом он стал стучать коричневым кулаком по жестяной стенке, требуя

тишины.

Сквозь щели ограждения просовывали деньги. Между планками набились люди, делающие ставки. Лок взглянул вдоль ограждения и увидел вдалеке молодую пару. Мужчина тянулся вперед, бешено махая купюрами.

Человек в яме тяжело ступал по клочкам высохшей кожи и перьям. Черные ботинки доходили ему до колен.

Когда толпа немного притихла, он направился к ближайшему краю ямы, невидимому Локу, и нагнулся.

Дверь клетки распахнулась. Человек с воплем вскарабкался, на изгородь и ухватился за центральный столб. Зрители закричали и вскочили. Лок рванулся вперед.

На той стороне, за ямой, стоял его отец. Лицо его под светлой шевелюрой было перекошено. Он потрясал кулаком в сторону арены. Мать, держа одну руку около шеи, другой упиралась ему в грудь. Посол Сельвин пытался протиснуться между двумя горняками, вопившими возле ограждения.

— Вон Аарон! — воскликнула Руби.

— Нет, — откликнулся Принс.

Теперь уже стояло столько людей, что Локу

ничего больше не было видно. Таво поднялся и стал кричать на людей впереди, чтобы они сели. Кто-то передал ему бутылку, и он замолчал.

У края ямы раздался шум, потом он смолк. И тут толпа взорвалась неистовым ревом. Кто-то махал курткой.

Возбужденный и несколько разочарованный, Лок от выпитого вина и вони почувствовал себя не очень хорошо.

— Пойдем! — крикнул он Принсу. — Пойдем наверх, там виднее!

— Наверное, не стоит, — возразила Руби.

— Почему бы и нет, — Принс шагнул вперед, но вид у него был испуганный.

Лок двинулся к ограждению. Вдруг кто-то схватил его за руку так, что он завертелся волчком.

— Что ты тут делаешь?! — рассерженный и немного смущенный фон Рей тяжело дышал. — Кто только тебя надоумил привести сюда этих ребят?

Лок оглянулся в поисках Таво, но тот исчез.

Аарон Ред остановился позади отца.

— Я ведь говорил, что надо кого-нибудь с ними оставить. Ваши здешние электронные сторожа давно устарели. Любой мало-мальски сообразительный ребенок быстро сможет разобраться в

их схеме.

Фон Рей быстро повернулся к нему.

— О, с ребятами совершенно ничего не случилось! Но Лок хорошо знает, что ему не полагается выходить вечером в одиночку.

— Я отведу их домой, — вступила в разговор подошедшая мама. — Не расстраивайтесь, Аарон. С ними все в порядке, — она повернулась к детям. — И кто только помог вам сюда добраться?

Кругом столпились любопытствующие горняки. Руби начала плакать.

— Дорогая моя, чего же ты теперь испугалась? — с участием спросила мама.

— Ничего страшного, — произнес Аарон Ред. — Она просто знает, что ей будет дома. Им известно, что их ждет, когда они плохо поступают.

Руби, которая совсем не думала о наказании, заплакала по-настоящему.

— Почему бы не поговорить об этом завтра утром? — мама бросила на фон Рея отчаянный взгляд. Но отец был слишком расстроен слезами Руби и огорчен присутствием здесь Лока, чтобы заметить этот взгляд.

— Конечно отвези их домой, Дана, — он оглянулся и увидел столпившихся горняков. — Отвези их прямо сейчас. Идемте, Аарон, нет нужды бес-

покоиться.

— Сюда, — сказала мама. — Руби, Ирине, давайте ваши руки. Идем, Лок... — она протянула детям руки.

Принс взялся за ее руку своим протезом и сжал пальцы. Мама вскрикнула, пошатнулась и схватилась за запястье другой рукой — ее пальцы попали в тиски из металла и пластика.

— Принс! — Аарон попытался схватить его, но тот увернулся, пригнулся и бросился бежать.

Мама опустилась на колени прямо на грязный пол, с трудом сдерживая слезы. Отец взял ее за плечи.

— Дана! Что он сделал? Что случилось?

Мама отрицательно затрясла головой. Принс бежал прямо на Таво.

— Задержи его! — закричал отец по-португальски.

— Принс! — крикнул Аарон.

Окрик, казалось, лишил мальчика всех сил. С побелевшим лицом он упал прямо на руки Таво.

Мама уже поднялась, уткнувшись исказившимся от боли лицом в папино плечо.

— ...и одну из моих белых птичек, — услышал Лок.

— Принс, подойди сюда! — приказал Аарон.

Принс приблизился. Движения его были угловатыми и нервными.

— А теперь, — сказал Аарон, — ты пойдешь домой с Даной. Она очень сожалеет, что упомянула про твою руку, так как не хотела оскорбить тебя.

Мама и отец с удивлением взглянули на Аарона, который повернулся к ним.

— Вы понимаете, — он выглядел очень усталым, — я никогда не упоминаю о его дефекте. Никогда! — он выглядел очень расстроенным. — Я не хочу, чтобы он чувствовал себя неполноценным, и абсолютно никому не позволяю указывать на то, что он не такой, как все. Вы не должны говорить об этом в его присутствии. Понимаете? Совсем не должны!

Отец все порывался что-то сказать, но смущение не давало ему вымолвить ни слова. Мама глядела то на мужчин, то на свою руку. Она поддерживала ее другой рукой и осторожно поглаживала.

— Дети, — сказала она. — Идемте со мной.

— Дана, ты уверена, что сможешь...

Мама остановила его взглядом.

— Идемте со мной, — повторила она, и они вышли из-под тента. Около входа стоял Таво.

— Я пойду с вами, сеньора, и, если хотите, про-

вожу вас до дома.

— Конечно, Таво, — ответила мама. — Спасибо, — руку она прижимала к животу.

— Этот мальчик с железной рукой, — Таво покачал головой. — И девочка, и ваш сын — это я привел их сюда, сеньора. Но они попросили меня, понимаете. Они сказали, чтобы я вел их сюда.

— Я понимаю, — сказала мама.

Возвращались они через джунгли, потом вышли на широкую дорогу, проходящую мимо причала, с которого акватрубы доставляли рабочих на подводные рудники. Высокие конструкции покачивались на воде, отбрасывая на волны двойные тени.

Они дошли до ворот парка, как вдруг Лок почувствовал в желудке сильную боль.

— Подержи его голову, — велела мама Таво. — Видишь, это приключение не пошло тебе на пользу, Лок. И ты опять пил это молоко! Тебе уже лучше?

Он ничего не сказал о роме. И запах под навесом, и аромат, исходивший от Таво, — все это помогало сохранить тайну. Принс и Руби смотрели на него спокойно, изредка обмениваясь взглядами.

Наверху мама привела электронного сторожа в

порядок и проводила Принса и Руби в их комнату. Потом она зашла в детскую.

— Мамочка, тебе все еще больно руку? — спросил Лок с подушки.

— Да... Ничего не сломано, хотя я и сама удивляюсь, почему. Как только я уложу тебя, обследуюсь на медицинском аппарате.

— Они хотели пойти, — проговорил Лок. — Они сказали, что хотят посмотреть, куда вы все ушли.

Мама присела на постель и погладила его здоровой рукой.

— А тебе самому разве не хотелось посмотреть, хотя бы самую капельку?

— Да, — признался он, помолчав.

— Я так и думала. Ну, как твой желудок? Мне не нравятся все эти разговоры о молоке! Я никак не могу понять, как это соевое молоко может быть тебе полезно?

Он опять ничего не сказал про ром.

— А теперь спи, — она направилась к двери детской. Он помнил, как она коснулась выключателя, помнил луну, затемняющуюся поворачивающейся крышей.

* * *

(Федерация Плеяд. Арк. Нью-Арк. 3166 год)

Он сидел раздетый около бассейна на крыше, готовясь к экзамену по петрологии, когда багряные листья в проходе задрожали. Стеклянная крыша гудела от ветра. Башни Арка, сплющенные, чтобы противостоять ураганам, казались перекошенными за сверкающим на стекле инеем.

— Отец! — Лок выключил читающий аппарат и поднялся. — Я считаюсь третьим по высшей математике! Третьим!

Фон Рей в отороченной мехом парке прошел сквозь листья.

— И это, называется, ты готовишься к экзаменам? Не лучше ли было пройти в библиотеку? Разве ты сможешь сосредоточиться, когда все кругом тебя отвлекает?

— Петрология, — сказал Лок, поднимая свой диктофон. — Мне вообще-то и не надо к ней готовиться. У меня и так «отлично».

Лок только в последние несколько лет научился обходить родительское требование быть совершенством. А научившись этому, понял, что эти требования являлись, по существу, ритуальными

и ненужными, и если их отбросить, то открывался путь к общению с сокурсницами.

— О, — сказал отец. — Уже имеешь? — он улыбнулся и расстегнул парку. Изморозь на его волосах начала таять. — Ну ладно. В конце концов, ты ведь занимаешься учебой, а не возишься со своим «Калибаном».

— Кстати, ты мне напомнил, па. Я внес яхту в списки регаты Нью-Арка. Вы с мамой придете посмотреть финиш?

— Если сможем. Ты знаешь, мама последнее время не очень хорошо себя чувствует. Последнее путешествие было не совсем благополучным. И она очень переживает за твои гонки.

— Почему? Они ведь не мешают учебе!

Фон Рей пожал плечами.

— Она знает, что это опасно, — он повесил парку на качалку. — Мы читали о твоем транторском призе прошлого месяца. Поздравляю! Она волнуется за тебя, хотя была горда, как куропатка, когда говорила этим набитым дурам из женского клуба, что это ее сын.

— Я хотел бы, чтобы вы пришли.

— Мы тоже хотели бы, но решили, что это не повод, чтобы прерывать месячное путешествие. Идем, я тебе что-то покажу.

Лок пошел за отцом мимо ручейка, бегущего из бассейна. Они подошли к лестнице около небольшого водопада и встали на верхнюю ступеньку. Лестница поехала вниз.

— Мы в этот раз остановились на Земле. Провели день с Аароном Редом. Я уверен, ты встречал его когда-то давно. Ред-шифт Лимитед.

— На Новой Бразилии, — ответил Лок. — На руднике.

— Ты это помнишь? — лестница вытянулась в дорожку и понесла их по оранжерее. Какаду прыгали по ветвям, клевали прозрачные стены, за которыми лежал снег, перелетали на гигантские пионы и бросали на песок оборванные кроваво-красные лепестки. — С ним был Принс, мальчик твоих лет, может быть, чуть старше.

До Лока время от времени доходили слухи о Принсе. Некоторое время тому назад Принс очень быстро сменил четыре школы. По слухам, просочившимся на Плеяды, только положение «Ред-шифт Лимитед» позволило заменить исключение переводом.

— Я помню его, — сказал Лок. — У него одна рука.

— Он носит теперь черную перчатку до плеча. Верхняя ее часть вся в драгоценных камнях. Этот

юноша производит впечатление. Он сказал, что помнит тебя. Вы тогда попадали в разные истории. Он, кажется, немного поутих.

Лок пожал плечами и шагнул на белые ковры, устилающие зимний сад.

— Что ты хотел мне показать?

Отец подошел к одной из видеоколонн. Это была четырехфутовая колонна с капителью, поддерживающей стеклянную кровлю. Капитель была из цветного стекла.

— Дана, ты не хочешь показать Локу, что у тебя есть для него?

— Минуточку, — в колонне появилась фигура матери. Она сидела в кресле из целебного пуха, на коленях у нее лежал кусок зеленой ткани. Она развернула ее.

Камни, основой которых был сжатый под чудовищным давлением силикон, формировались так, что через каждый кристалл размером с детский кулак свет проходил голубыми пульсирующими лучами.

— Я приобрела их, когда мы останавливались на Сигнусе. Мы провели несколько дней рядом с Пустыней Взрывов Крола. Нам было видно ее пламя за городскими стенами прямо из окон отеля. Все это выглядело так же эффектно, как и

описывают. Однажды днем, когда твой отец был на конференции, я приобрела эту партию. Как только я их увидела, то сразу подумала о твоей коллекции и купила.

— Спасибо, — Лок улыбнулся фигуре внутри колонны.

Уже четыре года ни он, ни отец не встречались с Даной фон Рей, его матерью. Жертва болезни духовной и болезни физической, что временами делало ее не способной к какому-либо общению, она вся ушла в свой дом, в окружение лечащих и диагностических компьютеров. Она, а чаще один из ее андроидов, в которой были заложены ее основные реакции и фразы, появлялась, в видеоколонне, и это заменяло ей непосредственное общение. Точно так же, с помощью андроидов и телерам, она сопровождала фон Рея в его деловых поездках, в то время, как ее жизненное пространство ограничивалось изолированными комнатами, куда никому не разрешалось входить, кроме психотехника, приходившего раз в месяц.

— Прекрасно, — повторил Лок, подходя ближе.

— Они будут у тебя в комнате сегодня вечером, — она взяла один из камней и повертела его. — Они просто чаруют меня. Словно гипно-

тизируют.

— А теперь, — фон Рей повернулся к другой видеоколонне, — и я тебе кое-что покажу. Аарон довольно много наслышан о твоей страсти к гонкам и знает, что ты выступаешь весьма успешно, — в колонне начала проступать какая-то конструкция. — Два его инженера недавно разработали новый двухконтурный ионолет. Они сказали, что он слишком чувствителен для коммерческих перевозок и непригоден для массового производства. Но Аарон полагает, что уровень чувствительности просто изумительно подходит для небольшого гоночного судна. Я попросил его продать ионолет для тебя, но он и слышать об этом не захотел и прислал его тебе в подарок.

— Вот как? — Лока охватила дрожь возбуждения от этого сюрприза. — Где он?

В колонне было видно, что на углу голубоватой платформы стоит что-то большое, запакованное в пластик. Ограда яхт-клуба Нью-Лимани между опорными башнями уходила вдаль.

— А, на этом поле? — Лок опустился в зеленый гамак, свисающий с потолка. — Отлично! Я посмотрю его вечером, когда буду там. Надо подобрать экипаж для гонок.

— Ты хочешь набрать экипаж из людей, шата-

ющихся вокруг космодрома? — мать покачала головой. — Это беспокоит меня.

— Мама, ведь любители гонок — ребята, интересующиеся гоночными кораблями и умеющие ими управлять — все они шатаются вокруг космодрома. Я в той или иной степени знаком с половиной населения Нью-Лимани.

— И все-таки я хочу, чтобы ты подобрал экипаж из своих школьных друзей или людей твоего круга.

— А что плохого в людях, любящих гонки? — он слегка улыбнулся.

— Я ничего не говорю об этом, а только имею в виду, что ты должен подбирать экипаж из людей, которых знаешь.

— А после гонок, — включился в разговор отец, — как ты намерен провести остаток каникул?

Лок пожал плечами.

— Ты не позволишь мне поработать на руднике Сяо Орини, как в прошлый год?

Брови отца сошлись, образовав на переносите вертикальные складки.

— После того, что произошло с той девчонкой? Ты действительно хочешь вернуться туда?

Лок снова пожал плечами.

— Аштон Кларк подберет мне что-нибудь. А сейчас я должен идти позаботиться об экипаже, — он поднялся из гамака. — Мам, спасибо за камни. Мы поговорим о каникулах, когда учеба будет позади, — он направился к мосту, выгнувшемуся над водой. — Ну, до вечера.

— Лок, еще одно.

Лок остановился на середине моста и облокотился на алюминиевые перила.

— У Принса будет вечеринка. Он приглашает и тебя. Это будет на Земле, в Париже, на Иль-Сент-Луис. Но всего через три дня после регаты. Ты не успеешь туда...

— «Калибан» домчит меня как раз за три дня.

— Нет, Лок! Не стоит проделывать всей путь на этой крохотной...

— Я никогда не был в Париже. Последний раз я был на Земле в пятнадцать лет. Ты тогда взял меня с собой в Пекин. А управлять кораблем в созвездии Дракона будет очень просто, — он спрыгнул с перил и добавил, — если я не найду экипаж, то в школу на той неделе не пойду, — и он скрылся за горбом моста.

Его экипажем стали два парня, согласившиеся помогать ему снимать упаковку с ионолета. Оба они не были уроженцами Федерации Плеяд.

Брайен, ровесник Лока, взял годичный отпуск в Университете созвездия Дракона, добрался до Окраинных Колоний и теперь зарабатывал на обратный путь. Ему приходилось прежде работать и капитаном и членом экипажа, но только в яхт-клубе, находившемся под эгидой Университета. Их отношения, основывающиеся на общем интересе к гоночным кораблям, представляли из себя в некотором роде взаимное благоговение. Лока повергали в изумление сам способ, который Брайен избрал для возвращения на другой конец Галактики, и тот факт, что он путешествовал без заранее продуманных планов и без денег. В то время как Брайен, наконец, встретил в Локе одного из тех мифических богачей, которые обладали собственными кораблями, и чье имя до сих пор было для него всего лишь абстрактным звукосочетанием на страницах спортивных газет: Лок фон Рей, один из наиболее молодых и импозантных капитанов новой плеяды гонщиков.

Дэну, последнему члену экипажа маленькой гоночной яхты с тремя заслонками, было за сорок. Он родился в Австралии, на Земле. Они наткнулись на него в баре, где он рассказывал нескончаемые истории о тех временах, когда он был киборгом на больших грузовых кораблях, и о

капитанах гоночных судов, иногда включавших его в свой экипаж, хотя он сам никогда не был капитаном. Босой, в брюках, оборванных ниже колеи и подпоясанных веревкой, Дэн был наиболее типичным из всех киборгов, слонявшихся по нагретым тротуарам Нью-Лимани. Высокие ветрозащитные купола гасили порывы ураганного ветра, налетавшего с Тонга на сверкающий Арк. Был юмбра, месяц, когда день длится всего три часа при двадцатипятичасовых сутках. Механики, офицеры и киборги обычно как следует напивались и начинали обсуждать в барах или саунах маршруты или гонки, регистрационных чиновников и ремонтные доки.

Брайен так отреагировал на предложение отправиться после гонок на Землю:

— Прекрасно. Почему бы и нет? Так или иначе, я успею вернуться в Университет к началу занятий.

А Дэн:

— Париж? От него очень близко до Австралии. У меня ребенок и две жены в Мельбурне, а я не очень-то желаю позволить им ухватиться за меня. Я полагаю, если мы не задержимся там надолго...

* * *

(Федерация Плеяд — Созвездие Дракона. Полет «Калибана»)

Когда регата промчалась мимо наблюдательного спутника, кружащегося вокруг Арка, охватила петлей Дим, Умершую Сестру, и снова вернулась к Арку, было объявлено, что «Калибан» пришел вторым.

— Отлично. Уходим отсюда. На вечернику Принса.

— Будь осторожен, — донесся из динамика голос его матери.

— Передай привет Аарону. И еще раз поздравляю, сынок, — сказал отец. — Если ты разобьешь эту желтую бабочку, не проси меня купить тебе новую.

— Пока, пап.

«Калибан» рванулся из окружения кораблей, находящихся у смотровой станции, куда люди приходили поглазеть на участников регаты. Внизу пламенели пятидесятифутовые окна — за одним из них, около ограждения, стояли его отец и андроид его матери, глядя на удаляющийся корабль. В мгновение ока он миновал Федерацию

Плеяд и устремился к Солнцу.

На следующий день они потеряли шесть часов, попав в смерч пылевой туманности.

— Поток, когда у тебя будет настоящий корабль вместо этой игрушки, — сказал Дэн по интеркому, — для тебя пройти сквозь эту штуку будет раз плюнуть.

Лок увеличил частоту развертки сканнера ионолета.

— На два с половиной деления вниз, Брайен. Теперь, фазу — вверх! Пошел!

Они частично наверстали время и вошли в график, попав в Приливные Течения.

Прошел день, и появилось Солнце — блестящий огонек на фоне космического неистовства.

* * *

(Созвездие Дракона. Земля. Париж. 3166 год)

Космопорт Де Бло растянулся на несколько миль, окруженный складами, багажными и подсобными помещениями. Грузовые корабли, совершающие челночные рейсы, стартовали отсюда к большим звездным портам второй луны Нептуна. Через платформы бежала поблескивающая пятисотметровая пассажирская дорожка.

«Калибан» опустился прямо на посадочную отметку, словно строенный воздушный змей. Лока осветили лучи солнца, и он сел на койке.

— О'кей, марионетки. Обрывайте ниточки.

Он отключил гудящие внутренности «Калибана» за секунду до того, как корабль коснулся земли. Вокруг него медленно зажигались россыпи огней.

Брайен, прыгая на одной ноге по кабине управления, застегивал левую сандалию. Дэн, небритый, в расстегнутой, куртке, выбрался из проекционной камеры.

— Полагаю, мы прибыли, капитан, — он согнулся, вычищая грязь между пальцами ног. — Что это за вечеринка, на которую вы, ребята, направляетесь?

Лок нажал кнопку, и пол стал наклоняться. Рифленый чехол свернулся, когда нижний край пола коснулся травы.

— Я еще не знаю, — ответил Лок, — но полагаю, что в этом мы разберемся, раз уж добрались сюда.

— О-х-х-х, нет, — протянул Дэн, когда они сошли на землю. — Я не собираюсь в эту благородную компанию, — они вошли в тень, отбрасываемую кораблем. — Лучше найди мне бар, а потом забе-

ри меня оттуда, когда будешь возвращаться.

— Если вы оба не хотите идти, — произнес Лок, оглядываясь вокруг, — то должны найти место, где сможете перекусить и повеселиться.

— Я... Ну, в общем, не прочь бы пойти, — Брайен выглядел обманутым в своих ожиданиях. — Я никогда еще не был так близко к приемам, которые устраивает Принс Ред.

Лок поглядел на Брайена. Коренастый, с каштановой шевелюрой и кофейного цвета глазами, этот парень успел сменить рабочую кожаную куртку на чистую, всю в сверкающих цветах накидку. Лок только сейчас начал понимать, как должен быть ослеплен этот парень, пересекающий Вселенную, тем богатством, видимым и предполагаемым, которым обладал его ровесник, имеющий собственную гоночную яхту и возможность запросто побывать в Париже. Но самому Локу вовсе не пришло в голову сменить куртку.

— Тогда пошли, — сказал он. — Мы захватим Дэна на обратном пути.

— Только вы не напивайся настолько, чтобы быть не в состоянии доволочь меня до корабля.

Лок и Дэн рассмеялись. Брайен глядел на стоявшие вокруг яхты.

— Эй, ты когда-нибудь работал на трехпарус-

ном «Эфире»? — он тронул Лока за руку и показал на грациозный золоченый корпус. — Держу пари, это настоящий вихрь!

— Очень малая приемистость на низких частотах, — Лок повернулся к Дэну. — Ты должен вернуться на борт завтра к часу отлета. Я не собираюсь бегать и искать тебя.

— Это когда я нахожусь совсем рядом с Австралией? Не беспокойся, капитан... Между прочим, вы не рассердитесь, если я приведу на корабль женщину? — он ухмыльнулся, глядя на Лока, и подмигнул ему.

— Скажи, — спросил Брайен, — а как у «Эфира» с управлением? Наш школьный клуб хотел произвести обмен с клубом, где имелся «Эфир», выпущенный десять лет назад, но они потребовали еще и доплату.

— До тех пор, пока она не захочет покинуть корабль, прихватив с собой чего-нибудь, чего у нее раньше не было, — ответил Лок Дэну. Потом повернулся к Брайену. — Я никогда не ходил на «Эфире», проработавшем более трех лет. У моего друга был «Эфир» на пару лет постарше. Он работал неплохо, но ему далеко до «Калибана».

Они прошли в ворота посадочного поля и, спускаясь по лестнице, ведущей на улицу, пересекли

тень колонны, обвитой гигантской змеей.

Париж остался более или менее горизонтальным городом. Единственное, что нарушало эту горизонтальность — Эйфелева башня слева от них и шпили Ле Алль, семнадцатиэтажных магазинов, средоточия продуктов и промышленных товаров для двадцати трех миллионов, населяющих город.

Они свернули на Рю де ле Астроно и пошли под вывесками ресторанов и гостиниц. Дэн, просунув ладонь под веревку, поддерживающую его брюки, поскреб живот, потом откинул упавшие на глаза волосы.

— Где бы это можно было бы здесь напиться бедному киборгу в свободное время? — Вдруг он указал на маленькую улочку. — Тут!

Там, за поворотом, оказался маленький бар-кафе с треснувшей витриной. «Ле Сидераль». Дверь хлопнула, пропустив двух женщин.

— Прекрасно, — протянул Дэн и устремился к бару, оставив позади Лока и Брайена.

— Я никогда не завидую людям вроде него, — тихо сказал Брайен.

Лок с удивлением взглянул на него.

— Вас в самом деле не заботит... ну, я имею в виду то, что если он приведет на корабль жен-

щину?

Лок пожал плечами.

— Одну-то можно.

— О! Я полагаю, раз у вас есть яхта, вы никогда не имеете никаких проблем с девушками...

— Да. Это упрощает дело.

Брайен покусал ноготь большого пальца и кивнул.

— Это было бы неплохо. Иногда я думаю, что девушки забыли о том, что я живу на свете. Пожалуй, все равно, есть яхта или ее нет, — он засмеялся. — А вы когда-нибудь, ну, приводили девушку на корабль?

Лок немного помолчал, затем произнес:

— У меня трое детей.

Теперь Брайен удивленно уставился на Лока.

— Мальчик и две девочки. Их матери — дочери рабочих с небольшой планетки в Окраинных Колониях — Новой Бразилии.

— О, вы имеете в виду...

Лок взялся правой рукой за левое плечо.

— Мы ведем слишком разную жизнь, я думаю, — медленно проговорил Брайен, — вы и я.

— И я думаю так же, — Лок улыбнулся. Улыбка Брайена получилась несколько натянутой.

— Эй, вы, постойте! — донеслось сзади. — По-

дождите!

Они обернулись.

— Лок? Лок фон Рей?

Серебристого цвета перчатка вместо черной, описанной отцом Лока. Верх перчатки, доходящей почти до плеча, был усыпан алмазами.

— Принс?

Куртка, брюки, ботинки — все серебристого цвета.

— Я чуть было не пропустил тебя! — его лицо под черной шевелюрой было оживленным. — Я просил, чтобы мне сразу сообщили с космодрома, как только вы прибудете. Гоночная яхта, а? Уверен, что она отнимает все твое свободное время. Да, пока не забыл: Аарон просил меня, если ты прибудешь, передать его привет твоей тетке Циане. Она провела с нами уик-энд на побережье Чоубе в прошлом месяце.

— Спасибо. Передам, когда увижу ее, — сказал Лок. — Раз вы встречались в прошлом месяце, ты видел ее позже меня. Она теперь не особенно задерживается на Арке.

— Циана... — начал Брайен, — ...Морган? — закончил он почтительно, но Принс уже продолжал.

— Слушай, — он положил руки на плечи Лока.

Лок постарался определить разницу между нажимами той и другой. — Мне надо добраться до горы Кеньюна и обратно к началу празднества. У меня есть любой транспорт, способный доставить людей куда угодно. Аарон не поможет. Он отказался принимать участие в подготовке вечеринки, так как считает, что это из рук вон плохая идея. Но сейчас он где-то на Веге. Ты не подбросишь меня до Гималаев?

— Хорошо, — Лок подумал сначала, что Принс заменит Дэна в полете. Но, наверное, из-за отсутствия руки он не сможет как следует управлять кораблем. — Эй, Дэн! — закричал Лок. — Для тебя опять есть работа!

Австралиец как раз открывал дверь бара. Он обернулся, покачал головой и зашагал обратно.

— Зачем тебе туда? — поинтересовался Лок, когда они шли к космодрому.

— Скажу по дороге.

Когда они прошли ворота — колонну со змеей, блестящей в лучах заката — Брайен рискнул начать разговор.

— Весь экипаж в сборе, — сказал он Принсу.

— На Иль соберется целая толпа народу. Я хочу, чтобы всякий мог знать, где я нахожусь.

— И эта перчатка — новая мода на Земле?

У Лока внутри все похолодело, и он метнул взгляд на Принса.

— Подобные новшества, — продолжал Брайен, — появляются на Центавре месяц спустя после того, как о них уже забывают на Земле. А я даже в созвездии Дракона не был десять месяцев.

Принс, повернув руку ладонью вниз, посмотрел на нее. Сумеречное небо было чисто. Поверх ограды стали зажигаться огни. Резче обозначились складки на перчатке Принса.

— Это моя собственная мода, — он взглянул на Брайена. — У меня нет правой руки. Все это, — он сжал пальцы в кулак, — металл и пластик, приводимый в движение моторчиками, — он резко засмеялся. — Но она работает... Почти как настоящая.

— О, — смущение прозвучало в голосе Брайена. — Я не знал.

Принс засмеялся.

— Иногда я сам почти забываю. Иногда. Так где ваш корабль?

— Вон, — показал Лок. Он остро почувствовал те двенадцать лет, которые прошли со времени их предыдущей встречи.

* * *

(Созвездие Дракона. Земля. Непал. 3166 год)

— Все подключились?

— Вы должны мне заплатить, капитан, — прохрипел Дэн. — То подключайся, то отключайся.

— Готово, капитан, — это Брайен.

— Открывайте нижние заслонки.

Принс сидел позади Лока, положив ему руку (настоящую) на плечо.

— Приходит каждый, кому не лень, и, вдобавок, ведет кого-нибудь с собой. Ты прилетел только что, а люди начали прибывать за неделю. Я пригласил человек сто, а теперь их уже три сотни. И становится все больше и больше, — инерция навалилась на них, космопорт начал стремительно уменьшаться, и заходящее солнце начало восходить на западе, заливая мир своим светом. Вспыхнула голубая кайма атмосферы. — Одна Че Онг притащила с собой целую ораву откуда-то с окраины созвездия Дракона...

— Че Онг — это та самая звезда психорамы? — донесся из динамика голос Брайена.

— Студия предоставила ей недельный отпуск, и она решила побывать на моей вечеринке. А

позавчера ей вдруг пришло в голову заняться скалолазанием, и она упорхнула в Непал.

Солнце теперь светило в корму. Для того, чтобы попасть из одной точки планеты в другую, надо всего лишь подняться и опуститься куда нужно. Но на космическом паруснике надо подняться, обогнуть Землю три-четыре раза, и только потом снижаться. Добраться с одного конца города на другой или достичь другой стороны планеты — это одинаково отнимет у вас семь-восемь минут.

— Че связалась со мной днем по радио. Они одолели три четверти Кеньюны. Но ниже их сейчас вьюга, поэтому они не могут вызвать вертолет со спасательной станции в Катманду. И, конечно, вьюга не помешала ей найти меня на другой стороне планеты и пожаловаться на свои затруднения. Во всяком случае, я обещал ей придумать что-нибудь.

— Как же, черт побери, ты собираешься снимать их с горы?

— Ты спустишься на высоту двадцати футов и зависнешь над землей, а я спущусь и доставлю их на корабль.

— Двадцать футов! — Пятнистая планета медленно поворачивалась под ними. — Ты хочешь вернуться на вечернику живым?

— Ты получил ионолет, посланный тебе Ааро-ном?

— Мы на нем и находимся.

— Он должен быть достаточно чувствителен для таких маневров. А ты дока по части управления кораблем. Так или нет?

— Ну, ладно, постараюсь, — Осторожно произнес Лок. — Я еще больший дурак, чем ты, — он засмеялся. — Постараемся, Принс!

Снега и горы медленно плыли, под ними. Лок ввел в компьютер координаты горы, сообщенные Принсом. Принс перегнулся через плечо Лока и настроил рацию.

Женский голос ворвался в кабину:

— О, вон там! Посмотрите, это же они! Принс! Принс, дорогой, ты пришел, чтобы спасти нас? Мы, бедные, уже все покрылись гусиной кожей. Принс!.. — ее голос перебивала музыка и какой-то гомон.

— Спокойнее, Че, — произнес Принс в микрофон. — Я же говорил, что придумаю что-нибудь, — он повернулся к Локу. — Здесь! Они должны быть где-то тут.

Лок изменил частоту, и «Калибан» стал спускаться, слегка сносимый вбок гравитационными искажениями, создаваемыми горой. Навстречу

вырастали скалы, зазубренные и пламенеющие.

— Эй, смотрите! Смотрите все! Разве я не говорила, что Принс не позволит нам пропустить вечеринку и помереть здесь со скуки?

И другие голоса:

— О, Сесил, я не могу сделать...

— Сделай музыку погромче...

— Но я не люблю анчоусы...

— Принс! — кричала Че. — Поторопись! Опять начинается этот снег. Ты знаешь, Сесил, ничего бы этого не случилось, если бы ты не вздумал проделывать эти салонные штучки с...

— Иди сюда, солнышко, потанцуем!..

— Я сказала: нет! Тут рукой подать до обрыва!

Под ногами Лока, на экране в полу, в лунном сиянии проплывали снега, гравий, крупные глыбы.

— Сколько их там? — спросил Лок. — Корабль не так уж велик.

— Ничего, как-нибудь втиснутся.

На заснеженном утесе, проплывающем по экрану, стала видна группа людей. Некоторые из них сидели на зеленом пончо в окружении винных бутылок и корзин с едой. Некоторые танцевали, некоторые сидели в шезлонгах. Один вскарабкался на торчащий обломок скалы и щурился, глядя на спускающийся корабль.

— Че, — сказал Принс, — мы здесь. Запаковывайте все. Мы не собираемся болтаться здесь целый день.

— Благи небеса! Это ты? Эй, поднимайтесь все! Мы спасены! Это Принс.

На утесе сразу же была развита бурная деятельность. Молодые люди забегали, хватая вещи и запихивая их в рюкзаки. Двое сворачивали пончо.

— Эдгар! Не выбрасывай! В нем сорок восемь градусов, и такие бутылки на дороге не валяются. Да, Хиллари, ты можешь сменить музыку. Нет! Не выключай обогреватель, еще рано! Ох, Сесил, ты совсем дурак. Б-р-р-р! Ну, полагаю, через минуту-две мы будем готовы. Конечно же я потанцую с тобой, милый. Только не рядом с обрывом. Подожди минутку. Принс! Принс!

— Че, — позвал Принс, когда Лок опустился еще ниже. — У вас там есть какая-нибудь веревка? — он закрыл микрофон рукой. — Ты видел ее в «Дочерях Майами»? Где она играет тронувшуюся шестнадцатилетнюю дочь ботаника?

Лок кивнул.

— Это не было игрой, — он убрал ладонь с микрофона. — Че! Веревку! Есть у вас веревка?

— Сколько угодно! Эдгар, куда задевались все

веревки? Мы же поднялись сюда на чем-то! А, вот они! Что нам теперь делать?

— Вяжи большие узлы через каждую пару футов. Сколько до нас?

— Сорок футов? Тридцать? Эдгар, Сесил, Хосе! Вы слышали? Вяжите узлы!

На экране в полу Лок видел тень яхты, скользящую по скалам. Он еще немного опустил корабль.

— Лок, открой люк в двигательном отсеке, когда мы будем...

— Мы в семнадцати футах над ними, — бросил Лок через плечо. — Люк там, Принс, — показал он, — и он уже открыт.

— Прекрасно.

Принс открыл дверь и нырнул в двигательный отсек. Холодный ветер коснулся спины Лока. Дэн и Брайен удерживали корабль под порывами пурги.

На экране нижнего обзора Лок видел, как один из парней бросал веревку на корабль. Принс, стоя у открытого люка, пытался поймать ее искусственной рукой. Третья попытка оказалась удачной. Сквозь ветер прорвался голос Принса:

— Отлично! Я привязал ее. Поднимайтесь!

Один за другим они начали карабкаться по

веревке.

— Теперь ты. Посмотри...

— Парень, да здесь колотун! Стоит только выбраться из-под нагревателя...

— Я держу тебя. Как раз...

— Не думай, что мы бы это сделали. Эй, не хочешь ли сорокавосьмиградусную «Шатонеф дю Папа»? Че говорит, у тебя не может быть...

Голоса наполнили рубку.

— Принс! Какое счастье, что ты спас меня! У тебя на вечеринке не найдется турецкой музыки девятнадцатого века? Мы не могли поймать ни одной местной станции, только учебную программу Новой Зеландии. Веселенькое дельце! А Эдгар выдумал новый способ ходьбы. Надо опуститься на четвереньки и раскачиваться при этом вверх и вниз. Хосе, не свались обратно на эту дурацкую гору! Немедленно подойди сюда и поздоровайся с Принсом Редом. Это он устраивает вечеринку, а у его отца гораздо больше миллионов, чем у твоего. Теперь закрой дверь и давайте выйдем из машинного отделения. Ох уж эти машины и прочие штуки! Они не для меня.

— Выходи, Че, и развлекай теперь капитана. Ты знакома с Локом фон Реем?

— О боже! Мальчик, который всегда побеждает

в гонках? Ну почему у него больше денег, чем у тебя?

— Ш-ш-ш! — прошептал Принс, так как они уже входили в централь управления, — Я не хочу, чтобы ему это было известно.

Лок поднял корабль над горами и только тогда обернулся.

— Вот таким и должен быть тот, кто берет призы! Вы такой красивый!

Лыжный костюм Че Онг был абсолютно прозрачным.

— Вы побеждали на этой яхте?

Она оглядела кабину управления, сильно дыша после подъема на корабль по веревке. Покрашенные соски ее упругих грудей слегка расплющивались при каждом вздохе, упираясь в винил.

— Мне здесь нравится. Я еще никогда не бывала на яхтах днем. Позади нее послышались приближающиеся голоса.

— Никто не хочет сорокавосьмиградусного?

— Я никак не могу найти музыки. Почему здесь нет?..

— Сесил, есть у тебя еще этот золотой порошок?

— Мы поднялись выше атмосферы, глупая, и

электромагнитные волны не доходят до нас. Кроме того, мы движемся слишком быстро... Че Онг повернулась к ним.

— О, Сесил, где же этот восхитительный золотой порошок? Принс, Лок, вы обязательно должны попробовать! Сесил — сын мэра...

— Губернатора...

— ...одного из тех крошечных миров, о которых мы постоянно слышим и которые так далеко отсюда. У него есть золотой порошок, который собирают в трещинах скал. Ой, смотрите, он все вдыхает его и вдыхает!

Планета под ними начала вращаться.

— Смотри, Принс, ты вдыхаешь его, вот так: ххха! И все, что ты видишь, окрашивается в восхитительные цвета, все, что ты слышишь, наполняется невыразимыми звуками, и мысли слегка разбегаются и лезут в промежутки между словами. Лок, вот...

— Посмотрите-ка на нее! — засмеялся Принс. — Он же ведет яхту в Париж!

— О! — воскликнула Че. — Это ему не повредит. Разве что мы долетим немножко быстрее, вот и все! Позади них послышался разговор:

— Где, она говорила, эта чертова вечеринка начинается?

— На Иль-Сент-Луис, в Париже.

— Где?

— В Париже, детка, в Париже! Мы приглашены на вечеринку в...

* * *

(Созвездие Дракона. Земля. Париж. 3166 год)

В середине пятого века византийский император Юлиан, устав от суматохи Ситэ де Пари (население которого, насчитывающее тогда около тысячи человек, жило в шалашах из шкур, теснящихся вокруг построенного из камня и дерева храма Божьей Матери) удалился на небольшой островок.

В первой половине двадцатого века королева косметики, стремясь избежать претензий Правого Банка и эксцессов со стороны левых, основала здесь свой Париж Пиеда Терре, стены которого внутри с большим вкусом были увешаны сокровищами искусства — в то время, как на берегу, на месте деревянного храма, поднялись две башни знаменитого собора.

В конце тридцать второго века центральная улица острова была залита светом фонарей, боковые улочки были заполнены музыкальны-

ми, зоологическими, питейными и ковровыми лавочками, а в небе вспыхивал фейерверк. Иль-Сент-Луис принимал гостей Принса Реда.

— Сюда! Через этот мост!

Они миновали трапециевидный мост. Внизу блестела черная Сена. Деревья на острове роняли листву на каменные балюстрада. Украшенные скульптурами контрфорсы Нотр-Дам, освещенные прожекторами, вздымались над деревьями парка Ситэ.

— Никто не имеет права ступить на мой остров без маски! — крикнул Принс.

Они как раз дошли до середины моста, когда Принс, прыгнув к перилам, ухватился за перекладину и поднял руку в серебряной перчатке.

— Вы в гостях! Вы в гостях у Принса! Каждый надевает маску!

Шары фейерверка, красные и голубые, вспыхнули в темноте, осветив его лицо.

— Все это очень хорошо, — запротестовала Че, подбежав к перилам, — но если я надену маску, меня никто не узнает, Принс! А на студии сказали, что я могу идти только в том случае, если будет реклама!

Он подскочил к ней, схватил за руку и потащил вниз по ступеням. Там, на вешалке, поблескивали

сотни масок, надевающихся на голову.

— У меня есть одна специально для тебя, Че! — он снял двухфутовую прозрачную крысиную голову. Уши окаймлены белым мехом, брови усеяны золотыми блестками, драгоценные камни подрагивали на кончиках проволочных усов.

— Какая прелесть! — завизжала Че, когда Принс нахлобучил маску ей на голову.

Сквозь прозрачную морду было видно, как на ее собственном нежном зеленоглазом лице расплылась улыбка.

— А вот для тебя! — голова саблезубого тигра предназначалась Сесилу. Орлиная, со сверкающими перьями — Эдгару. Темноволосая голова Хосе была закрыта мордой ящерицы.

Лев — для Дэна, протестующего на фоне всеобщих уговоров и оставленного без внимания сразу же после того, как он прекратил сопротивление. Грифон — для Брайена, которого упорно никто не замечал, хотя он ни на шаг не отставал от компании.

— А для тебя, — Принс повернулся к Локу, — у меня есть особая маска, — смеясь, он снял голову пирата. С черной повязкой через глаз, со шрамом на щеке, с цветным платком. В оскаленных зубах — кинжал. Маска легко наделась на голову Лока.

Через отверстия в шее можно было смотреть. Принс похлопал его по спине. — Пират — это как раз для фон Рея! — произнес он, когда Лок шагнул на булыжную мостовую.

И снова смех: это отставшие появились на мосту.

Девушки с напудренными высокими прическами двадцать третьего века (когда еще не было Аштона Кларка) бросали с балкона конфетти. Человек в маске медведя прокладывал себе путь через толпу. Лок думал, что это просто костюм и маска, пока шерсть не коснулась его плеча, и в ноздри ему не ударила вонь. Клацание когтей затихло. Толпа подхватила юношу.

Лок превратился в слух.

Лок превратился в зрение.

Блаженство охватило его, и нервные волокна словно остекленели. Он шел по мощеной кирпичом, усыпанной конфетти улице, и все чувства его вдруг обратились внутрь — так выгибаются паруса космических кораблей. Он почувствовал присутствие своего внутреннего «я». Весь его внутренний мир теперь сфокусировался на том, что чувствовали его руки, видели его глаза. Голоса вокруг ласкали его изощренный слух.

— Шампанское! Ну разве не прелесть! — крыса

в прозрачной одежде прижала к столику с вином грифона в куртке с кружевными цветами. — Ты не знаешь анекдотов? Я так их люблю!

— Конечно, — отвечал Брайен. — Но я никогда не был на таких приемах. Такие люди, как Лок, Принс, вы — из тех людей, о которых только слышишь. Очень трудно поверить в то, что вы существуете на самом деле.

— Между нами говоря, у меня время от времени возникает та же проблема. И это хорошо, что есть ты, чтобы напомнить нам об этом. А теперь расскажи нам...

Лок шел от группы к группе.

— ...на круизном судне, идущем из Порт-Саида в Стамбул, был рыбак из Плеяд, который исполнял восхитительные вещи на сенсо-сиринксе...

— ...и ему пришлось на попутках добираться через весь Иран, потому что монорельс не работал. Я думаю, что Земля находится в стороне...

— ...прекрасная вечеринка. Превосходная...

«Очень молодые, — подумал Лок. — Очень богатые. Интересно, к каким крайностям могут привести эти обстоятельства?»

Босой, подпоясанный веревкой лев стоял, прислонившись к стене, и смотрел на проходящих.

— Ну как, капитан?

Лок приветственно махнул ему рукой и пошел дальше.

Теперь он чувствовал внутри себя приподнятость и прозрачность. Музыка звучала внутри маски, и голова его покоилась на звуке собственного дыхания. На возвышении какой-то человек играл на гапсихорде «Птичью павану». Лок прошел мимо, и голоса, звучащие в другой тональности, заглушили музыку. На помосте на другой стороне улицы два парня и две девушки, одетые по моде двадцатого столетия, воспроизводили какофонию в стиле «Ой, мама, ой, папа». Свернув на боковую улицу, Лок оказался подхваченным толпой, которая понесла его прямо к возвышающейся куче электронных инструментов, извергающих скрежещущую, оглушительную мелодию тоху-боху. Музыка десятилетней давности вызывала чувство ностальгии, и гости в красочных масках из папье-маше и пластика, разбившись на пары, тройки, пятерки и семерки, танцевали. Справа покачивалась голова лебедя. Слева из стороны в сторону моталась голова лягушки. До его ушей донесся низкий голос, который он слышал в динамике, когда «Калибан» висел над Гималаями. Че Онг протискивалась между танцующими.

— Он сделал это! Ну разве Принс не прелесть? — она кричала и подпрыгивала. — Он раздобыл эту старую турецкую музыку!

Бедра, груди и плечи блестели под винилом — в материале были поры, раскрывающиеся в теплую погоду, и прозрачный костюм становился прохладным, словно шелковый. Че Онг раскачивалась, опустив пушистые ресницы.

— Все вниз! На четвереньки! Мы покажем вам наш новый способ ходьбы! Вот так: покачивайтесь...

Лок шел сквозь кипящую, рвущуюся ночь, немного усталый, немного возбужденный. Он пересек улицу, опоясывающую остров, и прислонился к камню около одного из прожекторов, освещающих здания на Иль-Сент-Луис. По ту сторону реки, на набережной, прогуливались люди. Парами и в одиночку, глядя на фейерверк или просто по сторонам.

Позади него громко засмеялась девушка. Он обернулся к ней...

...голова райской птицы, голубые перья вокруг красных станиолевых глаз, красный клюв, пестрый гребешок...

...она отстала от своей группы, чтобы покачаться на парапете. Бриз шевелил ее одежду, и она

натягивалась там, где были вычурные медные застежки: у плеча, у запястья и на бедрах. Она прислонилась к камню, упершись носком туфли в землю в дюйме от него. Подняв свои тонкие длинные руки к маске — ногти на них были малинового цвета — она сняла ее и положила на парапет. Бриз сразу же растрепал ее темные волосы, рассыпал их по плечам, взметнул вверх. Вода подернулась мелкой рябью, словно кто-то бросил вниз горсть песку.

Он поглядел вперед, назад и нахмурился.

Две особенности придавали ей необычную красоту — ее лицо вызывало в нем желание, отчетливое и всепоглощающее. Черты лица и линии ее тела отражали тот стандарт красоты, в котором никто не нашел бы изъяна. Это была красота манекенщиц и популярных актрис. Это была красота Че Онг. И еще: ее глаза были словно разбившиеся диски из голубого нефрита, ее скулы слегка выступали над впалыми щеками круглого лица. У нее были широкий подбородок, тонкие ярко-красные губы и прямой нос. Она вдыхала ветер, и, глядя на нее, он начал чувствовать запах реки, парижскую ночь, ветер, дующий из города. Черты лица несколько строгие и сильные для такой молодой женщины. Но сила, которая свела

их, заставляла смотреть на нее снова и снова. На ее лице застыло выражение, которое заставляло воспринимать ее красоту с болезненной завистью.

Она взглянула на него.

— Лок фон Рей?

Он еще больше нахмурился.

Она облокотилась о парапет. Внизу проходил тротуар, обрывающийся у самой воды.

— Все они так далеко от нас, — она кивнула в сторону людей на набережной. — Они гораздо дальше, чем мы думаем. Что бы они стали делать на нашей вечеринке?

Лок снял маску и положил пирата, рядом с хохлатой птицей. Она взглянула на него.

— Так вот вы какой. У вас приятное лицо.

— Откуда вам известно, кто я такой? — думая, что просто не заметил ее в толпе людей, первыми прошедших через мост, он приготовился услышать что-нибудь насчет его фотографий, случайно попавшей сюда с края Галактики, когда он выиграл гонку.

— Ваша маска. Вот как я узнала.

— В самом деле? — он улыбнулся. — Не понимаю.

Ее брови поднялись. Она засмеялась. Но смех,

такой нежный, так быстро кончился!

— Кто вы? — спросил Лок.

— Я Руби Ред.

Она была довольно высокой. Когда-то давно маленькая девочка стояла возле него в пасти чудовища…

Лок засмеялся.

— Так что там насчет моей маски, которая меня выдала?

— Принс не переставал ликовать, представляя, как он наденет на вас эту маску, с тех пор, как послал через вашего отца приглашение, хотя была очень малая вероятность, что вы приедете. Скажите, что заставляет вас потворствовать его отвратительным шуткам и надевать эту маску? Вежливость?

— Все остальные тоже в масках. Я думал, что это хорошая идея.

— Понимаю, — ее голос поднялся на тон выше, перестал быть таким, словно она делала официальное заявление. — Брат говорит, что мы встречались когда-то давно, — голос ее стал прежним. — Я… Я не узнала бы вас. Но я вас помню.

— И я вас помню.

— Принс тоже. Ему было семь лет, значит, мне было пять.

— Что вы делали все эти двенадцать лет?

— Росла и становилась грациозной в то время, как вы становились королем гоночных маршрутов Плеяд и демонстрировали баснословное богатство своих родителей.

— Смотрите! — Он махнул рукой в сторону людей глазеющих на них с того берега. Некоторые, видимо, подумали, что он машет им, и замахали в ответ.

Руби засмеялась и тоже помахала рукой.

— Понимают ли они, насколько мы отличаемся от них? Я чувствую себя сейчас совершенно особенной, — она запрокинула голову. Глаза ее были зажмурены. Голубой фейерверк оттенил ее веки.

— Эти люди слишком далеко, чтобы видеть, как вы красивы. Она взглянула на него.

— Это правда. Вы...

— Мы.

— ...очень красивы.

— Вы не подумали о том, что возможно, опасно говорить такие веши хозяйке, капитан фон Рей?

— Вы не подумали о том, что было опасно говорить такие вещи гостю?

— Но мы не такие, как все, молодой капитан. Если мы хотим того, почему бы нам не пококетничать с опас...

Уличные фонари погасли.

Из боковой улицы донесся крик: гирлянды разноцветных лампочек тоже погасли. Лок повернулся спиной к парапету, и Руби положила руку ему на плечо.

По всему острову дважды мигнули огни и окна. Кто-то закричал. Иллюминация снова вспыхнула, а вместе с ней вернулся и смех.

— Мой брат! — Руби покачала головой. — Все говорят, что у него должны быть грандиозные затруднения, а он настаивает на том, чтобы весь остров освещался электричеством. Он решил, что электрическое освещение более романтично, чем эти великолепные индукционные трубки, которые были здесь вчера и которые надо поставить на место завтра по постановлению городских властей. Надо было видеть, каким способом он раздобыл генератор. Но все же он его достал! Великолепный музейный экспонат шестисотлетней давности размером с комнату. Я боюсь, что Принс — неисправимый романтик...

Лок положил свою ладонь на ее.

Она взглянула на него и убрала руку.

— Я должна идти, так как обещала помочь ему, — ее смешок не слишком его обрадовал. Боль полоснула по обострившимся чувствам. — Не

носите больше эту маску, — она подняла с парапета голову райской птицы. — Как раз потому, что он решил оскорбить вас, не подавайте вида, что обижены.

Лок смущенно глядел на голову пирата. Стальные глаза блеснули из-под перьев.

— Кроме того, — голос звучал приглушенно, — вы слишком красивы, чтобы закрывать лицо такой отвратительной и уродливой маской, — и она, перейдя улицу, затерялась в запруженной людьми аллее.

Он поглядел по сторонам, и ему не захотелось больше стоять здесь.

Он пошел туда, куда ушла она, нырнул в ту же толпу и только пройдя полквартала осознал, что идет следом за ней.

Она была прекрасна.

Это не было следствием его эйфории.

Это не было следствием возбуждения от вечера.

Было ее лицо и то, как оно менялось, когда она разговаривала.

Внутри него была пустота, еще более заметная от того, что совсем недавно, пока они обменивались банальными фразами, он был полон ее лицом, ее голосом.

— ...все эти трудности происходят от того, что нет прочной культуры, — Лок взглянул в ту сторону, где грифон обращался к серьезным броненосцам, обезьянам и выдрам. — Происходили такие грандиозные переселения с планеты на планету, что мы лишились подлинного искусства, а приобрели псевдоинтерпланетарные...

У входа на земле лежали головы льва и лягушки. Внутри, в темноте, Дэн — спина его была мокрой после танцев — прижимал к себе девушку с золотыми блестками на плечах.

А в ста метрах от него Руби поднималась по ступеням, полускрытая железными завитками ограды.

— Руби!

Он бросился вперед.

— Эй, смотри...

— Смотри по сторонам, когда ты...

— Потише...

Лок перепрыгнул через ограду и взбежал по ступеням вслед за ней.

— Руби Ред! — и в дверь. — Руби!

Ковры под высокими зеркалами приглушили его голос. Дверь позади, мраморного стола была полуоткрыта. Он пересек фойе и распахнул ее.

Она обернулась навстречу брызнувшему свету.

Краски половодьем затопляли комнату, мерцали на гранях тяжелых, выточенных из черных кристаллов, ножек мебели Республики Вега. Она отступила назад.

— Лок! Теперь-то вы что тут делаете? — она только что положила свою птичью маску на одну из круглых полок, которые двигались на разных уровнях через комнату.

— Я хотел еще поговорить с вами!

Ее брови черными дугами выгибались над глазами.

— Очень жаль. Принс планирует пантомиму на плоту, который причалит к острову в полночь. Я должна переодеться.

Прямо на него двигалась одна из полок. Прежде чем она успела среагировать на температуру его тела и скользнуть в сторону, он снял с пронизанного жилками стекла бутылку.

— Вы хотите убежать? — он поднял вверх руку с бутылкой. — Я хочу понять, кто вы есть, чем заняты, о чем думаете. Я хочу рассказать вам о себе.

— Сожалею, — она повернулась к спиральному лифту, чтобы подняться на балкон.

Его смех остановил ее. Она повернула голову, чтобы посмотреть, что его рассмешило.

— Руби?

Она повернулась к нему.

Он подошел к ней по наклонному полу и положил ладони на гладкую ткань, спадающую с ее плеч. Пальцы сжали ее руки.

— Руби Ред! — то, как он произнес это, привело ее в замешательство, отразившееся на лице. — Бежим со мной отсюда! Мы можем жить в другом городе другого мира, под другим солнцем! Разве эти звезды не надоели вам? Я знаю мир, созвездия которого называются: «Полет бешеной свиньи», «Большая и Малая Рысь», «Глаз Вадомина»!

Она сняла рюмки с проплывающего мимо подноса.

— Что за высокопарные выражения! — она засмеялась. — Однако, это вам идет.

— Вы идете со мной?

— Нет.

— Почему нет? — он налил пенящийся янтарь в крошечные рюмки.

— Во-первых, — она протянула ему рюмку, и он поставил бутылку на ближайшую полку, — потому что это страшно неприлично для хозяйки — я не знаю, как это принято у вас на Арке — убегать от гостей раньше полуночи.

— А если после полуночи?

— Во-вторых, — она попробовала содержимое

рюмки и сморщила нос. Он был удивлен и шокирован тем, что ее чистая и гладкая кожа может иметь морщинки, как у обычных людей, — Принс планировал вечеринку несколько месяцев, и я вовсе не хочу расстраивать его тем, что не приду, как обещала. — Он коснулся пальцами ее щеки. — В-третьих, — она взглянула на него, — я дочь Аарона Реда, а вы — смуглый, рыжий и симпатичный сын... — она отвернулась, — светловолосого вора! — холодный воздух, под его пальцами там, где только что была ее теплая рука.

Он взял ее лицо в ладони, погрузил пальцы в волосы. Она высвободилась из его рук и шагнула на спиральный лифт. На пороге она обернулась и добавила:

— И у вас не так уж много гордости, если вы позволяете Принсу издеваться над собой.

Лифт стал подниматься, и Лок шагнул внутрь. Руби в удивлении отступила назад.

— Что значат все эти разговоры о ворах, пиратстве и издевательстве? — Он был рассержен. Не на нее, а на замешательство, причиной которого была она. — Я не понимаю, но мне эти высказывания не очень приятны. Я не знаю, как это принято на Земле, но на Арке никогда не высмеивают гостей.

Руби взглянула на свою рюмку, ему в глаза, снова на рюмку.

— Я сожалею, — снова ему в глаза. — Уходите, Лок. Через несколько минут здесь будет Принс. Я не должна была говорить вам, что...

— Почему? — комната опускалась, вращаясь. — Кому-то должны, кому-то не должны. Я не хочу сказать ничего плохого о вашем воспитании, но вы говорите так, как если бы мы были обыкновенными людишками, — он коротко и глухо рассмеялся, его плечи дрогнули. — Вы Руби Ред? — он схватил ее за плечи и притянул к себе. На мгновение глаза ее закрылись. — И вы всерьез принимаете всю эту чепуху, которую болтают эти людишки?

— Лок, вы бы...

— Я — Лок фон Рей! А вы — Руби, Руби, Руби Ред! — лифт уже миновал первый балкон.

— Лок, пожалуйста! Мне надо...

— Вам надо уйти отсюда со мной! Вы хотите жить в Арке, где ни вы, ни ваш брат не бывали? Или на Сяо Орини? Там есть дом, который вы должны помнить. Там, на краю Галактики, — они проехали мимо второго балкона и начали, кружась, подниматься к третьему. — Мы будем играть на языках каменных ящериц за

бамбуковой рощей... Она закричала, потому что стеклянная полочка пробила потолок лифта и разлетелась вдребезги рядом с ними.

— Принс! — она отпрянула от Лока и наклонилась, всматриваясь сквозь стену лифта.

— Убирайся прочь! — серебряная перчатка схватила еще один диск, покачивающийся в индукционном поле, и метнула его в них. — Ты, ты, чертов..! — его голос перехватило от злобы. — Убирайся!!!

Второй диск просвистел у них над головами и разбился о балкон. Лок поднял руку, защищая лицо от осколков.

Принс побежал в левый угол комнаты к лестнице. Лок, выскочив из лифта, бросился через застеленный ковром балкон к той же лестнице навстречу Принсу. Руби последовала за ним.

Они столкнулись на первом балконе. Принс держался за оба поручня лестницы, задыхаясь от злобы.

— Принс, что, черт побери, случилось? Принс ударил Лока. Перила зазвенели от удара серебряной перчатки, где только что стоял Лок. Медный брус прогнулся и треснул.

— Вор! Мародер! — шипел в бешенстве Принс. — Убийца! Подонок!..

— О чем ты говоришь?..

— Грязное отродье! Если ты только тронешь мою... — его рука снова мелькнула в воздухе.

— Нет, Принс! — воскликнула Руби.

Лок перепрыгнул через балкон и с высоты двенадцати футов упал на пол. Он приземлился на четвереньки прямо в алое пламя, которое мгновенно стало желтым, а потом вспыхнуло зеленым.

— Лок! — это снова Руби.

Он сделал сальто на мультихроме и увидел Руби, стоящую около поручня и закрывающую рот ладонями. Затем Принс прыгнул с поручня, прорезал воздух и оказался рядом с ним. Серебряный кулак ударил воздух в том месте, где только что была голова Лока. Крак!

Лок откинулся назад и присел на корточки, переводя дыхание. Принс был совсем рядом.

Удар кулака Принса разбил мультихром. Осколки брызнули в разные стороны и легли на пол, словно взорванное солнце.

— Ты?.. — начал Лок. Прерывистое дыхание мешало ему говорить. — Ты и Руби, вы что, ненормальные?

Принс опустился на колени. Злоба и ненависть перекосили его лицо, губы прыгали, обнажая

мелкие зубы, бирюзовые глаза сузились.

— Ты клоун! Ты свинья! Ты заявился на Землю и осмелился дотронуться руками — руками! — до моей сестры!..

— Принс, пожалуйста!.. — прозвучал сверху голос Руби. В нем была боль. Она плакала. На ее лице не осталось и следа от прекрасной властности.

Принс вскочил на ноги, схватил проплывающий мимо диск и с ревом метнул его.

Диск ударил Лока по руке, и он вскрикнул. Диск отскочил и врезался во французские двери. Двери распахнулись, и холодный воздух ворвался в комнату. С улицы доносился смех.

— Я еще доберусь до тебя! — Принс бросился к Локу. — Я убью тебя!

Лок повернулся, перепрыгнул через железную отраду и врезался в толпу. Поднялся крик, когда он начал расталкивать людей. Руки задевали его лицо, толкали в грудь, хватали за плечи. Крики и смех — все больше и больше. Принс был сзади, потому что он слышал:

— Что они?.. Эй, оглянись!..

— Они подрались! Смотрите, это же Принс!

— Держите их! Держите! Что они?..

Лок выбрался из толпы и налетел на балюстра-

ду. Перед глазами оказалась несущаяся Сена и мокрый камень. Он отпрянул и оглянулся.

— Отойдите от меня! — доносился из толпы голос Принса. — Отпустите мою руку. Мою руку! Отпустите мою руку!!!

Происходящее поражало и потрясало. Удивление переходило в страх.

Ступени рядом с ним спускались к воде. Он бросился вниз, и тут услышал чьи-то шаги.

Свет ударил по глазам. Лок затряс головой. Луч света пересекал мокрый тротуар, замшелую каменную стену, около которой он стоял — кто-то включил прожектор.

— Не держите мою..! — прорвался сквозь шум голос Принса. — Я должен догнать его!

Принс сбежал по лестнице. Пятна света качались на каменной стене. Он остановился у воды, заслоняя ладонью глаза от блеска реки. Его куртка сползла с одного плеча. В суматохе он потерял одну перчатку.

Лок отступил назад.

Принс замахнулся.

Медные провода и блестящие конденсаторы оплетали стержень из черного металла, тихо жужжали крошечные колесики.

Лок сделал еще шаг.

Принс ударил.

Лок отпрянул к стене.

Двое медленно закружились друг против друга.

Гости запрудили тротуар перед парапетом, протискиваясь поближе. Лисы и ящерицы, орлы и насекомые расталкивали друг друга, чтобы лучше видеть. Кто-то налетел на прожектор, и светлый коридор на воде закачался.

— Вор! — спазмы сжимали узкую грудь Принса. Вверху вспыхнула ракета. Чуть ниже послышался хлопок. — Ты мразь, Лок фон Рей! Ты хуже, чем...

Теперь уже ударил Лок.

Ярость была в его груди, в его глазах, в его руках. Один удар пришелся в ухо, другой — в живот. Чувство собственного достоинства восставало против перенесенного унижения, ярость сменила замешательство, заставляя сердце колотиться о ребра. Фантастические существа смотрели сверху на эту драку. Он ударил еще раз, не разбирая, куда.

Протез Принса мелькнул в воздухе.

Удар в подбородок. Кулак сломал челюсть, прошел через тубу, щеку и лоб. Рваная рана изуродовала всю левую половину лица.

Лок вскрикнул и рухнул на берег. Изо рта у него

потекла кровь.

— Принс! — Руби — это она, проталкиваясь сквозь толпу, задела прожектор — стояла на парапете. Красное платье и темные волосы раздувались ветром с реки. — Принс, не надо!

Задыхаясь, Принс отступил назад, потом еще на шаг. Док лежал ничком, одной рукой в воде. Темное пятно — кровь — расплывалось по камню под ним.

Принс резко повернулся и пошел к ступеням. Кто-то отвернул прожектор. Люди, собравшиеся на том берегу Сены, оказались освещенными.

Толпа у парапета начала расходиться.

Кто-то начал спускаться по ступеням навстречу Принсу, но повернул обратно. Крыса в прозрачной одежде отошла от парапета. Кто-то обхватил обтянутые винилом плечи и увел ее. Музыка дюжины оркестров смешалась над островом.

Голова Лока покачивалась в темной воде. Река шевелила его руку.

Лев взобрался на парапет и спрыгнул на мель. Грифон сбежал с лестницы и опустился на колено рядом с Локом.

Дэн стащил маску и швырнул ее на ступени. Она глухо охнула и покатилась по камню. За ней последовала голова грифона.

Брайен перевернул Лока.

У Дэна перехватило дыхание, потом воздух со свистом вырвался из горла.

— У капитана неприятности, а?

— Дэн, мы должны найти полицию или еще кого-нибудь! Они не имеют права так делать!

Лохматые брови Дэна удивленно поднялись.

— Кто, черт возьми, тебе сказал, что не имеют? Я работал на ублюдков, у которых было гораздо меньше денег, чем у Ред-шифт, и которые позволяли себе гораздо больше.

Лок застонал.

— Медицинский аппарат, — сказал Брайен. — Где здесь можно найти медицинский аппарат?

— Он не умер. Мы доставим его на корабль. Когда он придет в себя, я забираю свою плату и убираюсь с этой проклятой планеты! — Дэн скользнул взглядом от шпилей Нотр-Дам к противоположному берегу. — Земля недостаточно велика, чтобы на ней находились одновременно и я, и Австралия. Мне пора убираться отсюда, — он подсунул одну руку под колени Лока, другую — под плечи и поднялся.

— Ты хочешь нести его?

— Ты думаешь, есть другой способ доставить его на корабль? — Дэн повернулся к лестнице.

— Но там должен быть... — Брайен последовал за ним. — Мы должны сделать...

На реке что-то засвистело. Брайен оглянулся.

Крылья скиммера, судна на подводных крыльях, скребли каменистое дно.

— Куда вы несете капитана фон Рея? — Руби, стоящая на переднем сидении, была одета в темный плащ.

— На его яхту, мэм, — ответил Дэн. — Похоже, его здесь не слишком хорошо приняли.

— Перенесите его в лодку.

— Я не думаю, чтобы мы рискнули оставить его в чьих-то руках в этом мире.

— Вы — его экипаж?

— Совершенно верно, — сказал Брайен. — Где вы собираетесь найти ему доктора?

— Я хотела доставить его в космопорт Де Бло. Вы должны покинуть Землю. И чем быстрее, тем лучше.

— Это мне подходит, — согласился Дэн.

— Кладите его сюда. Под сидением есть аптечка первой медицинской помощи. Если не удастся остановить кровотечение, воспользуйтесь ею.

Брайен шагнул на качающийся скиммер и начал рыться под сидением в тряпках и запасных цепях, пока не добрался до пластмассовой

коробки. Скиммер опять накренился, когда Дэн шагнул на борт.

Руби, сидящая впереди, взяла кабель управления и подсоединила его к своему запястью.

Они со свистом понеслись вперед. Суденышко поднялось над водой и стало стремительно прорезать тени. Понт Сен-Мишель, Понт Нефи, Понт де Артс. Огни Парижа сияли по берегам.

Через минута ажурная конструкция Эйфелевой башни, усыпанная огнями, проступила над домами. Справа, за каменным парапетом, за сикоморами, последние запоздалые троллеры двигались по освещенной фонарями Але де Сигнео.

* * *

(Федерация Плеяд. Арк. Нью-Арк. 3166 год)

— Хорошо, — согласился его отец. — Я расскажу.

— Я думаю, что ему надо что-то сделать со шрамом, — произнес фантом его матери из видеоколонны. — Прошло уже три дня, и чем дольше он будет оставлять шрам...

— Если он собирается ходить с таким видом, будто у него в голове произошло землетрясение,

то это его дело, — ответил отец. — Но сейчас я хочу ответить на его вопрос, — он повернулся к Локу, — только прежде, — он подошел к стене и взглянул на город, — я должен рассказать тебе одну историю, которая совсем не похожа на то, что ты изучал у Косби...

Лето на Арке было в разгаре. За стеклянными стенами ветер нес розоватые облака. Когда порыв был слишком силен, голубые прожилки ветрозащитных оболочек сжимались, и расслаблялись, когда ветер со скоростью восьмидесяти миль в час проносился дальше.

Пальцы его матери, унизанные перстнями, нервно шевелились у края чашки. Отец, сцепив руки за спиной, смотрел на клочья облаков, несущихся с Тонга.

Лок, откинувшись на спинку стула, ждал.

— Что представляется тебе наиболее важным фактором современного общества?

Лок, помолчав, неуверенно произнес:

— Отсутствие прочных культурных...

— Забудь Косби. Забудь те вещи, о которых люди бубнят друг другу, когда хотят сказать что-то глубокомысленное. Ты — человек, который однажды сможет управлять одним из крупнейших капиталов Галактики. Если я задаю тебе

вопрос, то хочу, чтобы ты, когда отвечаешь мне, помнил, кто ты есть. Это общество, в котором при получении какого-либо продукта половина его производится в одном мире, а другая половина — в тысяче световых лет от него. На Земле всего семнадцать элементов из сотен существующих вообще составляют девяносто процентов планеты. Возьми другой мир, и ты найдешь дюжину других элементов, составляющих от девяноста до девяноста девяти процентов всей массы. Двести шестьдесят пять обитаемых планет и спутников, входящих в сто семнадцать звездных систем, образуют созвездие Дракона. Здесь, в Федерации, мы имеем три четверти всего населения созвездия Дракона, заселяющего триста двенадцать миров. Сорок два заселенных мира Окраинных Колоний...

— Транспорт, — перебил Лок. — Перевозки людей между мирами. Ты это имел в виду?

Его отец перегнулся через каменный стол.

— Стоимость перевозки — вот что я имел в виду. И вот уже долгое время наиважнейшим фактором, влияющим на стоимость перевозок, является иллирион — единственное средство для получения энергии, достаточной для движения корабля между планетами и звездами. Когда

моему деду было столько же лет, сколько тебе сейчас, иллирион производили искусственно, всего по несколько миллиардов атомов зараз, и цена была очень высокой. Вскоре было обнаружено, что существует ряд звезд, расположенных вдали от центра Галактики, чьи планеты обладают небольшим количеством иллириона естественного происхождения. И примерно в то время, когда ты родился, стала возможной крупномасштабная разработка месторождений на тех планетах, которые теперь образуют Окраинные Колонии.

— Лок знает это, — вмешалась мать. — Я думаю, что он должен...

— Ты знаешь, почему Федерации Плеяд в скором времени будет политически независима от созвездия Дракона? Ты знаешь, почему в скором времени Окраинные Колонии будут политически независимы от созвездия Дракона и от Федерации Плеяд?

— Пап, ты задаешь вопросы, а не отвечаешь на них.

Его отец вздохнул.

— Я стараюсь. До того, как на Плеядах появились поселения, переселение из созвездия Дракона производилось национальными правительства-

ми Земли и корпорациями, подобными Ред-шифт. Именно они устанавливали стоимость перевозок. Новые колонии субсидировались, управлялись и принадлежали Земле. Они становились частью Земли, а Земля оставалась центром созвездия Дракона. Как раз тогда инженерами Ред-шифт Лимитед была разрешена такая техническая проблема, как создание космических кораблей с высокочувствительным управлением, способных летать в таких областях космоса, как действующие, межзвездные туманности и звездные скопления типа Плеяд с высокой концентрацией массивных звезд. Какая-нибудь спиральная туманность до сих пор является источником хлопот, когда ты идешь на своей маленькой яхте. Но она была бы совершенно непроходима для корабля, построенного двести пятьдесят лет назад. Твой прапрадедушка еще во времена начала исследования Плеяд хорошо осознавал то, что я тебе говорю сейчас: стоимость перевозок — это наиважнейший фактор нашего общества. А внутри Плеяд стоимость перевозок гораздо ниже, чем внутри созвездия Дракона.

Лок задумался.

— Ты имеешь в виду расстояния?

— Плеяды в своей центральной области имеют

всего тридцать световых лет в поперечнике и восемьдесят пять в длину. Около трехсот звезд втиснуто в это пространство, причем многие из них находятся на расстоянии менее светового года друг от друга. Звезды же созвездия Дракона образуют целую ветвь Галактики около шестнадцати тысяч светолет длиной. Есть большая разница в стоимости, когда ты перепрыгиваешь на крохотные дистанции внутри Плеяд или преодолеваешь громадные расстояния созвездия Дракона... Существуют разные типы людей, переселившихся на Плеяды: мелкие дельцы, занимающиеся сразу всем понемногу, объединенные группы колонистов, даже частные граждане — богатые, но тем не менее, частные. Твой прадед прибыл сюда с тремя грузовыми кораблями, набитыми солониной, разборными щитовыми и утепленными домами, горняцким инструментом и сельскохозяйственным инвентарем. Товар годился для любого климата. Большинство этого добра он вывез из созвездия Дракона. Два корабля, между прочим, были вскоре угнаны. Он вынужден был приобрести пару, атомных пушек. Он мотался от поселения к поселению и предлагал свои товары. И каждый у него что-нибудь покупал.

— Под дулами пушек?

— Нет. Он просто предлагал премию за покупку определенного количества солонины, и им было выгодно ее приобретать. Видишь ли, тот факт, что стоимость перевозок была низка, не препятствовал правительствам и крупным корпорациям в их старании проникнуть в Плеяды. Но любой корабль, снаряженный каким-нибудь мультимиллионером созвездия Дракона, а также всех представителей монополий, стремящихся распространить свое влияние на новые территории, твой дед просто вышвыривал вон.

— Он их еще и грабил в придачу? — спросил Лок. — Он шел к власти через обломки кораблей?

— Он никогда об этом не говорил. Я знаю только, что у него было мировоззрение, которое он демонстрировал всеми доступными ему способами при каждом удобном случае. В течение всей своей жизни он не позволял Плеядам стать частью созвездия Дракона. В независимости Плеяд он видел шанс стать наиболее влиятельным человеком в политике. Плеяды со временем могли бы составить конкуренцию созвездию Дракона. Твой прадед достиг этого еще до того, как мой отец достиг твоего возраста.

— Но я пока не понимаю, какое отношение все это имеет к Ред-шифт?

— Ред-шифт была одной из крупнейших компаний, предпринимающей наиболее настойчивые попытки проникнуть в Плеяды. Они пытались отсудить ториевые разработки, которыми сейчас управляет отец твоего школьного приятеля доктор Седзуми. Они собирались развернуть сбор пластичного лишайника на Секл-4. И каждый раз прадед вышвыривал их. Ред-шифт — это перевозки, и когда стоимость перевозок упадет по сравнению с количеством производимых кораблей, Ред-шифт почувствует у себя на шее петлю.

— И это то, за что Принс Ред называет нас пиратами?

— Пару раз Аарон Ред-первый (отец Принса — Аарон Ред-третий) посылал своих наиболее наглых племянников во главе экспедиций, пытающихся проникнуть в Плеяды. Я знаю о троих. Они не возвратились. Во времена моего отца эта вражда еще оставалась делом чести. Каждое действие вызывало ответный удар. Эти отношения улучшились только после того, как Федерация Плеяд получила в двадцать шестом году Декларацию Независимости. Один из моих проектов, предложенных, когда я был в твоем возрасте,

помог положить конец вражде. Мой отец перевел кучу денег Гарварду, построил там лабораторию и послал меня туда учиться. На Земле я женился на твоей матери и часто проводил время за разговорами с Аароном, отцом Принса. Этого было не так уж трудно добиться, тем более, что независимость Плеяд была общепризнанным фактом на протяжении целого поколения, и Ред-шифт уже долгое время не приходилось опасаться прямых угроз с нашей стороны. Мой отец приобрел участок в Новой Бразилии — это было в то время, когда разработки месторождений в Окраинных Колониях только-только начинались — главным образом для того, чтобы иметь удобный повод завязать деловые отношения с Ред-шифт. Я никогда не говорил тебе о вражде, потому что не видел в этом нужды.

— Принс, должно быть, приходит в бешенство от одной мысли об этой склоке, которую вы с Аароном затеяли еще до того, как мы появились на свет.

— Я ничего не могу сказать про настроения Принса, но ты должен четко усвоить: что является важнейшим фактором, влияющим на стоимость перевозок?

— Залежи иллириона в Окраинных Колониях.

— А это опять же рука на глотке Ред-шифт, — сказал его отец, — Ты понимаешь это?

— Добыча природного иллириона гораздо дешевле, чем его производство.

— Даже если этой работой занимаются миллионы миллионов людей. Даже если три дюжины конкурирующих компаний созвездия Дракона и Плеяд рвутся разрабатывать месторождения иллириона Окраинных Колоний и субсидировать широкое перемещение трудовых ресурсов со всей Галактики. Что ты считаешь главным отличием Окраинных Колоний от созвездия Дракона и Плеяд?

— Это должен быть иллирион, который у остальных начисто отсутствует.

— Да. Но вот еще что: созвездие Дракона заселялось представителями имущих классов Земли. Население Плеяд — люди со средним достатком. И хотя в Окраинные Колонии вкладывают капитал те, кто имеет деньги и в Плеядах, и в созвездии Дракона, население Колоний составляют люди из беднейших слоев. Различия культур — меня не заботит, что вам там говорили преподаватели общественных наук у Косби — и различия в стоимости перевозок — вот что гарантирует окончательную независимость Окраинных Ко-

лоний. И Ред-шифт снова бросается на каждого, кто имеет отношение к добыче иллириона, — он махнул рукой в сторону сына. — И вот ты избит.

— Но мы же владеем только одним рудником. Деньги поступают к нам с огромного количества предприятий Плеяд, небольшая часть — с недавних пор — из созвездия Дракона, а залежи на Сяо Орини такая мелочь.

— Все это так, но ты когда-нибудь видел отрасли, которыми бы мы не управляли?

— Что ты имеешь в виду, папа?

— У нас вложено очень много денег в производство разборных домов и продовольствия. Мы имеем капитал в производстве компьютеров и мелкой вычислительной техники. Мы делаем корпуса иллирионовых батарей, разъемы и гнезда к ним, мы ведем широкую разработку месторождений на других планетах. Когда я встретился с Аароном Редом в последний раз, во время прошлого путешествия, то сказал ему, конечно, в шутку: «Ты знаешь, если бы стоимость иллириона была вдвое меньше теперешней, я в течение года смог бы начать производство космических кораблей по цене в два раза ниже, чем продашь ты». И знаешь, что он мне ответил — тоже в шутку? — Лок покачал головой. — «Я

это знаю уже десять лет».

Мать Лока поставила чашку на столик.

— Я считаю, что ему надо подумать о своем лице. Ты такой симпатичный мальчик, Лок. Прошло уже три дня с тех пор, как этот австралиец привез тебя домой. Этот шрам может...

— Дана, — оборвал ее отец. — Лок, можешь ли ты придумать способ снижения стоимости иллириона в два раза?

Лок наморщил лоб.

— Зачем?

— Я считаю, что при нынешних темпах расширения разработок месторождений иллириона Окраинные Колонии смогут лет через пятнадцать понизить стоимость иллириона на четверть. Но за это время Ред-шифт постарается с нами покончить, — он помолчал. — Захватить все, чем владеют фон Реи и, в конце концов, всю Федерацию Плеяд. Наше падение будет долгим и оглушительным. И единственное наше спасение — покончить с ними первыми, а единственный способ сделать это состоит в том, чтобы найти возможность получать иллирион с половинными затратами, не дожидаясь, пока цена снизится до трех четвертей, и производить корабли, — отец сцепил руки за спиной. — Я не хотел, чтобы ты

вмешивался во все это, Лок, рассчитывая, что это дело закончится уже при моей жизни, но Принс взялся нанести первый удар. Так что только к лучшему, что тебе стало все известно.

Лок посмотрел на свои руки и сказал:

— Я верну ему этот удар.

— Нет, — вмешалась мать. — Это не лучший способ решения проблемы, Лок. Ты не должен встречаться с Принсом, ты не должен даже и думать о возвращении...

— Я и не собираюсь, — Лок поднялся и направился к занавеси. — Мам, пап, я пойду.

— Лок, — сказал отец, — я вовсе не хотел расстраивать тебя. Я просто хотел, чтобы ты знал...

Лок раздвинул занавесь.

— Я пойду на «Калибан». Пока.

Драпировка за ним задернулась.

— Лок!..

* * *

Его звали Лок фон Рей, и он жил в столице Федерации Плеяд, в Арке, на Экстол Парк — 12. Он шел рядом с движущейся дорожкой. За ветрозащитными щитами цвели зимние сады города. Люди оглядывались на него. Это из-за шрама. Он думал об иллирионе. Люди оглядывались, но от-

водили взгляды, когда он поворачивался. Здесь, в центре Плеяд, он сам был фокусом внимания. Однажды он попробовал сосчитать количество денег, проходящее через руки его семьи. Прогуливаясь мимо прозрачных стен скрытых улиц Арка, слушая звуки, испускаемые блестящими лишайниками в зимних садах, он ощущал себя сосредоточием миллиардов. Каждый пятый прохожий — так говорил один из статистиков его отца — получал свое жалование, прямо или косвенно, у фон Реев. А теперь Ред-щифт была готова объявить войну той целостной структуре, которой являлись фон Реи, и это сосредотачивалось на нем, как на наследнике фон Реев. В джунглях Сяо Орини водились шипящие, похожие на ящериц с воротником из белых перьев, существа. Горняки ловили их, морили голодом, а потом стравливали в яме, а сами делали на них ставки. Сколько миллионов лет прошло с тех пор, когда предки этих трехфутовых ящериц были гигантскими стометровыми монстрами, и люди, населявшие раньше Новую Бразилию, поклонялись им и высекали их головы в натуральную величину у подножия храмов? Но этих людей не стало, а над потомками богов этой расы, измельчавших в процессе эволюции, издевались пьяные горняки, в то время, как

ящерицы царапались, верещали и грызлись друг с другом. А он был фон Рей, Лок фон Рей. Так или иначе, а стоимость иллириона надо было снизить вдвое. Можно заполнить рынок чем угодно, но где можно раздобыть то, что является редчайшим веществом во всей Вселенной? Нельзя же добраться до центра звезды и зачерпнуть из его пламени, в котором атомные ядра, объединяясь в группы, образуют все известные в Галактике вещества. Он мельком взглянул на свое отражение в одной из зеркальных колонн и остановился, вспомнив свое появление в Нью-Лимани. Шрам пересекал его полногубое и желтоглазое лицо, и там, где он изгибался петлей, Лок заметил, что вновь отросшие волосы были такими же, как у его отца: мягкие и ярко-желтые, словно пламя.

— Где ты можешь достать такое количество иллириона? — он отвернулся от зеркальной колонны. — Где?

— Вы спрашиваете меня, капитан? — Дэн поднял кружку с вращающегося полукруга и поставил ее на колени. — Если бы я знал, то не шлялся бы сейчас вокруг этого поля, — он отхлебнул половину кружки и тыльной стороной ладони вытер пену, осевшую на щетине вокруг губ. — Когда вы собираетесь штопать свое лицо?

Лок, откинувшись на спинку стула, смотрел сквозь потолок. Яркие огни вокруг поля позволяли видеть не более сотни звезд. Сквозь потолок был виден калейдоскоп сжимающихся оболочек ветровой защиты, а между ними голубыми, изумрудными и красноватыми огоньками светились звезды.

— Скажите, капитан, если вы хотите подняться на балкон... На втором этаже бара офицеры грузовых кораблей и члены экипажей лайнеров, перемешавшись со спортсменами, обсуждали маршруты и условия работы в космосе. Нижний этаж был забит механиками и киборгами коммерческих кораблей. В углу вовсю шла карточная игра.

— Я должен найти работу, капитан. От того, что я ночую в кормовой каюте «Калибана» и каждый вечер имею выпивку, толку мало. Я должен освободить вас от своего присутствия.

Снова налетел ветер. Задрожали оболочки, закрывая звезды.

— Дэн, — задумчиво произнес Лок. — Ты хоть раз думал, когда мы летели меж звезд, что каждая из них — это гигантская печь, в которой расплавлены миры нашей Империи? Каждый из сотен существующих элементов создается в

ней из чистого ядерного вещества. Возьми вот эту, — он ткнул пальцем в прозрачную крышу, — или любую другую: непосредственно в данный момент там появляются золото, радий, азот и сурьма в количествах прямо-таки грандиозных, больших, чем Арк или Земля. И иллирион там тоже имеется, Дэн! — он засмеялся. — Предположим, что мы нашли какой-то способ нырнуть в одну из этих звезд и зачерпнуть там то, что мне надо, — он снова рассмеялся, но смех застрял у него в груди. В нем слышались боль, отчаяние и ярость. — Предположим, что мы смогли остановиться у края одной из этих звезд перед тем, как она стала Новой, и стали ждать, пока то, что нам нужно, не выплеснется нам навстречу, и мы смогли захватить этот выброс. Но Новы — это угасание, а не взрыв, а, Дэн? — он толкнул Дэна в плечо. Жидкость в кружке плеснула через край.

— Капитан, мне однажды пришлось быть внутри Новы, — Дэн ударил ладонью по тыльной стороне другой кисти.

— Был? — Лок вдавил голову в спинку кресла. Вверху мерцали звезды.

— Корабль, на который меня взяли, был затянут Новой. Это было десять лет назад.

— Тебе, наверное, хотелось тогда оказаться в

каком-нибудь другом месте?

— Но я был именно там. И мы выбрались!

Лок глянул вниз сквозь прозрачный пол. Дэн сел на зеленую скамью, кружка исчезла в его ладонях.

— Вот как?

— Да, — Дэн бросил взгляд на свое плечо, где болтался кое-как пришитый кусок форменки. — Мы свалились туда, а потом выбрались.

Лицо Лока сделалось задумчивым.

— Эй, капитан! Вы не очень-то хорошо выглядите.

Лок, уже который раз смотрясь в зеркало, обнаруживал, что лицо его имеет вовсе не то выражение, какое он ожидал увидеть.

Шрам делал лицо абсолютно чужим.

— В чем дело, Дэн?

Австралиец глядел на свою кружку, на дне которой не было ничего, кроме пены.

Лок надавил на контактную пластину в подлокотнике кресла. Еще две кружки поплыли по кругу к ним.

— Что мне и было нужно, капитан, — Дэн протянул к ним руку. — Одна — ваша. Идите сюда.

Лок отхлебнул из кружки. Лицо его было неподвижно и абсолютно ничего не выражало.

— Вам известен Институт Алкэйна? — Дэн повысил голое, чтобы его было слышно через веселые выкрики и смех из угла, где двое механиков, мужчина и женщина, начали бороться на трамплине. В стаканах зрителей плескалось спиртное. — На Ворписе, в созвездии Дракона, у них есть большой музей с лабораториями и всякой всячиной, где они изучают вещи вроде Новых.

— Там куратором моя тетя, — голос Лока был тихим, слова следовали друг за другом почти без пауз.

— Да? Во всяком случае, они посылают своих людей туда, где, по их сведениям, звезда становится активной...

— Смотри! Она побеждает!

— Нет! Видишь, он захватил ее руку!

— Эй, фон Рей, кто, по-вашему, победит: мужчина или женщина? — группа офицеров спускалась по пандусу, чтобы посмотреть схватку. Один из них положил руку на плечо Лока, потом перевернул ее ладонью вверх. В ней была зажата десятифунтовая банкнота.

— Я сегодня не делаю ставок, — Лок стряхнул руку с плеча.

— Лок, я ставлю два к одному на женщину!..

— Я возьму твои деньги завтра, — ответил Лок. — Иди.

Юный офицер что-то недовольно пробурчал и повернулся в сторону своих товарищей. Но Лок ожидал от Дэна предложения. Дэн оторвался от бойцов.

— Кажется, сперва какой-то грузовик, затерявшийся в приливном течении, заметил кое-что забавное в спектральных линиях звезды в паре световых лет от себя. Звезды состоят, в основном, из водорода, но тут вовсю шло увеличение содержания тяжелых элементов в газах короны. Это было странным. Когда их нашли, они доложили о замеченном картографическому обществу Алкэйна, которое высказало предположение, что это было зарождение Новы. Поскольку оболочки обычной звезды и Новы абсолютно одинаковы, нельзя заметить начало перехода при помощи спектрального анализа и прочих таких штук. Алкэйн послал целую команду наблюдать за Новой. За последние пятьдесят лет они изучили их штук двадцать или тридцать. Они располагают кольцом искусственных станций вокруг звезды примерно на таком же расстоянии, как расстояние Меркурия от Солнца. Станции посылают телевизионное изображение поверхности звезды

и сгорают тотчас же, как только начинается превращение звезды в Нову. Ученые располагают кольца станций через определенное расстояние друг от друга. Эти станции посылают ежесекундные сообщения о происходящем. А на расстоянии световой недели они размещают обитаемую станцию, персонал которой покидает ее сразу же в момент вспышки. Так вот, я был на корабле, который должен был доставить персонал на одну из таких обитаемых станций, кружащуюся вокруг звезды в ожидании, когда она рванет. Вы знаете, что время, за которое звезда увеличивает свою яркость в двадцать-тридцать раз — всего два-три часа?

Лок кивнул.

— Они до сих пор не умеют предсказывать, когда звезда, которую они наблюдают, взорвется. До сих пор не могут понять, как это получилось, но звезда, к которой мы шли, взорвалась как раз тогда, когда мы подходили к станции. То ли складка пространства, то ли поломка приборов, но мы проскочили станцию и помчались прямо на звезду, которая взорвалась час назад, — Дэн вытянул губы, сдувая пену.

— Очень хорошо, — сказал Лок. — Жар должен был разложить вас на атомы еще тогда, когда

вы были на таком же расстоянии от звезды, на каком находится Плутон от Солнца. Вас должна была убить ударная волна. Гравитационный всплеск должен был разломать корабль на кусочки! Количество радиации, обрушившейся на корабль, было столь огромным, что вся органика на корабле должна была разрушиться, а каждый атом превратиться в ионизированный водород!..

— Капитан, я могу, не задумываясь, назвать еще семь таких же доводов. Конечно, ионизация должна была быть... — Дэн помолчал. — Но ничего такого не было! Наш корабль был засосан прямо в центр звезды и выброшен наружу. Мы опомнились целые и невредимые в двух световых неделях от звезды. Капитан сразу же, как только понял, что произошло, сообразил отключить контакты, связанные со зрительными нервами, и мы падали вслепую. Часом позже он произвел проверку и был страшно удивлен, что все оказалось в порядке. Но приборы записали наш путь. Мы прошли прямиком сквозь Нову! — Дэн докончил свою кружку и покосился на Лока. — Капитан, вы опять плохо смотритесь.

— И как это объяснить?

Дэн пожал плечами.

— После того, как мы попали в руки Институ-

та Алкэйна, они там носились с кучей разных предположений. Они бубнили насчет того, что при взрыве звезды, поверхность которой в два-три раза больше поверхности планеты средних размеров, температура достигает всего тысячи градусов Цельсия. Такая температура может и не повредить корабль. Наверное, мы были затянуты одной из таких звезд. Некоторые полагали, что пульсации энергии внутри Новы поляризированы в одном направлении, тогда как что-то поляризовало пульсацию энергии корабля в другой плоскости, так что эти потоки не затронули друг друга. Была еще куча всяких теорий, старающихся все это увязать. Мне больше понравилась та, где говорилось, что когда время и пространство подвергаются таким напряжениям, как это происходит при взрыве Новы, законы, управляющие механикой или физикой в известном нам виде, просто «неработоспособны», — Дэн снова пожал плечами. — Они так толком ничего и не решили.

— Гляди! Гляди! Он снова повалил ее!

— Раз, два... Нет, высвободилась...

— Нет, он заделал ее! Заделал!

Улыбающийся механик на трамплине перешагнул через свою соперницу. Полдюжины рук

тянулись к нему со стаканами: по обычаю он должен был выпить столько, сколько сможет, а проигравший — что останется. Несколько букмеров спустились в зал, чтобы поздравить победителя и принять ставки на следующую схватку.

— Мне кажется... — задумчиво протянул Лок.

— Капитан, я знаю, что вы ничего не можете поделать, но все-таки постарайтесь не смотреть так.

— Мне кажется, что у Алкэйна должны быть отчеты об этом полете к Нове, Дэн.

— Думаю, что да. Я говорил, что это было лет десять...

Лок спрятал лицо в ладонях. У него невольно сжалось сердце, когда он полностью осознал, что за идея мелькнула у него в голове. Шрам, рассекший его лицо, придавал теперь ему выражение нестерпимой боли.

Дэн снова стал что-то говорить. Потом поднялся и с выражением невероятного изумления на лице ушел.

Его звали Лок фон Рей. Он должен был повторить это про себя. Он сидел, глядел вверх и чувствовал себя совершенно разбитым. Идея, осенившая его, оставила в его мозгу такой же

след, как рука Принса на его лице. Он моргнул, стараясь разглядеть звезды. А звали его...

* * *

(Созвездие Дракона. Полет «Руха». 3172 год)

— Да, капитан фон Рей?

— Убери боковые паруса.

Мышонок повиновался.

— Мы попали в устойчивое течение. Боковые паруса убрать полностью. Линчес и Айдас, останетесь на своих местах и глядите в оба. Остальные пока могут отключиться, — голос Лока перекрывал музыку космоса.

Вынырнув из ярко-алого потока, сквозь который тускло светились звезды, Мышонок зажмурился. Открыв глаза, он оглядел каюту.

«Ольга» мигала огоньками.

Мышонок сел на койку, чтобы отключиться.

— Посмотрим, какие вы есть, — продолжал капитан, — Мышонок, захвати с собой свой...

Глава 4

(Созвездие Дракона. Полет «РУХА». 3172 г.)

Мышонок вытащил кожаный футляр из-под койки и повесил его на плечо.

— ...свой сенсо-сиринкс с собой.

Дверь мягко хлопнула. Мышонок остановился на третьей ступеньке лестницы, спускавшейся в покрытый голубым ковром коридор «Руха».

Спиральная лестница была испещрена тенями от изогнутых металлических языков под потолочными лампами, бросающих отблески на стены, и листьев филодендронов, закрывающих зеркальную мозаику.

Катин уже сидел перед игровой доской для трехмерных шахмат и расставлял фигуры. Последняя ладья со щелчком встала на свое место, и пузырчатый стул-шар студенистого глицерина, обволакивающий сидящего в нем человека, тихонько закачался.

— Отлично. Кто хочет сыграть первым?

Капитан фон Рей стоял на верхней ступеньке спиральной лестницы. Немного помедлив, он начал спускаться, и его разбитое отражение за-

мелькало в зеркальной мозаике стен.

— Капитан! — Катин поднял голову. — Мышонок! Кто из вас хочет сыграть?

Тай и Себастьян, выйдя из сводчатой двери, шли по пандусу над большим, занимающим треть помещения, облицованным липой бассейном.

Удар ветра.

Вода подернулась рябью.

Чернота раскрылась парусом над их головами.

— Ко мне! — Это Себастьян.

Его рука заняла привычное положение, и стального цвета свора метнулась к нему. Громадные звери, облепив его, внезапно уменьшились в размерах и теперь висели, словно тряпки.

— Себастьян! Тай! Вы будете играть? — Катин повернулся к пандусу. — Это моя страсть. Но игра мне всегда удается, — он посмотрел вверх, снова взял ладью и стал рассматривать черную сердцевину кристалла. — Скажите, капитан, эти фигурки — подлинные?

Рыжие брови фон Рея поползли вверх.

— Нет.

Катин усмехнулся.

— О!

— Откуда они? — Мышонок пересек ковер и остановился позади Катина. — Я никогда раньше

не видел таких фигурок.

— Забавный для шахматных фигур стиль, — произнес Катин. — Республика Вега. Ты, наверное, часто видел их мебель и архитектуру?

— Где это — Республика Вега? — Мышонок взял в руку пешку: внутри кристалла — настоящая звездная система с вкрапленным в сердцевину драгоценным камнем.

— Теперь — нигде. Это связано с восстанием в двадцать восьмом веке, когда Вега решила отделиться от Созвездия Дракона. И потерпела неудачу. В искусстве и архитектуре этого народа много взято от наших достижений. Я считаю, что было нечто героическое во всех этих делах. Они, конечно, старались изо всех сил быть оригинальными — последняя подборка культурной автономии и тому подобных вещей. И это, в конце концов, превратилось во что-то вроде салонной игры в политику с тем, чтобы только оставить свой след в истории, — он взял другую фигурку. — Но мне нравятся некоторые деятели этого народа. У них тогда появилось трое великолепных музыкантов. Хотя только один из них имел отношение к восстанию, но большинству людей это неизвестно.

— Вот как? — сказал Мышонок. — Отлично! Я

сыграю с тобой, — он обошел шахматную доску и сел на зеленый глицериновый шар. — Какие выбираешь, черные или желтые?

Фон Рей протянул руку над плечом Мышонка к панели управления, размещенной на подлокотнике кресла, и нажал на переключатель. Огоньки внутри игровой доски исчезли.

— Эй, почему?.. — хриплый шепот Мышонка огорченно прервался.

— Возьми свой сиринкс, Мышонок, — Лок подошел к каменной скульптуре на желтых изразцах. — Если бы я приказал тебе показать нам Нову, Мышонок, что бы ты сделал? — он присел на каменный выступ.

— Не знаю. Что вы имеете в виду? — Мышонок вынул из футляра инструмент. Большой палец чиркнул по клавишам. Пальцы прошлись по индукционной панели, розовый свет рассыпался по ее кнопкам.

— Я уже сказал. Сделай Нову!

Мышонок помедлил. Внезапно его руки метнулись к клавишам. Вспышка и грохот. Огненные вихри закружились в пылающей бездне, стягиваясь в гигантскую воронку перекрученного пространства и времени.

— Спокойно! — прикрикнул на своих зверей

Себастьян. — Ну-ка, спокойно!

Лок засмеялся.

— Неплохо! Иди сюда. Нет, захвати свою чертову арфу, — он подвинулся, освобождая место. — Покажи, как она работает.

— Показать вам, как играть на сиринксе?

— Вот именно.

Целая гамма чувств отразилась на лице Мышонка.

— Обычно я не разрешаю баловаться с моим инструментом, — губы и веки его подрагивали.

— Расскажи!

Губы Мышонка сжались. Он сказал:

— Дайте руку, — голубое свечение появилось перед ними, как только он разместил пальцы капитана на панели образорезонатора, — Теперь глядите сюда, — Мышонок указал на переднюю часть сиринкса. — Эти вот три линзы создают за собой голограммную решетку. Там, где сейчас голубое зарево, фокусируется трехмерное голографическое изображение. Яркость и интенсивность регулируются вот тут. Подвиньте руку вперед. — Свет стал ярче. — Теперь — назад. — Свет ослаб.

— А как ты создаешь образ?

— Я обучался этому год, капитан. Смотрите

дальше. Эти струны управляют звуком. Каждая струна — это не своя нота, а своя текстура звука. Высота изменяется перемещением пальца вперед или назад. Вот так, — он взял аккорд, и медные инструменты и человеческие голоса зазвучали, вибрируя и жалуясь. — Вы хотите, чтобы был запах? Смотрите сюда. А эта кнопка управляет плотность образа. Вы можете сделать все это направленным с помощью...

— Предположим, Мышонок, что есть лицо девушки, которое я хотел бы воссоздать, звук ее голоса, произносящего мое имя, ее запах. Теперь у меня в руках твой сиринкс, — он взял инструмент из рук Мышонка. — Что мне надо сделать?

— Практиковаться. Капитан, поймите, я действительно не люблю, когда посторонние балуются с моим инструментом! — он потянулся за сиринксом.

Лок поднял сиринкс над головой и рассмеялся.

— Держи.

Мышонок взял сиринкс и быстро отошел к шахматной доске. Он рывком раскрыл футляр и положил туда инструмент.

— Практиковаться, — повторил Лок. — А у меня нет времени. Если только я собираюсь вырвать у Принса Реда иллирион, а?

— Капитан фон Рей?

Лок поднял голову.

— Вы не хотите рассказать нам о том, что вы собираетесь делать дальше?

— Что ты хочешь знать?

Рука Катина задержалась на переключателе шахматной доски.

— Куда мы направляемся? Как мы туда доберемся? И зачем?

Лок помедлил некоторое, время.

— О чем ты спрашиваешь. Катин?

Шахматная доска замигала огоньками, осветив лицо Катина.

— Вы затеяли игру против компании Ред-шифт Лимитед. Какие в ней правила? И каков выигрыш?

Лок покачал головой.

— Попробуй еще раз.

— Хорошо. Как мы возьмем иллирион?

— Да, как мы его возьмем? — нежный голос Тай заставил всех обернуться. Стоя рядом с Себастьяном у пандуса, она тасовала колоду карт. — В звездную вспышку нырнув? — она покачала головой. — Как, капитан?

Сцепленные ладони Лока обхватили колени.

— Линчес? Айдас?

На противоположных стенах висели два шестифутовых позолоченных каркаса. В одном, как раз над головой Мышонка, лежал на боку Айдас, освещенный огоньками своего компьютера. На другой стороне каюты, внутри такого же каркаса, скорчился на кабелях Линчес.

— Когда ведете корабль, слушайте, о чем мы говорим.

— Понял, капитан, — пробормотал Айдас, словно сквозь сон. Лок поднялся, сцепив руки за спиной.

— Прошло довольно много времени с того момента, как я впервые задал себе этот вопрос. Человеком, который ответил на него, был Дэн.

— Слепой Дэн? — спросил Мышонок.

— Дэн, который прыгнул? — это Катин.

Лок кивнул.

— Вместо этого здоровенного грузовика, — он взглянул вверх, туда, где изображения звезд, разбросанные по высокому темному потолку, напоминали, что, окруженные бассейнами, папоротниками, каменными фигурами, они все же неслись в немыслимой бездне между многочисленными мирами, — у меня была гоночная яхта, на которой Дэн был киборгом. Однажды ночью в Париже я слишком задержался на одной

вечеринке, и Дэну пришлось доставлять меня домой, в Арк. Он вел яхту в одиночку. Другой мой киборг, один парнишка из колледжа, струсил и убежал, — он покачал головой. — Это даже к лучшему... Откуда бы я взял столько иллириона, чтобы положить на лопатки Ред-шифт до того, как она положит на лопатки нас? Я задал этот вопрос Дэну, когда однажды вечером мы сидели в баре рядом с яхт-клубом. Зачерпнуть из звезды? А Дэн ткнул себя пальцем в живот и сказал: «Я был однажды затянут Новой». — Лок обвел взглядом помещение. — Это заставило меня выпрямиться в кресле и слушать внимательно.

— Что с ними случилось? — спросил Мышонок. — Почему они мотались там столько времени и так близко, что позволили затянуть себя? Вот что меня интересует!

Катин вернул ладью на место и откинулся в своем студенистом кресле.

— Продолжайте. На чем прошел Дэн сквозь этот фейерверк?

— Он был в экипаже корабля, доставлявшего продовольствие и оборудование для иной из исследовательских станций Института Алкэйна, когда звезда грохнула.

Мышонок оглянулся назад, на Тай и Себастья-

на, которые все еще стояли около пандуса. Тай снова машинально тасовала карты.

— После тысяч лет познания, познания того, что под носом, и того, что немыслимо далеко, немного обидно, что мы многого не знаем о том, что происходит в центре грандиозных звездных катастроф. Состав поверхности звезды не меняется, но строение вещества внутри звезды нарушается процессами, которые мы до сих пор не в состоянии понять. Это может быть эффект приливных гармоник. Это могут быть шуточки демонов Максвелла. Самое большее, превращение звезды в Нову длится полтора года, но такие звезды, как правило, засекают только тогда, когда внутренние процессы уже идут вовсю. Обычно время, за которое Нова достигает максимальной светимости, равно нескольким часам с момента вспышки. В случае Сверхновой (а их в нашей Галактике было замечено всего две — одна в тринадцатом веке в Кассиопее и одна, безымянная, в двадцать четвертом веке, и ни одна из них не была изучена подробно) вспышка длится несколько дней. Яркость Сверхновой превосходит обычный уровень в несколько сотен тысяч и миллионов раз. Яркость и уровень радиоизлучения Сверхновой превышают суммарную

светимость всех звезд Галактики. Алкэйн открыл некоторые другие галактики только потому, что в них вспыхнула Сверхновая, и почти полная аннигиляция одной звезды сделала видимой целую галактику с миллиардами звезд.

Тай пересыпала карты из ладони в ладонь.

— А что случилось с Дэном? — спросил Себастьян, прижимая зверей к коленям.

— Его корабль затянуло и пронесло через центр звезды через полчаса после начала вспышки, а затем вышвырнуло наружу, — желтые глаза Лока остановились на Катине. Различать оттенки эмоций на изуродованном лице было довольно сложным занятием.

Катин, напряженно рассматривавший Лока, опустил плечи и постарался расслабиться в своем кресле.

— На принятие решения оставались считанные секунды. Все, что капитан успел сделать, это отключить киборгов от всех внешних сигналов.

— Они вслепую летели? — спросил Себастьян. Лок кивнул.

— Совершенно верно.

— Это была Нова, в которой Дэн побывал до встречи с вами, Нова номер один? — произнес Катин.

— Да.

— Что же случилось во второй раз?

— То же, что и в первый, за исключением одной вещи. Я отправился к Алкэйну и просмотрел все, что имело отношение к этому случаю. Корпус корабля был исполосован следами столкновения со сгустками звездной материи. То, что способно пробить защиту корабля, должно состоять из твердого ядерного вещества центра Новы. То, что могло так выщербить защитный слой, должно было состоять из внутризвездной материи. Оно должно состоять из элементов с гигантскими, в три-четыре раза тяжелее, чем у урана, ядрами.

— Вы хотите сказать, что корабль бомбардировали метеориты из иллириона? — перебил Мышонок.

— То, что произошло во второй Нове, — Лок снова взглянул на Катина, — заключалось в том, что после того, как наша экспедиция была организована в полнейшей секретности, после того, как другая Нова была найдена через мою тетку с помощью Института Алкэйна, причем никто не был в курсе того, зачем мы туда направляемся, после того, как экспедиция стартовала и была уже в пути, я постарался воспроизвести начальные условия первого случая, когда корабль Дэна

падал на звезду, настолько точно, насколько смог, то есть все маневры выполнялись вслепую, я отдал приказ экипажу отключить линии внешних сигналов. Дэн, поступив вопреки приказу, решил взглянуть на то, что ему не удалось увидеть в прошлый раз, — Лок поднялся и повернулся спиной к экипажу. — Мы даже еще не вошли в зону, где кораблю могла угрохать какая-либо физическая опасность. Вдруг я почувствовал, что один из парусов резко повело в сторону. А потом я услышал вопль Дэна, — он обернулся к экипажу. — Мы развернулись, взяли курс на созвездие Дракона, добрались в попутном течении до Солнца и сели на Тритоне. Секретность кончилась два месяца назад.

— Секретность? — спросил Катин.

Лицо Лока перекосилось выражением, означающим улыбку.

— Ее больше нет. Я предпочел Тритон в созвездии Дракона Плеядам. Я распустил свой экипаж с наказом рассказывать все, что они знают, как можно большему количеству людей. Я позволил этому сумасшедшему Дэну шататься вокруг космопорта и болтать все, что ему вздумается, пока Геенна-3 не поглотила его. Затем я набрал вас прямо из толпы. Я рассказал вам обо, всем, что

я намерен делать. Кому рассказали вы? Сколько людей бормотали, почесывая затылки: «Веселенькое, это дельце, а?»? — рука Лока ухватилась за каменный выступ.

— Чего же вы ждали?

— Известия от Принса.

— И получили его?

— Да.

— Что в нем говорится?

— А это важно? — Лок издал звук, похожий на смех, только исходил он откуда-то из живота. — Я еще не проигрывал его.

— Почему? — удивился Мышонок. — Вы не хотите знать, что он говорит?

— Я знаю, что делаю я. Этого мне достаточно. Мы вернемся в Институт Алкэйна, выберем другую Нову... Мои математики выдвинули дюжины две теории, которые объясняют феномен, позволяющий нам пройти сквозь звезду. В каждой из них этот эффект имеет место в течение нескольких часов, пока яркость звезды увеличивается до максимума.

— Сколько времени умирает Нова? — спросил Себастьян.

— Несколько недель, иногда до двух месяцев.

— Послание, — напомнил Мышонок. — Вы не

хотите узнать, о чем говорит Принс?

— А ты хочешь?

Катин неожиданно навалился грудью на шахматную доску.

— Да.

Лок засмеялся.

— Отлично!

Он пересек каюту и еще раз дотронулся до панели управления на кресле Мышонка.

Краски внутри двухметрового овала, обрамленного золотистыми листьями, потускнели.

— Так. Вот чем ты занимался все эти годы! — сказал Принс.

Мышонок посмотрел на его обтянутые кожей выступающие челюсти и стиснул зубы. Он поднял взгляд на редкие, длинные волосы Принса и почувствовал, как стягивается кожа на лбу. Он подался вперед в своем кресле, его пальцы дернулись, словно желая воспроизвести на сиринксе этот узкий нос, эти два голубых колодца.

Глаза Катина расширились. Он невольно откинулся назад, каблуки его башмаков сгрудили ковер.

— Я не знаю, что ты там задумал сделать. Меня это мало заботит. Но...

— Это Принс? — прошептала Тай.

— ...ты проиграешь. Поверь, — Принс улыбнулся.

Шепот Тай перешел в хриплое дыхание.

— Нет. Я даже не знаю, куда ты собираешься. Но смотри! Я буду там первым! А потом, — он поднял руку в черной перчатке, — посмотрим! — Он наклонился вперед так, что его ладонь заполнила весь экран. Кулак, метнулся вперед, посыпались осколки стекла... Тай вскрикнула.

Принс ударил протезом по объективу камеры и разбил его.

Мышонок взглянул на Тай. Она выронила свои карты. Звери завозились, замахали крыльями, ветер разбросал карты Тай по ковру.

— Ничего, — сказал Катин. — Я соберу их.

Он согнулся в кресле и стал шарить по полу своими длинными руками. Лок снова засмеялся.

Карта упала на ковер у ноги Мышонка. Рисунком вверх. Трехмерное изображение внутри слоистого металла — над черным морем полыхало солнце. Небо над парапетом было освещено этой вспышкой. На берегу двое голых ребятишек держали друг друга за руки. Темноволосый щурился на солнце, его лицо выражало изумление. Курчавый глядел на их тени на песке.

Смех Лока, словно очередь взрывов, прогрохо-

тал в каюте и в коридорах.

— Принс принял вызов! — Он похлопал ладонью по камню. — Хорошо! Очень хорошо! Эй, и ты думаешь, мы встретимся под пылающим солнцем? — его рука взметнулась вверх, сжалась в кулак, — Я почувствовал его хватку! Отлично! Да, отлично!

Мышонок быстро подобрал карту. Он перевел взгляд с капитана на экран, где калейдоскоп красок сменил лицо Прииса. А на противоположных стенах каюты лежали в своих каркасах Айдас и Линчес. Его взгляд снова упал на двух ребятишек под неистовым солнцем.

Он смотрел, а пальцы его девой ноги скребли ковер, пальцы правой нога уперлись в подметку ботинка. Страх исходил от этой карты, запутывался в нервах и холодком расползался по спине. Неожиданно он быстро сунул карту в футляр с сиринксом. Его пальцы, скрытые футляром, вдруг вспотели. Невидимая карта внушала еще больший страх. Он вытащил руку и положил ее на бедро, потом оглянулся, не заметил ли кто его поступок.

Катин разглядывал собранные карты.

— Это те, которыми ты играешь. Тай? Тарот? — он поднял голову. — Ты цыган. Мышонок.

Ручаюсь, тебе приходилось видеть эти карты и раньше, — он повернул карты, чтобы Мышонок смог их рассмотреть.

Мышонок, не глядя, кивнул. Он изо всех сил старался удержать руку на бедре. (Женщина сидела у костра — в грязной ситцевой юбке — и мужчины сидели вокруг в колеблющейся темноте и смотрели, как карты поблескивают и переливаются в ее полных руках. Но это было...) — Эй, — сказала Тай. — Ты мне отдай их, — и протянула руку.

— Можно посмотреть всю колоду? — спросил Катин. Ее серые глаза расширились.

— Нет.

Удивление слышалось в ее голосе.

— Я... прошу прощения, — смущенно сказал Катин. — Я не собирался...

Тай взяла карты.

— Ты... ты гадаешь по картам?

На Катина словно пахнуло холодом. Она кивнула.

— Гадание по Тароту очень распространено в Плеядах, — произнес Лок. Он сидел на скульптуре. — О послании Принса карты твои сказать что-нибудь могут? — он повернулся, и в его глазах вспыхнул огонь. — Может, твои карты о Принсе и обо мне что-нибудь расскажут?

Мышонок был удивлен тем, как свободно перешел капитан на диалект Плеяд. На лице у того мелькнула улыбка.

Лок поднялся с камня.

— Что карты про эти блуждания в ночи говорят?

Себастьян, глядя из-под густых светлых бровей, прижал к себе своих питомцев.

— Я их посмотреть хочу. Да! Что мне и что Принсу выпадет?

— Если она гадает, он, возможно, увидит поддержку в ее картах, — улыбнулся Катин. — Конечно, Тай. Погадай нам на экспедицию капитана. У нее это хорошо получается, Себастьян?

— Тай не ошибается никогда.

— Ты несколько секунд только видела лицо Принса. В лице человека можно увидеть линии его судьбы, — сжатые руки Лока легли на колени. — По моему шраму можешь ты линии, о судьбе моей говорящие, найти?

— Нет, капитан... — ее взгляд упал на карты. — Я карты лишь могу раскладывать и читать.

— Я не видел, как гадают по Тароту, с тех пор, как учился, — Катин оглянулся на Мышонка. — На семинары по философии ходил один парень из Плеяд, который в них разбирался. Я уверен,

что рано или поздно ты упомянешь об обществе почитателей «Книги Тота», — обратился он к Тай. — Так ее неправильно называли в семнадцатом столетии. Я говорю, — он помедлил, — о «Книге Грааля».

Молчание.

— Иди, погадай мне, Тай, — Лок уронил руки, и они расслабленно повисли.

Пальцы Тай замерли на золотистых рубашках карт. Со своего кресла около пандуса (серые глаза полузакрыты эпикантусом* [Эпикантус — утолщение на веке, остатки рудиментарной железы, более заметное у представителей монголоиднои расы.]) она глядела в пространство между Катином и Локом.

— Хорошо, — произнесла она.

— Мышонок, — позвал Катин, — подойди и посмотри на это. И скажи, что ты о нем думаешь... Мышонок поднялся в свете игровой доски.

— Эй!..

Они обернулись на прервавшийся голос.

— Вы верите в это?

Катин поднял брови.

— Ты назвал меня суеверным, когда я плюнул в реку. А теперь вы собираетесь предсказывать будущее по картам! А-х-х-н-н! — это было выра-

жение крайнего отвращения. Золотое кольцо в его ухе закачалось, бросая блики на стены.

Катин нахмурился.

Тай провела рукой по столу.

Мышонок уставился взглядом в ковер.

— Вы действительно хотите попытаться узнать будущее по картам? Это же просто глупо! Вот уж действительно предрассудки!

— Нет, Мышонок, — возразил Катин. — От кого угодно можно было этого ожидать, но уж от тебя...

Мышонок махнул рукой и отрывисто и хрипло засмеялся.

— Ты, Катин, и эти карты! Это кое-что!

— Мышонок, карты на самом деле ничего не предсказывают. Они просто дают научный комментарий существующей ситуации...

— Карты — не научны! Эта просто металл и пластик! Они не могут знать!..

— Мышонок, семьдесят восемь карт Тарота являют символы и мифологические сюжеты, в которых отразились сорок пять веков человеческой истории. Каждый, кто понимает эти символы, может манипулировать диалогами и ситуациями. В этом нет никакого суеверия. И «Книга Перемен», и даже халдейская «Астроло-

гия» становятся суевериями только тогда, когда ими злоупотребляют, пытаясь находить конкретные указания там, где существуют только советы и предположения.

Мышонок опять издал неопределенный звук.

— В самом деле. Мышонок! Эти рассуждения в высшей степени логичны. А ты говоришь так, словно живешь тысячу лет назад.

— Капитан! — Мышонок поднял глаза на уровень локтя капитана и покосился на колоду на коленях у Тай. — Вы верите во все эти вещи? — Его рука упала на предплечье Катина. Только сжимая что-то, она могла оставаться неподвижной.

В тигриных глазах под рыжими бровями появилось выражение мучительной боли. Лок усмехнулся.

— Тай, мне погадай на картах.

Тай перевернула колоду и стала пересыпать карты с ладони на ладонь.

— Капитан, вы одну выбирайте.

Лок опустился на корточки, чтобы лучше видеть. Внезапно он остановил мелькающие карты пальцем.

— «Космос». Она, пожалуй, подойдет, — назвал он карту, на которой остановился палец. — В этой гонке приз — Вселенная, — он взглянул на

Мышонка и Катина. — Как вы считаете, стоит начинать гадание с «Космоса»? — высоко поднятые массивные плечи делали выражение, боли более отчетливым.

Мышонок в ответ только скривил губы.

— Продолжайте, — произнес Катин.

Лок вытянул карту.

Утренний туман колыхался между березами, тисами и зарослями остролиста. На переднем плане прыгала и кувыркалась на фоне синего рассвета обнаженная фигурка.

— А! — сказал Катин. — Танцующий гермафродит, союз всех мужских и женских начал, — он потер ухо большим указательным пальцем. — Знаете, лет триста, наверное, года с 1890 и до начала космических полетов, существовали христианизированные карты Тарота, изобретенные другом Вильяма Батлера Иитса, ставшие чрезвычайно популярными и уничтожившие первоначальные изображения...

Лок согнул карту, и изломанные силуэты животных вспыхнули и исчезли в какой-то таинственной роще. Пальцы Мышонка сжали руку Катина.

— Звери апокалипсиса, — ответил Катин на молчаливый вопрос. Он ткнул пальцем через

плечо капитана на четыре угла рощи. — Бык, Лев, Орел, а это забавное маленькое человекообразное существо — Бес, взятый из Египта и Анатолии, защитник женщин в их работе, бич скупости, щедрый и страшный бог. Есть такая известная его статуэтка: опустившийся на колени, ухмыляющийся, клыкастый, совокупляется со львицей.

— Да, — прошептал Мышонок. — Я видел ее.

— Видел? Где?

— В каком-то музее, — он пожал плечами. — В Стамбуле, кажется. Меня взяли туда туристы, когда я был еще совсем ребенком.

— Увы, — вздохнул Катин. — Я удовольствовался трехмерной голограммои.

— Только он не был карликом. Он, — хриплый шепот Мышонка оборвался, когда он взглянул на Катина, — был раза в два выше тебя, Катин!

— Капитан фон Рей, вам хорошо известны карты Тарота? — спросил Себастьян.

— Мне гадали раз шесть, — ответил Лок. — Моя мать не любила мои посещения гадалок, чьи маленькие столики стояли на улице под ветрозащитными щитами. Однажды, когда мне было лет пять или шесть, я умудрился потеряться. И вот, когда я бродил, по той части Арка, где мне никогда не приходилось бывать раньше, мне и

предсказали мою судьбу, — он засмеялся. Мышонок, которому никак не удавалось правильно понять выражение лица Лока, сейчас увидел на нем гнев. — Когда я добрался до дома и рассказал об этом матери, она страшно расстроилась и велела мне никогда больше этого не делать.

— Она знала, что все это очень глупо! — прошептал Мышонок.

— О чем вам сказали карты? — поинтересовался Катин.

— Что-то о смерти в моей семье.

— И кто-нибудь умер?

Глаза Лока сузились.

— Спустя примерно месяц был убит мой дядя.

Катин задумался. Дядя Лока фон Рея?

— Но хорошо карты вы не знаете? — снова спросил Себастьян.

— Только несколько названий: Солнце, Луна, Висельник. Но я об их значении не спрашивал никогда.

— А! — Себастьян кивнул. — Первую карту выбирайте всегда сами. Но «Космос» — карта к Большой Аркане принадлежит. Человеческую жизнь не может представлять. Нельзя ее выбирать.

Лок задумался. Замешательство на его лице

выглядело как ярость. Сбитый этим с толку, Себастьян умолк.

— Дело в том, — вступил Катин, — что в Малой Аркане Тарота пятьдесят шесть карт: пятьдесят две обычные, только с валетами, рыцарями, дамами и королями каждой масти. Они связываются с обычными человеческими отношениями: любовью, смертью, жизненными невзгодами и тому подобными вещами. Большую Аркану составляют еще двадцать две карты, такие, как Дурак, Висельник. Они представляют космические события. Вы не можете выбрать одну из них, чтобы она представляла вас.

Лок некоторое время смотрел на карту.

— Почему? — он взглянул на Катина. Лицо его абсолютно ничего не выражало. — Мне нравится эта карта. Тай сказала выбирать, и я выбрал.

Себастьян поднял руку.

— Но...

Тонкие пальцы Тай легли на его поросшую волосами кисть.

— Он выбрал, — сказала она. Металл ее глаз блеснул, когда она бросила взгляд на Себастьяна, на капитана, на карту. — Туда положите, — она жестом показала, куда именно. — Капитан какую хочет карту может выбирать.

Лок положил карту на ковер, головой танцора к себе, ногами — к Тай.

— Космос перевернутый, — пробормотал Катин. Тай подняла голову.

— Перевернутый к тебе, а не ко мне, — голос ее прозвучал резко.

— Капитан, первая выбранная карта ничего не предсказывает, — сказал Катин. — В действительности результат гадания оказывается прямо противоположным тому, что означает первая карта.

— А что она означает? — спросил Лок.

— Здесь мужчина и женщина вместе, — сказала Тай. — Клинок и чаша, скипетр и блюдо соединены. Завершение полным успехом означает, космическое воплощение божественного предвидения. Победу.

— И всего этого в будущем я лишаюсь? — на лице Лока снова появилось выражение боли. — Прекрасно! Что это была бы за гонка, если бы я твердо знал, что добьюсь победы?

— Перевернутая карта означает фанатическое стремление к какой-то цели, упорство, — вмешался Катин. — Отказ от следования...

Тай неожиданно смешала карты и собрала в колоду.

— Ты, Катин, гадание закончишь?

— А?.. Я?.. Извини. Я не хотел... Я просто знаю значения всего дюжины карт. — Мочки его ушей налились кровью. — Я буду молчать.

Ветер пронесся по ковру.

Себастьян поднялся и спугнул своих питомцев. Один зверь захлопал крыльями у него на плече. Волосы упали Мышонку на лоб.

Тай помедлила и снова перетасовала карты, на этот раз рисунком вниз.

— Выбирайте.

Широкие пальцы с толстыми ногтями ухватили карту, потянули. — Женщина стояла под двойным каменным сводом, камнерез был подключен к ее запястьям. Машина вырезала третью пятиконечную звезду. Солнечный свет падал на каменщицу и фасад здания. Позади арки сгущалась тьма.

— Тройка пятиконечников. Эту карту кладите сверху. Мышонок глядел на правую руку капитана. Овальный разъем был почти полностью закрыт сухожилиями. Мышонок потрогал разъем на своей собственной руке. Пластиковая вставка была почти с четверть ширины запястья: оба разъема были одинаковых размеров.

Капитан положил Тройку пятиконечников на

Космос.

— Еще выбирайте.

Карта была перевернута вверх ногами. Юноша (или девушка?) в парчовой одежде и кожаных ботинках опирался на рукоятку меча с серебряной, усыпанной драгоценными камнями, ящерицей. Фигура стояла в тени скал.

— Валет мечей перевернутый. Эту карту кладите накрест.

Лок положил карту на Тройку пятиконечников.

— Еще выбирайте.

Над морским берегом, в чистом небе, полном птиц, рука, высовывающаяся из клубов тумана, держала пятиконечную звезду внутри круга.

— Туз пятиконечников, — Тай указала место ниже перекрещенных карт. Лок положил туда туза. — Эту карту вниз кладите. Выбирайте.

Высокий светловолосый юноша стоял на заброшенной тропинке в саду. Голова запрокинута вверх, одна рука сзади. Красная ниточка вилась рядом с его запястьем. На камнях сада были вырезаны десять звезд.

— Десятка пятиконечников, — Тай показала на ковер сбоку от лежащих карт. — Эту карту сюда положите.

Лок положил.

— Выбирайте.

Снова вверх ногами.

Между грозовыми тучами проступало фиолетовое небо. Молния высветила вершину каменной башни. Двое мужчин падали с верхнего балкона. На одном была богатая одежда. Можно было даже разглядеть драгоценные перстни и золотые застежки сандалий. Другой был в обычной рабочей куртке, босой и бородатый.

— Башня перевернутая, — прошептал Катин. — Ох-хо. Я знаю... — он остановился под взглядами Тай и Себастьяна.

— Башня перевернутая, — Тай показала на другую сторону. — Сюда кладите.

Лок положил карту и вытянул седьмую.

— Двойка мечей перевернутая.

Женщина с завязанными глазами сидела в кресле на берегу океана, скрестив мечи на груди.

— Эту впереди положите.

Три карты в центре и четыре вокруг.

— Снова выбирайте.

Лок выбрал.

— Король мечей. Сюда кладите.

Король лег слева от креста, образованного первыми семью картами.

— И еще одну.

Лок вытянул девятую карту.

— Тройка жезлов перевернутая.

Карта легка ниже короля.

— Дьявол...

Катин взглянул на руку Мышонка. Пальцы согнулись так, что ноготь мизинца впился в запястье Катина.

— ...перевернутый.

Пальцы Мышонка расслабились. Катин посмотрел на Тай.

— Сюда положите. — Перевернутый Дьявол лег под Тройкой. — Выбирайте.

— Дама мечей. Эту последнюю карту сюда кладите. Рядом с крестом выстроился вертикальный ряд из четырех карт. Тай собрала колоду.

Она подперла пальцами подбородок. Наклонилась над картами, и ее рыжие волосы рассыпались по плечам.

— Ты видишь Принса здесь? — спросил Лок. — Ты видишь меня и звезду, за которой я иду?

— Вас я вижу. И Принса тоже. А также женщину, имеющую отношение к Принсу, темноволосую женщину...

— Темные волосы, но голубые глаза? — перебил Лок. — У Принса голубые глаза.

Тай кивнула.

— Ее я тоже вижу.

— Это Руби.

— Карты большей частью мечи и пятиконечники. Много денег вижу. И много борьбы за них и вокруг них.

— И семь тонн иллириона? — пробормотал Мышонок. — Не надо гадать по картам, чтобы...

— Ш-ш-ш-ш, — остановил его Катин.

— Единственное положительное влияние от Большой Арканы — Дьявол. Карта насилия, революции, борьбы. Но также начало духовного понимания она означает. Пятиконечники выпали в начале гадания. Это карты денег и богатства. Потом выпали мечи — карты силы и конфликта. Жезлы — символ, интеллекта и созидания. Хотя их число три и меньше, они выпали к концу. Хорошо это. Но отсутствуют чаши — символ чувств, в особенности любви. Плохо. Хорошо, когда жезлы соседствуют с чашами, — она взяла центральные карты: Космос, Тройку пятиконечников и Валета мечей.

— Так... — Тай замолчала. Четверо мужчин дышали в такт. — Вы себя как целый мир видите. Карта, покрывающая вас, о благородстве, аристократизме говорит. И еще о мастерстве, которым

вы обладаете...

— Вы говорили, что были яхтсменом? — спросил Катин.

— Это ваше призвание карта обозначает. Но Валет мечей стоит поперек вашего пути.

— Это Принс?

Тай покачала головой.

— Более молодой человек это. Кто-то, кто теперь уже достаточно вам близок стал. Кто-то, хорошо известный вам. Темноволосый, очень молодой человек... Катин первым посмотрел на Мышонка. — ...который как-то между вами и вашей звездой встанет.

Теперь и Лок поглядел через плечо.

— Эй, вы подумайте... — Мышонок обвел взглядом окружающих. — Что вы теперь намерены сделать? Застрелить меня при первом же удобном случае из-за этих дурацких карт? Вы думаете, что я хочу вам встать поперек дороги?

— Если бы даже тебя он застрелил, — проговорила Тай, подняв голову, — это ничего бы не изменило.

Капитан похлопал Мышонка по колену.

— Не обращай внимания, Мышонок.

— Если вы не поверили в них, капитан, зачем же тратить на них время?.. — он замолчал, пото-

му что Тай перемешала карты.

— В нашем недавнем прошлом, — сказала она, — туз пятиконечников лежит. Опять много денег, но помещенных с какой-то целью.

— Эта экспедиция может стоить руки и ноги, — добавил Катин.

— А также уха и глаза? — костяшками пальцев Себастьян поглаживал одного из своих зверей.

— В далеком прошлом девятка пятиконечников лежит. Тоже карта изобилия. Вам везло. Вы об этом любите вспоминать. Но в близком будущем у вас Перевернутая башня. Обычно она означает...

— Дорогу прямиком в тюрьму! Которую нельзя избежать, если... — глаза Катина сверкнули, потому что Тай, сощурясь, посмотрела на него, — ...если не собрать двести фунтов местных кредитов, — он кашлянул.

— Тюремное заключение эта карта означает, крушение большого дома.

— Дома фон Реев?

— Чей дом — не могу сказать, — услышав это, Лок засмеялся.

— Выше перевернутая Двойка мечей лежит. О неестественной страсти, капитан, говорит она.

— Это-то что означает? — прошептал Мышонок. Но Тай уже перешла от креста из семи карт

к вертикальному ряду.

— У цели твоих усилий Король мечей стоит.

— Это мой дружок Принс?

— Он. На вашу жизнь он хочет повлиять. Он сильный человек и мудрость вам дать может... или смерть, — она подняла голову, черты ее лица внезапно заострились. — И наши жизни — тоже... Он... — она умолкла, и Лок спросил:

— Что, Тай?

Его голос уже успокоился, стал ниже и уверенней.

— Под ним...

— Что там. Тай?

— ...лежит перевернутая Тройка жезлов. Это предложение помощи. Лучшая поддержка обманутым надеждам. В основании Дьявол лежит, но перевернутый. К вам духовное понимание, о котором я говорила, придет. Когда...

— Эй! — Мышонок поднял глаза на Катина. — О чем это она?

— Ш-ш-ш-ш!

— ...вступите в борьбу, суть вещей обнажится. Рабочие, что внизу, иностранцы и те, что будут выглядеть иностранцами. И хотя, Король мечей действительно рушит стены, позади него королеву мечей вы обнаружите.

— Это... Это Руби? Скажи, Тай, ты видишь Солнце?

— Никакого Солнца. Только женщину, темноволосую и могущественную, как ее брат. Ее тень падает...

— От света какой звезды?

— Ее тень на вас и на Принса падает.

Лок покачал рукой над картами.

— А Солнце?

— Ее тень в ночи лежит. Звезды на небе я вижу. Но ни одного Солнца...

— Нет! — не выдержал Мышонок. — Все это глупость! Чепуха! — его пальцы сжались, и Катин отдернул руку. На ней остался след от ногтя. — Ничего она не может предсказать с их помощью! — Вдруг он стал клониться набок. Обутая нога выстрелила в воздух между питомцами Себастьяна. Они рванулись, натянув удерживающие их цепочки.

— Эй, Мышонок! Что ты?..

Мышонок протянул босую ногу к разложенным картам.

— Эй!!

Себастьян осадил взметнувшиеся тени.

— Ко мне! Спокойно!

Его рука металась от головы к голове, поглажи-

вая темные уши и шеи.

Но Мышонок уже поднимался по пандусу над бассейном. И, пока не исчез, было видно, как футляр с сиринксом ударяется по его бедру при каждом шаге.

— Я догоню его, капитан! — Катин бросился к пандусу.

Крылья опали, и Лок встал.

Тай, стоя на коленях, собирала рассыпанные карты.

— Вы двое — на паруса. Линчеса и Айдаса нужно сменить, — подобно тому, как выражение смеха на его лице трансформировалось в выражение боли, интерес выглядел как усмешка. — По своим каютам — марш!

Лок взял за руку Тай, как только она поднялась.

— За то, что в картах ты мне прочитала. Тай, я благодарю тебя.

Себастьян шагнул вперед, чтобы высвободить ее руку из руки капитана.

— Еще раз спасибо.

* * *

В коридоре за пандусом по черной стене плыли проекции звезд. Около стены, положив футляр

на колени, сидел по-турецки Мышонок. Рука его рассеянно чертила загогулины на коже футляра. Взгляд застыл на движущихся огоньках.

Катин, заложив руки за спину, прошел через холл.

— Что такое, черт возьми, с тобой стряслось? — дружелюбно спросил он.

Мышонок поднял голову, провожая взглядом звезду, выплывшую из-за уха Катина.

— Тебе определенно нравится усложнять себе жизнь. Звезда скользнула вниз и исчезла в полу.

— И, между прочим, что это за карту ты сунул в футляр?

Мышонок от неожиданности вскинул голову и моргнул.

— Я очень хорошо замечаю такого рода вещи, — Катин прислонился к усыпанной звездами стене. Потолочный проектор, воспроизводящий ночь за бортом, отбрасывал пятна света на его круглое лицо и широкий плоский живот. — Это не тот способ изменить капитана к лучшему. У тебя какие-то странные идеи. Мышонок, правда, признаюсь, что они не лишены определенного очарования. Если бы мне сказали, что я буду работать в таком вот экипаже сейчас, в тридцать втором столетии, с человеком, который

совершенно искрение сомневается в Тароте, не думаю, чтобы я в это поверил. Ты на самом деле с Земли?

— Да, с Земли.

Катин покусал согнутый палеи.

— Вообще-то, если подумать, действительно, такие допотопные идеи не могут возникнуть нигде, кроме как на Земле. Сразу же, как только начались Великие Звездные Переселения, появились культуры, достаточно сложные и достаточно организованные, чтобы принять учение Тарота. Я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что в каком-нибудь городишке посреди монгольской пустыни найдется человек, верящий, что Земли покоится на громадном блюде, стоящем на спине слона, который попирает змею, свернувшуюся на черепахе, плавающей в океане. И хотя я рад, что родился не там, это местечко должно быть просто очаровательным. Там рождаются очень эффектные невротики. В Гарварде был один такой... — он остановился и взглянул на Мышонка. — Ты забавный парень. Вот ты управляешь звездолетом, продуктом технологии тридцать второго века, и в то же время твоя голова забита отсталыми идеями тысячелетней давности. Покажи мне то, что ты стянул.

Мышонок засунул руку в футляр и вытащил карту. Он глядел на нее, пока Катин не потянулся за ней.

— Ты не помнишь, кто тебе сказал, что не надо верить Тароту? — Катин рассматривал карту.

— Моя... — Мышонок положил руки на край футляра. — Одна женщина. Когда я был совсем ребенком, лет пяти или шести.

— Она тоже цыганка?

— Да. Она заботилась обо мне. У нее были карты. Такие, как у Тай. Только не трехмерные. И старые. Когда мы скитались по Франции и Италии, она гадала желающим. Она все знала: и что означают картинки, и вообще все. И рассказывала мне. Она говорила, что кто бы чего не говорил, все это липа. Все это фальшь и на самом деле ничего не значит. Она говорила, что это цыгане распространили карты Тарота.

— Все так. Цыгане, по-видимому, перенесли их с Востока на Запад в одиннадцатом-двенадцатом веках. И способствовали их распространению в Европе в последующие пятьсот лет.

— Вот что она говорила мне: карты первоначально принадлежали цыганам, и поэтому цыгане знают — они всегда лгут. И никогда не верят им.

Катин улыбнулся.

— Весьма романтичное примечание. Скажу только вот что: мысль, что все эти символы, пройдя через пять тысяч лет мифологии, являются практически бессмысленными и не имеют никакого отношения к человеческим делам и мыслям — всего лишь отголосок набата нигилизма. К несчастью, я знаю слишком много об этих символах, чтобы отмести их. Однако мне интересно все, что ты сказал. Так эта женщина, с которой ты жил, когда был ребенком, — она гадала по картам Тарота, но настаивала на том, что они лгут?

— Да, — он снял с колен футляр. — Только...

— Только, что? — спросил Катин, когда Мышонок умолк.

— Только однажды ночью, перед самым рассветом... Кругом были одни цыгане. Мы сидели ночью в пещере и ждали. Мы все были очень напуганы, потому что что-то должно было случиться. Взрослые шептались об этом, но когда кто-нибудь из детей подходил близко, замолкали. И в эту ночь она гадала по картам — только так, как если бы они не лгали. А все сидели вокруг костра в темноте и слушали, что она читает по картам. А на следующее утро кто-то рано разбудил меня, когда солнце еще только поднималось

над городом. Все исчезли. Я шел не с мамой, а с женщиной, которая гадала по картам. Я никого из них больше не увидел. Те, с кем я шел, вскоре тоже исчезли. И я двинулся к Турции совсем один, — Мышонок в задумчивости провел большим пальцем по коже футляра. — Но той ночью, когда она гадала по картам, я помню, что я был сильно испуган. Они тоже были напуганы, понимаешь? И они не говорили, чем. Но что-то напугало их до такой степени, что они решили спросить совета у карт, хотя они знали, что карты — это липа!

— Я понимаю это так, что когда ситуация становится чересчур серьезной, люди вспоминают о своем здравом смысле и отбрасывают предрассудки, пока опасность не минует. — Катин задумался. — Что, как ты думаешь, могло случиться?

Мышонок пожал плечами.

— Возможно, за нами гнались. Ты знаешь, как это бывает с цыганами. Все думают, что цыгане воруют. Это так. Может быть, за нами гнались из города. Никто на Земле не любит цыган. Вот почему мы не работаем.

— Ты-то работаешь, Мышонок, и работаешь, много. Потому я и удивился, что ты ввязался во

все эти ненужные дела с Тай. Ты потеряешь свое доброе имя.

— Я не был с цыганами с того времени, когда мне было лет семь-восемь. А кроме того, я заимел разъемы. Хотя их у меня и не было, пока я не поступил в Куперовскую Академию Астронавтики в Мельбурне.

— Правда? Тебе тогда должно было быть лет пятнадцать-шестнадцать. А это, конечно, много. На Луне мы обретаем свои разъемы годам к трем-четырем, так что можем подключаться к школьным обучающим компьютерам, — на лице Катина вдруг появилось ошеломленное выражение. — Ты хочешь сказать, что на Земле была целая группа взрослых мужчин и женщин, а с ними и детей, которые бродили от города к городу, из страны в страну, и все они были без разъемов?

— Да. Именно так.

— Не так-то уж много работ можно делать, не имея разъемов.

— Конечно.

— Ничего удивительного, что твоим цыганам приходилось переходить с места на место. Группа странствующих взрослых людей, не имеющих возможности подключиться к машинам! — он по-

качал головой, — Но почему же вы их не имеете?

— Таковы цыгане. У нас их никогда не было. Они нам никогда не были нужны. У меня есть разъемы, потому что я был одинок и... Ну, я полагал, что так будет легче, — Мышонок уронил руки на колени. — Но это все-таки не причина, чтобы выгонять нас из города, где мы остановились. Однажды, помню, они поймали двух цыган и убили их. Их избили до полусмерти, а потом отрезали руки и повесили вниз головой, и они истекли кровью.

— Мышонок! — лицо Катина исказилось.

— Я был совсем ребенком, но я помню. Может быть, это и заставило, в конце концов, маму решиться спросить совета у карт, которым она не верила. Может быть, это и заставило нас разойтись в стороны.

— Только в созвездии Дракона! — выдавил Катин. — Только на Земле!..

Смуглое лицо повернулось к нему.

— Почему, Катин? Продолжай, скажи мне, почему с нами так обращаются? — в его словах не было вопроса. Только обида.

— Потому что люда тупы, узколобы и боятся всего непонятного, — Катин закрыл глаза, — Вот почему я предпочитаю луны. Даже на самой

большой луне трудно встретить такое количество людей, чтобы могли произойти подобные вещи, — глаза раскрылись. — Мышонок, прими во внимание вот что. У капитана фон Рея есть разъемы. Он — один из богатейших людей Вселенной. Они есть и у любого горняка, дворника, бармена, клерка-регистратора, и у тебя. В Федерации Плеяд и в Окраинных Колониях существует феномен, возникший вследствие слияния культур, и проявляющийся, в частности, в том, что все машины воспринимаются как непосредственное продолжение человека. Это, как очевидное, признается всеми социальными слоями со времен Аштона Кларка. И до этого разговора я был сказал, что феномен слияния культур имеет место и на Земле. Но ты напомнил мне, что в мире наших предков да сих пор существуют культурные анахронизмы. Подумать только, что группа не имеющих разъемов цыган — истощенных, ищущих работу там, где никакой работы нет, предсказывающих судьбу способом, который сами они уже перестали понимать, в то время, как вся Вселенная достигла понимания того, чем обладали предки этих самых цыган пятнадцать веков назад, игнорирующих закон Еноха — входит в город и не расстраивается тем,

что у всех остальных мужчин и женщин имеются разъемы. Закон Еноха? Когда ты подключаешься к большой машине, это называется «стаддинг». Неизвестно, откуда пошло это выражение. Нет, я не понимаю, почему так случилось. Но немного понимаю — как, — он покачал головой. — Земля — забавное место. Я там учился четыре года, но только сейчас до меня начинает доходить, как мало я в этом разбираюсь. Те из нас, кто родился не на Земле, видимо, просто не в состоянии полностью это осознать. Вся остальная часть созвездия Дракона живет, по-моему, более простой жизнью, — Катин поглядел на карту в своей руке. — Ты знаешь, как называется эта карта?

Мышонок кивнул.

— Солнце.

— Ты знаешь, если бы ты ходил около разложенных карт, гадание вышло бы неверным. Капитан очень хотел, чтобы ему попалась эта карта.

— Я знаю, — пальцы скользнули по ремню футляра. — Карты уже сказали обо мне, стоящим между капитаном и его солнцем, едва только я стащил одну, — Мышонок покачал головой.

Катин протянул ему карту.

— Почему бы тебе ее не отдать? Пока не поздно, извинись за то, что затеял всю эту суету.

С минуту Мышонок молча смотрел себе под ноги. Потом поднялся, взял карту и побрел через холл.

Катин глядел ему вслед, пока тот не исчез за углом. Потом он скрестил руки на груди, опустил голову и задумался. Он думал о блеклой пыли всех виденных им лун.

* * *

Катин сидел в затихшем холле, прикрыв глаза. Что-то вдруг потянуло его за карман шортов. Он открыл глаза.

— Эй!..

Линчес (за плечом — тенью — Айдас) подкрался к нему и вытащил за цепочку диктофон из кармана. Теперь он держал его в своей руке.

— Для чего...

— ...эта штука? — закончил Айдас.

— А вы не хотите его вернуть? — причиной раздражения Катина было то, что прервали его размышления. И их самонадеянность.

— Мы видели, как ты возился с этой штукой тогда в порту, — Айдас взял диктофон из пальцев брата.

— Понимаешь... — начал Катин.

Айдас протянул ему диктофон.

— Благодарю, — Катин стал засовывать его обратно в карман.

— Покажи нам, как он работает...

— ...и для чего он тебе.

Катин, помедлив, достал диктофон.

— Это матричный диктофон, в который я наговариваю свои заметки. Он мне нужен, чтобы написать роман.

Айдас покачал головой.

— Ну я знаю, что это такое...

— ...и я. Почему ты хочешь...

— ...сделать такой...

— ...почему ты не хочешь создать психораму...

— ...это же значительно легче. А мы...

— ...тоже там есть?

Катин неожиданно поймал себя на том, что хочет сказать одновременно четыре вещи. И рассмеялся.

— Понимаете, ребята, я так не могу, — он на мгновение задумался. — Я не знаю, почему я хочу писать. Конечно, проще создать психораму, когда уже есть необходимое оборудование, деньги и знакомства на студии. Но это совсем не то, чего я хочу. И я не знаю, будете вы там или нет. Я еще и не начинал думать о предмете. Я пока делаю только записи к роману, — Катин и близнецы

посмотрели друг на друга. — Эти записи неэстетичны, если сравнивать с самим романом. Знаете, нельзя же просто сидеть и писать роман. Обязательно надо думать. Роман — это форма искусства. Я должен полностью его продумать, прежде чем начать писать. Но, так иди иначе, это то, что я хочу создать.

— О, — протянул Линчес.

— Ты уверен, что знаешь, что такое...

— ...Конечно. Помнишь «Войну...

— ...и мир». Да. Но это психорама...

— ...с Че Онг в роли Наташи. Но она...

— ...сделана по роману? Точно, я...

— ...Ты теперь вспомнил?

— Угу, — Айдас, стоящий позади брата, неторопливо кивнул. — Только, — теперь он обращался к Катину, — как же ты взялся за это дело, если не знаешь, о чем писать?

Катин пожал плечами.

— Тогда, может быть, ты напишешь что-нибудь про нас...

— ...мы можем просить его, если он говорит о том, что не является...

— Эй, — вмешался Катин. — Я должен найти тему, на которой строился бы роман. Я сказал, что не могу говорить о том, собираюсь я вас туда

вставлять или нет...

— ...что у тебя там за записи? — спросил из-за плеча Линчеса Айдас.

— А? Как я говорил, наметки. Для книги.

— Давай послушаем.

— Ну, вы, ребята, не... — Катин пожал плечами, взялся за рубиновый рычажок и перевел его на воспроизведение.

— Размышление наедине номер пять тысяч триста семь. Заруби на носу, что роман (назидательный, психологический или тематический — не имеет значения) всегда является отражением своего времени. — Голос звучал более высоко и быстро, чем обычно, но это только улучшало его восприятие, — Прежде, чем написать книгу, я должен описать современное понимание истории...

Ладонь Айдаса черным эполетом лежала на плече брата. Карие и коралловые глаза смотрели сосредоточенно, выказывая свою заинтересованность.

— ...История? Тридцать пять веков назад ее изобрели Геродот и Фукидид. Они определили ее как изучение того, что происходило при их жизни. И последующую тысячу лет история понималась точно так же. В Константинополе,

пятнадцать веков спустя после греков, Анна Комнина в своем царственном блеске (и на том же языке, что и Геродот) определила историю как изучение тех событий в жизни людей, которые занесены в документы. Я сомневаюсь, чтобы эта очаровательная византийка верила лишь в те вещи, что были где-то записаны. Но события, нигде не задокументированные, в Византии просто не считались историческими. Концепция истории была целиком трансформирована. Последующее тысячелетие началось с первого глобального конфликта, а закончилось первым межпланетным столкновением. Сама собой возникла, теория, что история является серией циклических взлетов и падений, происходящих, когда одна цивилизация поднимается до уровня другой. События, выпадающие из цикла, считались не имеющими исторической важности. Сейчас нам трудно оценить разницу между Спенглером и Тойнби, хотя в их времена эти теории считались полярно противоположными. Для нас их споры о том, где и когда начинаются циклы, кажутся чистым соидизмом. Сейчас, когда прошло еще одно тысячелетие, мы можем спорить с де Эйлингом и Броблином, Альвином-34 и «Креспбургским Обозрением». Просто потому, что они современники, я знаю,

что они излагают одинаковую точку зрения. Но сколько восходов заставало меня в доках Шарля расхаживающим и размышляющим, с кем я: с сондерсовской ли теорией интегральной исторической конвекции или все-таки с Броблином? Я уже имею достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что в последующем тысячелетии существующие разногласия будут казаться такими же несущественными, как и спор двух средневековых теологов о том, двенадцать или двадцать четыре ангела поместятся на острие иглы.

... Размышление наедине номер пять тысяч триста восемь. Никогда не вынимай ворованные смоквы напротив красного...

Катин щелкнул переключателем.

— О, — сказал Линчес. — Это было что-то странное...

— ...интересное, — вмешался Айдас. — Ты всегда описывал...

— ...он говорит об истории...

— ...современную историческую концепцию?

— Ну, конечно. Это довольно интересная теория. Если вы сейчас...

— Я думаю, это, должно быть, слишком сложно, — возразил Айдас. — Я хочу сказать...

— ...для тех, кто живет сейчас, трудно...

— Что вы, на удивление легко, — это Катин. — Все, что вы должны сделать — это понять, как мы смотрим...

— ...может быть, для людей, которые будут жить потом...

— ...это будет не так трудно...

— Действительно, — сказал Катин. — Когда-нибудь вы замечали, что общество в целом выглядит так, будто...

— Мы не слишком разбираемся в истории, — Линчес пригладил свои, похожие на светлую овечью шерсть, волосы. — Я не думаю...

— ...что мы могли бы сейчас это понять.

— Конечно, смогли бы! — воскликнул Катин. — Я могу все это объяснить очень...

— Может быть, после...

— ...в будущем...

— ...это будет легче.

На смуглом и бледном лицах вдруг мелькнули улыбки. Близнецы повернулись и пошли прочь.

— Эй! — крикнул им вслед Катин. — Разве вы?.. Я хочу сказать, я... Ох...

Он положил руки на колени и задумался, глядя вслед близнецам, бредущим по коридору. Темная спина Айдаса была экраном, на котором сияли куски каких-то созвездий. Минуту спустя Катин

поднял свой диктофон, щелкнул рубиновым переключателем и стал тихо говорить:

— Размышление номер двенадцать тысяч восемьсот десятое. Интеллигентность становится вещью чужеродной и доставляющей неудобства... — он выключил диктофон и снова посмотрел вслед близнецам.

* * *

— Капитан?

Лок остановился на верхней ступеньке и уронил руку с дверной ручки.

Мышонок засунул большой палец в дыру на брюках и почесал бедро.

— Э... капитан... — он достал карту из футляра с сиринксом. — Вот ваше солнце.

Рыжие брови поползли вверх. В желтых глазах блеснули огоньки.

— Я... э... позаимствовал ее у Тай. Я верну ее...

— Поднимайся сюда, Мышонок.

— Да, сэр, — он зашагал по винтовой лестнице. Вода у краев бассейна была покрыта рябью. Его отражение поднималось вместе с ним.

Капитан открыл дверь, и они вошли в каюту.

Первой мыслью Мышонка было: «Его каюта не больше моей».

Второй: «Тут битком набито всего».

По разные стороны от компьютера размещались проекционные экраны — на стенах, полу и потолке. И кроме этого в каюте не было ничего личного, даже рисунков.

— Давай посмотрим эту карту, — Лок сел на свернувшиеся на койке кабели и стал рассматривать диораму.

Мышонок, которому не было предложено сесть на койку, вытянул из-за спины футляр с инструментом и сел на пол, скрестив ноги.

Неожиданно ноги Лока вытянулись, кулаки разжались, плечи дрогнули, мускулы лица напряглись. Потом спазм прошел, и он снова выпрямился на койке. Капитан сделал глубокий вдох, туго натянувший шнуры на его кителе.

— Садись сюда, — он похлопал по койке. Но Мышонок только подвинулся поближе к Локу, не вставая с пола. Лок нагнулся и положил карту на пол.

— Это карта, которую ты стащил? — выражение задумчивости разгладило его лоб. Но Мышонок смотрел только на карту. — Если бы это была первая экспедиция, которую я сколотил, чтобы измерить глубину звезды... — Лок рассмеялся. — Шесть обученных и умелых мужчин, изучивших

свою профессию под гипнозом и знающих ее, как свои пять пальцев, спаянных крепче, чем куски биметаллической пластинки. Кража среди этого экипажа? — он снова рассмеялся, покачав головой. — Я был в них так уверен. А в Дэне — больше всех, — он ухватил Мышонка за волосы и тихонько покачал его голову из стороны в сторону. — Но этот экипаж нравится мне больше. — Он показал пальцами на карту. — Что ты видишь здесь, Мышонок?

— Ну, мне кажется... двух ребят, играющих под...

— Играющих? — перебил Лок. — Разве похоже, что они играют?

Мышонок откинулся назад и прижал к себе инструмент.

— Что видите вы, капитан?

— Двое ребят, схватив друг друга за руки, собираются драться. Ты видишь, что один белый, а другой темный? Я вижу любовь против смерти, свет против тьмы, порядок против хаоса. Я вижу столкновение всех противоположностей под солнцем. Я вижу Принса и самого себя!

— Кто же есть кто?

— Не знаю, Мышонок.

— Что это за человек — Принс Ред, капитан?

Лок ударил кулаком левой руки о раскрытую ладонь правой.

— Ты видел его на экране в цвете и объеме и ты еще спрашиваешь? Богатый, как Крез, балованный психопат. Он однорукий, а его сестра так красива, что я... — он уронил руки. — Ты с Земли, Мышонок. Из того же мира, что и Принс. Ты часто там бывал, а я никогда там не жил. Наверное, ты знаешь, почему человек, все преимущества которого — следствие изобилия созвездия Дракона, мальчиком, юношей и мужчиной так... — кулак снова ударил по ладони. — Не обращай внимания. Возьми свою чертову арфу, сыграй что-нибудь. Начинай. Я хочу смотреть и слушать.

Мышонок залез в футляр. Одна рука на деревянном грифе, другая скользнула по полированным изгибам. Он крепко сжал пальцы и закрыл глаза. Сосредоточенность перешла в задумчивость, задумчивость — в озарение.

— Вы говорите, он однорукий?

— Под этой черной перчаткой, которой он так театрально расколотил камеру, нет ничего, кроме металла и пластика.

— Это значит, что у него нет разъема, — Мышонок перешел на хриплый шепот. — Я не знаю, как обстоят дела там, откуда вы родом, на Земле

же это — худшее, что только может случиться с человеком. Капитан, цыгане тоже их не имеют, и Катин всего несколько секунд назад прекратил свои воспоминания по поводу того, как это плохо. — Сиринкс был уже вынут. — Что бы вы хотели, чтобы я вам сыграл? — он взял несколько аккордов.

Но Лок опять разглядывал карту.

— Сыграй. Вскоре нам нужно будет подключаться, чтобы добраться до Алкэйна.

Рука Мышонка опустилась...

— Мышонок?

...и отдернулась, не коснувшись струны.

— Почему ты украл именно эту карту?

Мышонок пожал плечами.

— Просто так получилось. Она упала на ковер рядом.

— Но если бы это была другая карта: двойка кубков или девятка жезлов — ты бы поднял ее?

— Думаю, что да.

— Ты уверен, что в этой карте ничего нет, ничего особенного? Если бы там была другая карта, ты оставил бы ее лежать или же тоже взял?

На Мышонка снова накатился страх, взявшийся неизвестно откуда. Пытаясь побороть его, он резко повернулся и положил руку на плечо Лока.

— Ну, капитан! Не обращайте внимания на то, что говорят карты. Я хочу помочь вам добыть эту звезду, понимаете? Я буду с вами, и вы выиграете эту гонку. И не позволяйте этой сумасшедшей говорить противное!

В течение всего этого разговора Лок чувствовал себя несколько неопределенно. Сейчас же он глядел серьезно.

— Не забудь вернуть этой сумасшедшей карту, когда выйдешь отсюда. Мы скоро будем на Ворписе.

Напряженность исчезла. Хриплый смех раздвинул темные губы.

— Я все же думаю, что они играют, капитан, — Мышонок откинулся на изголовье койки.

Закинув босую ногу на ногу Лока, ставший страшно похожим на марионетку рядом с кукловодом, он ударил по струнам.

Огоньки запрыгали по механизмам.

Лок глядел на карту у своих ног. Что-то произошло с ним. Он не знал причины. Но первый раз за очень долгое время он глядел на человека, которого позвал по причине, не имеющей ничего общего с его звездой. Он не видел, что было перед его глазами. Он откинулся назад и взглянул на творение Мышонка.

Заполнив всю каюту, Мышонок двигал мириады ярчайших огней вокруг громадной сферы, создавая хрупкие фигуры торжественной диссонансной фуги.

Глава 5

(Созвездие Дракона. Ворпис. Феникс. 3172)

«Добро пожаловать, дорогие путешественники... — заговорил мегафон, как только они вышли с посадочной площадки через освещенные восходом солнца ворота. — День на Ворписе длится тридцать три часа, а гравитация достаточно высока, чтобы заставить пульс биться в три раза быстрее, чем на Земле, в течение шестичасового акклиматизационного периода...»

Они прошли мимо стометровой колонны. Чешуйки, горящие в лучах восходящего солнца, сплошной броней покрывали Змея — механистический символ сверкающего ночного неба, этой части Галактики — свернувшегося вокруг своего исполинского постамента. Как раз в тот момент, когда они шагнули на движущуюся дорогу, алый солнечный свет окрасил последние пятна ночной синевы.

«...Четыре города с более чем пятимиллионным населением. Ворпис производит пятнадцать процентов всего необходимого созвездию Дракона динапласта. В экваториальных отмельных зонах

добываются минералы около трех дюжин наименований в тропических и полярных областях, в каньонах на плато наши нейтрайдеры охотятся на аэролатов и аквалатов. Ворпис знаменит на всю Галактику своим Институтом Алкэйна, расположенным в столице северного полушария городе Фениксе...»

Они миновали пределы слышимости, и наступила тишина. Дорога превратилась в лестницу.

— Капитан, куда мы идем? — Себастьян взял с корабля лишь одного из своих питомцев. Тот покачивался и переступал с лапы на лапу на плече у хозяина.

— Мы возьмем в городе краулер-туманник и отправимся в Алкэйн. Кто хочет, может пойти со мной побродить вокруг музея или побыть несколько часов в городе. Если кто-то хочет остаться на корабле...

— И упустить возможность посмотреть Институт Алкэйна?

— ...Посетить его недешево стоит...

— ...но ведь там работает тетя капитана...

— ...поэтому мы свободно можем пройти, — закончил Айдас. — Об этом не беспокойтесь, — Лок соскочил с ленты к причалу, где были пришвартованы краулеры-туманники. Полярные области

Ворписа были покрыты столовыми горами, некоторые из которых занимали площадь в десятки квадратных миль. У их подножия постоянно клубился густой туман, взаимодействующий с азотно-кислородной атмосферой. Пыль, состоящая из окиси алюминия и сульфата мышьяка, соединяющаяся с испаряющимися гидрокарбонатами, вздымалась с бурлящей поверхности, скрывая все пространство между горами. Сразу же за плоскогорьем, на котором был расположен космодром, виднелось еще одно, с ухоженными растениями южных областей Ворписа, являющееся чем-то вроде естественного парка — преобладали каштановый, рыжий и алые цвета. Феникс располагался на самой высокой и большой столовой горе.

Краулеры-туманники — внутреннее транспортное средство планеты, приводимые в движение статическими электрическими зарядами — бороздили поверхность тумана подобно речным судам.

В помещении главного вокзала за прозрачными блоками плыли цифры времени отправления. Вспыхивали и гасли стрелы — указатели направления посадки: «Парк „Андромеда“ — „Феникс-Монтеклер“, и огромные птицы, роняя огонь,

скользили по мультихрому под ботинками, босыми ногами и сандалиями.

* * *

Катин, стоящий на палубе краулера, облокотился на поручень, глядя сквозь пластиковую стену, как белые волны, разбиваемые краулером, дробятся и взвихряются, закрывая солнце.

— Ты когда-нибудь думал, — спросил Катин подошедшего с леденцом во рту Мышонка, — о том, каким непонятным временем казалось бы человеку прошлого настоящее? Представь себе кого-нибудь, кто умер, скажем, в двадцать шестом веке, воскресшим здесь. Можешь ты себе представить, насколько глубоко охватили бы его ужас и замешательство, доведись ему просто пройти по этому краулеру-туманнику?

— Да? — Мышонок вынул изо рта леденец. — Не хочешь дососать? Мне он надоел.

— Благодарю. Подумай только, — челюсти Катина задвигались, разгрызая твердые шарики на льняной нити, — о чистоте. Существовал тысячелетний периода — примерно с тысяча пятисотого по две тысячи пятисотый год — когда люди расходовали невообразимое количество времени и энергии на то, чтобы вещи были чистыми. С

этим было покончено, когда последняя инфекционная болезнь стала не только излечиваемой, но и просто невозможной. Тогда существовало немыслимое сейчас явление, называемое «повсеместным похолоданием», которое, можешь быть уверен, происходило даже в двадцать пятом столетии, по крайней мере, раз в год. Я полагаю, что тогда были причины превращать чистоту в фетиш: считалось, что есть связь между грязью и болезнью. Но когда заражение стало понятием устаревшим, соответственно, отпала нужда и в санитарии. Если бы этот человек, живший пятьсот лет назад, увидел, как ты разгуливаешь по палубе в одном ботинке, и затем садишься, чтобы поесть с помощью босой ноги, и не беспокоишься насчет того, что ее надо помыть — ты можешь себе представить, как он был бы ошеломлен?

— Без дураков?

Катин кивнул.

— Мысль нанести визит в Институт Алкэйна подстегивает меня, Мышонок. Я разрабатываю полную теорию историй. Это связано с моим романом. Ты не уделишь мне несколько минут? Я объясню. Мне приходило в голову, что если кто-то считает... — он остановился.

Прошло достаточно много времени, чтобы на

лице Мышонка успела отразиться целая гамма различных чувств.

— Ну что? — спросил он, когда решил, что ничто в клубящейся серости за иллюминатором не могло привлечь внимания Катина. — Что там с твоей теорией?

— Циана фон Рей Морган!

— Что?

— Кто, Мышонок! Циана фон Рей Морган! До меня только сейчас дошло, кто такая тетя капитана, хранительница Музея Алкэйна. Когда Тай гадала по Тарту, капитан упомянул про дядю, которого убили, когда он был еще ребенком.

Мышонок задумался.

— Да...

Катин покачал головой, недоверчиво посмеиваясь.

— Которого что? — спросил Мышонок.

— Морган и Андервуд.

Мышонок посмотрел вниз, потом по сторонам, как это обычно делают люди, которые чего-то не понимают.

— Это, наверное, случилось до того, как ты родился, — проговорил Катин. — Но ты должен был слышать об этом или где-нибудь видеть. Ведь это дело показывали психорамы всей Галактики.

Мне было всего три года, но...

— Морган убил Андервуда! — воскликнул Мышонок.

— Андервуд, — поправил Катин, — убил Моргана. Но это мысль!

— В Арке, — продолжал Мышонок. — В Плеядах.

— И миллиарды людей всей Галактики смотрели на все это по психорамам. Мне тогда было не больше трех лет. Я был дома, на Луне, смотрел церемонию открытия вместе с родителями, когда этот импозантный тип в голубой куртке протолкался сквозь толпу и побежал через Кронаики Плаза с этой проволокой в руке.

— Он его задушил! — воскликнул Мышонок. — Морган был задушен! Я видел это по психораме. Один раз в Марс-Сити в прошлом году, когда я летал по треугольнику. Это была часть документальной программы не помню уже о чем.

— Андервуд почти оторвал Моргану голову, — пояснил Катин. — Когда я смотрел повтор, они уже вырезали момент самой смерти. Но пять миллиардов смогли узнать все об эмоциях человека, приготовившегося быть избранным Секретарем Плеяд на второй срок и внезапно атакованного сумасшедшим и убитого. Все мы

почувствовали, как Андервуд прыгнул нам на спины. Мы услышали, как закричала Циана Морган, и почувствовали, как она пытается оттащить его. Мы услышали, как представитель Кол-Син крикнул что-то о третьем телохранителе — это потом полностью спутало нам все расследование. Мы почувствовали, как Андервуд затягивает проволоку на наших шеях, почувствовали, как она врезается в плоть. Мы оттолкнулись правыми руками, а наши левые руки держали миссис Тай... И мы умерли. — Катин покачал головой. — А потом этот дурак-оператор (его звали Намби, и, благодаря его идиотизму, ему вскоре вышибла мозги шайка психов, решивших, что он — участник заговора) перевел свой психомат с убийцы на Циану — а мы могли бы узнать, кто он такой и куда намеревается бежать — и в течение последующих тридцати секунд мы были истеричкой, валяющейся на площади и хватающей еще не остывший труп своего мужа среди толчеи близких к истерике дипломатов, представителей и патрулей, смотрящих, как Андервуд продирается сквозь толпу и, в конце концов, исчезает...

— Они не показали эту часть в Марс-Сити. Но я помню жену Моргана. Она и есть тетя капитана?

— Она, должно быть, сестра его отца.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, прежде всего, по имени: фон Рей Морган. Я помню, что читал как-то, лет семь-восемь назад, что она чем-то занимается в Алкэйне. Ее считали одаренной и чувственной женщиной. В течение примерно дюжины лет после убийства она была центром внимания определенной, страшно извращенной части общества, постоянно перепархивая из Плеяд в созвездие Дракона и обратно. То она появлялась на пламенном берегу мира Коуби, то привлекала внимание к себе и своим двум маленьким дочерям на какой-нибудь космической регате. Она проводила много времени со своей кузиной Лейлой Сельвин, которая сама была избрана Секретарем Плеяд на один срок. Информационные ленты буквально разрывались между желанием удержать ее на грани скандала и своим уважением к ней за весь этот ужас с Морганом. Сегодня, если она появляется на открытии выставки или участвует в каком-то общественном событии, то делает это скрытно, хотя за последние годы от нее немного поотстали. И если она — хранительница Музея Алкэйна, то, скорее всего, она затеяла это дело ради собственной рекламы.

— Я слышал о ней, — кивнул Мышонок, подняв,

наконец, голову.

— Это был период, когда она была, наверное, самой известной женщиной Галактики.

— Ты думаешь, мы сможем с ней встретиться?

— О! — Катин ухватился за поручень и откинулся назад. — Это было бы здорово! Может быть, я смогу основать свой роман на убийстве Моргана — черте современной истории.

— Ах, да, — сказал Мышонок. — Твоя книга.

— Меня удерживает то, что я не могу найти сюжет. Мне хочется увидеть реакцию миссис Морган на эту идею. О, я бы не стал делать ничего похожего на те сенсационные программы, прошедшие впоследствии по психорамам. Я хочу сделать тщательно подготовленный труд в области искусства, используя сюжет для того, чтобы полностью поломать веру людей в упорядоченный и рациональный мир человеческих...

— Еще раз: кто кого убил?

— Авдервуд — знаешь, так получилось, что ему тогда было столько же лет, сколько мне сейчас — задушил Секретаря Моргана.

— Просто я не хочу ошибиться, когда встречусь с ней. Его ведь поймали?

— Он оставался на свободе три дня, дважды выдал себя и дважды был укрыт людьми, кото-

рые потом признались в этом в течение сорока восьми часов. Ему уже удалось добраться до космодрома, откуда он планировал отправить двух своих жен на одну из обслуживающих рудники станций Окраинных Колонии, когда его, наконец, смогли арестовать в Ведомстве по делам эмиграции. Здесь достаточно материала для дюжины романов! Мне нужен сюжет исторической значимости. Это, как ничто другое, сможет поддерживать мою теорию. Что, как я говорил...

— Катин?

— Э... Да? — его глаза, прикованные к медного цвета облакам, обратились к Мышонку.

— Что это?

— Где?

— Там.

В развороченных глыбах тумана блеснул металл. Черная сеть, колыхаясь, показалась в волнах. В тридцати футах от них сеть полностью выпрыгнула из тумана. Человек, прицепившийся к ее середине руками и ногами, в развевающейся одежде, с черными волосами, выбивающимися из-под маски, направлял сеть в желоб. Туман скрыл его.

— Это, — сказал Катин, — это нетрайдер, охотящийся на местных аэролатов или, возможно, на

аквалатов, которые водятся в каньонах на плато.

— Да? Ты бывал здесь?

— Нет. В университете я просмотрел дюжины выставок Алкэйна. Каждая более или менее значительная школа с ними связана. Но я сам никогда здесь не был. Я просто слушал речь информатора на космодроме.

— О!

Еще два нетрайдера с сетями. Туман заискрился и выпустил четвертый и пятый, а потом шестой силуэт из своего мрачного чрева.

— Словно целая стая.

Райдеры тянули за собой туман, открывая полосы чистого пространства.

— Сети, — задумчиво произнес Катин. Он облокотился на поручень. — Гигантская цепь, протянувшаяся среди звезд, сквозь время... — он говорил тихо и неторопливо. Нетрайдеры исчезли. — Моя теория: если представить общество как... — он быстро взглянул в направлении звука, похожего на дуновение ветра.

Мышонок достал свой сиринкс. Серые огни кружились в бешеном хороводе, вылетая из-под Смуглых, подрагивающих пальцев. Сквозь туман сверкали золотые сети, обволакивая нежную мелодию. Воздух был звенящим и прохладным.

Был запах ветра, но самого ветра не ощущалось...

— Это было просто великолепно!

Мышонок поднял голову. Тай стояла за спиной Себастьяна.

— Благодарю, — он усмехнулся и стал втискивать инструмент в футляр — у меня есть кое-что для тебя, — он сунул руку в футляр. — Я нашел ее на полу в «Рухе». Мне кажется... ты выронила ее.

Он взглянул на Катина и постарался убрать с лица сосредоточенность. Потом взглянул на Тай, и рот его раздвинулся, как отражение ее улыбки.

— Я тебя благодарю, — она положила карту в боковой карман кофты. — Ты этой картой любовался?

— А?

— Ты на любой карте достичь можешь медитации? — Ты это делал? — спросил Себастьян.

— О, да. Я очень долго смотрел на нее. Я и капитан.

— Это хорошо, — Тай улыбнулась. Но Мышонок уже возился с ремнем.

* * *

В Фениксе Катин спросил:

— Ты в самом деле не хочешь идти?

Мышонок снова возился с ремнем футляра.

— Нет.

Катин пожал плечами.

— Я думаю, тебе там понравилось бы.

— Мне уже приходилось видеть музеи. Я хочу немного побродить.

— Ну, — сказал Катин, — тогда о'кей. Увидимся, когда вернемся в порт, — он повернулся и побежал по каменным ступеням за капитаном и остальными. Они ступили на движущуюся ленту дороги, и она понесла их сквозь скалы к сияющему Фениксу.

Мышонок глядел вниз, на туман, запутавшийся в сланцах. Большие краулеры — с такого они только что высадились — стояли на якорях слева. Меньшие покачивались справа. Мосты, выгнутые между горами, пересекали ущелья, тут и там раскалывающие плоскогорья.

Мышонок тщательно поковырял в ухе и побрел прочь.

Юный цыган старался большую часть своей жизни прожить с помощью глаз, ушей, носа, пальцев рук и ног. И по большей части он в этом преуспевая. Но иногда — как, например, на «Рухе» во время гадания Тай или в разговорах с Катином — он бывал вынужден признать, что то, что случалось с ним в прошлом, влияет на

его действия в настоящем. Затем пришло время самоанализа. И после этого он обнаружил в себе старый страх. Теперь он знал, что страх облачается в два причиняющие ему боль воспоминания. Одну боль он еще мог как-то успокоить, касаясь чувствительных пластин своего сиринкса. Чтобы успокоить вторую, требовалось вполне конкретное самовнушение. Он подумал: «Сколько мне: восемнадцать, девятнадцать?

Может быть. Во всяком случае, прошло уже года четыре после, как его называют, года становления личности. Я могу быть избран в сенат в созвездии Дракона. Впрочем, я никогда к этому особенно не стремился. Я не стремился также прокладывать свой путь между скальными причалами других планет. Куда ты идешь. Мышонок? Где ты был и что будешь делать, когда достигнешь цели? Сядешь и поиграешь немного? Только это должно означать нечто большее. Да. Это что-то значит для капитана. Пожелайте, чтобы я смог увидеть это в небесном свете. Пожелайте еще, чтобы я смог увидеть это — настоящее. Я почти смог, когда услышал его просьбу. Кто еще мог бы заставить мою арфу воспроизвести Звезду? Большой огонь это должен быть. Слепой Дэн... Мышонок, ты разве не хочешь прожить пять пятых своей

жизни с целыми руками и глазами? Зарыться в нору, спать с девушками и делать детей? Нет. Удивлюсь, если Катин счастлив со своими теориями и заметками, заметками и теориями. Что будет, если я попытаюсь играть на сиринксе точно так же, как он возится со своей книгой? Одно хорошо: у меня не было бы времени задавать эти дурацкие вопросы. Как например: что думает обо мне капитан? Он перешагнул через меня, засмеялся, подобрал Мышонка и опустил его к себе в карман. Но это должно означать нечто большее. Капитан гоняется за своей идиотской звездой. Катин нанизывает на проволоку слова, которые никто не слушает. А я. Мышонок? Цыган с сиринксом, заменяющим голосовые связки. Что до меня, так мне этого недостаточно. Капитан, куда вы меня ведете? Смелее. Будьте уверены, я пойду. Нет другого такого места, где бы мне так хотелось быть. Думаете, я пойму, кто я такой, когда мы доберемся туда? Или умирающая звезда в самом деле может дать столько света, чтобы я смог увидеть?..»

Мышонок сошел с очередного моста. Большие пальцы — в карманах брюк, глаза опущены.

Звон цепей.

Он поднял голову.

Цепи наматывались на десятифутовый барабан, теряющийся в тумане. На скале перед раздевалкой мужчины и женщины возились с гигантской машиной. Человек, управляющий лебедкой из кабины, был все еще в маске. Из тумана поднималось запутавшееся в сети животное, хлещущее своими плавниками-крыльями. Цепи грохотали.

Аэролат (или, может быть, аквалат) был двадцати метров длиной. Меньшие лебедки опускали свои крючья. Нетрайдеры, стоя по бокам животного, придерживали их.

Мышонок двинулся сквозь толпу посмотреть на пропасть и услышал, как кто-то сказал:

— Алекс ранен.

Ворот остановился, и на помосте появились пять человек.

Зверь уже затих. Волоча сети легко, словно паутину, они освободили секцию колец. Нетрайдер в центре покачнулся.

Тот, кто был ближе всех, уронил свою секцию. Покалеченный нетрайдер привалился к голубому боку.

— Придержи там, Бо!

— Все в порядке! Держу!

— Поднимай его потихоньку!

Мышонок глянул вниз, на туман. Первый нетрайдер достиг скалы, кольца загремели по камню. Он подошел, волоча за собой свою сеть. Затем он развязал ремни на запястьях, отключил разъемы на руках, опустился на колени и отключил нижние разъемы на потных лодыжках. Теперь он взвалил сеть на плечо и поволок ее через док. Туманные поплавки все еще принимали на себя большую часть веса сети, позволяя ей плыть в воздухе.

«Без них, — подумал Мышонок, — даже учитывая более слабую гравитацию, вся эта ловушка весила бы, наверное, несколько сотен фунтов».

Еще трое нетрайдеров, поднимающиеся от обрыва, волокли свои сети. Алекс ковылял между своими товарищами.

Следом шли еще четверо. Светловолосый коренастый мужчина как раз отсоединял сеть от левого запястья, когда поднял взгляд на Мышонка. Красные светофильтры его черной маски качнулись, когда он тряхнул головой.

— Эй, — гортанно произнес он. — На бедре твоем что? — свободная рука откинула длинные волосы.

Мышонок оглянулся на него.

— А?

Человек пнул сеть, соскользнувшую с левой ноги. Правая нога была босой.

— Сенсо-сиринкс, а?

Мышонок улыбнулся.

— Да.

Мужчина кивнул.

— Парня однажды, кто как дьявол играть мог, я знал...

Он остановился, голова его опустилась. Он просунул большой палец под маску. Соскользнувшие респиратор и светофильтры открыли его лицо.

Мышонок почувствовал, что у него запершило в горле. Он стиснул челюсти и приоткрыл губы. Он попытался изобразить на лице вопрос, но из горла у него непроизвольно вырвался хрип:

— Лео!

Раскосое лицо исказилось.

— Ты! Ты — Мышонок?

— Лео, что ты?.. Но!..

Лео уронил цепь с другого запястья, выдернул разъем из лодыжки, схватил кольца в горсть.

— Ты со мной в дом, где цепи лежат, пойдешь! Пять лет... дюжину... больше!..

Мышонок все еще улыбался, потому что это было все, что он пока мог сделать. Он тоже подобрал кольца, и они поволокли сеть через скалу.

— Эй, Карло, Больсум, это — Мышонок!

Двое обернулись.

— Вы про парня, я говорил, помните? Он это! Эй, Мышонок, ты не подрос даже на полфута! Сколько лет — семь, восемь? И ты сиринкс еще носишь? — Лео оглядел футляр. — Готов спорить, ты хорошо играешь. Ты и раньше хорошо играл.

— А у тебя самого есть сиринкс, Лео? Мы бы поиграли вместе...

Лео покачал головой, смущенно улыбаясь.

— В Стамбуле в последний раз я сиринкс держал. Потом никогда. А сейчас я все это забыл.

— О, — сказал Мышонок и почувствовал утрату.

— Это сиринкс, который ты в Стамбуле стащил?

— Я всегда ношу его с собой.

— И ты на сиринксе все это время играешь? Ты мне сейчас сыграй. Конечно! Ты для меня запахи, звуки и цвета сделай! — его пальцы стиснули плечи Мышонка. — Эй, Бо, Карло, вы настоящего исполнителя на сиринксе сейчас увидите!

Двое подошли поближе.

— Ты действительно играешь на этой штуке?

— Был здесь парень месяцев шесть назад, который мог кое-что пиликать... — один из них

изобразил в воздухе две волнистые линии своими покрытыми шрамами руками, ткнул локтем Мышонка. — Понимаешь, о чем я говорю?

— Мышонок лучше, чем он, играет, — убежденно сказал Лео.

— Лео без устали говорит о парнишке, которого он знал на Земле. Он говорил, что сам научил его играть, но когда мы дали Лео сиринкс... — он, посмеиваясь, покачал головой.

— Но вот этот парнишка, — похлопал Лео Мышонка по плечу.

— А?

— О!

— Мышонок это!

Они прошли в двойные двери здания.

С высоких вешалок свисали, образуя лабиринт, сети. Райдеры вешали свои сети на крючья, опускаемые с потолка воротом. Повесив сеть, райдер мог починить сломанные кольца, настроить датчики, посредством которых сеть двигалась и принимала определенную форму в соответствии с нервными импульсами, идущими из разъемов.

Два райдера выкатывали громадную машину со множеством зубьев.

— Что это?

— С ее помощью они аэролата разделывают.

— Аэролата? — Мышонок кивнул.

— Это то, за чем мы охотимся. Аквалатов на Черном Плоскогорье добывают.

— О.

— Но, Мышонок, что здесь ты делаешь? — они пробирались сквозь дзинькающие кольца. — Ты на сетях останешься? Ты поработаешь с нами? Хорошая работа это. Я экипаж знаю, где новый человек нужен...

— Я сошел с корабля, который сделал здесь остановку. Это «Рух». Капитан — фон Рей.

— Фон Рей? Корабль из Плеяд?

— Ага.

Лео опустил крючья и стал развешивать сеть.

— Что в Созвездии Дракона он делает?

— Капитан должен получить в Институте Алкэйна техническую информацию.

Лео потянул цепь лебедки, и крючья поднялись на десять футов. Он начал развешивать следующий ряд.

— Фон Рей, да. Это хороший должен быть корабль. Когда я впервые в созвездие Дракона пошел, — он повесил еще один ряд черных колец, — никто еще из Плеяд в созвездие Дракона не приходил. Один, может быть, два. Я одинок был. — Кольца встали на места, Лео снова потя-

нул цепь. Верх сети заслонил свет из окон под потолком, — Теперь много людей из Федерации Плеяд я встречаю. Десяток на этом берегу работает. А корабли ходят то и дело туда-сюда, — он расстроено покачал головой.

Кто-то крикнул через зал:

— Эй, где док? — голос эхом отразился от сетей. — Алекс ждет уже пять минут!

— Не беспокойся, он уже идет! — крикнул Лео. Он взял Мышонка за плечо.

— Со мной иди.

Они прошли сквозь свисающие цепи. Остальные райдеры еще не покончили с развешиванием.

— Ты сыграешь?

Они оглянулись.

Райдер наполовину спустился по кольцам и спрыгнул на пол.

— Я хочу посмотреть.

— Ну, конечно, — сказал Лео.

— Знаешь, вообще-то я... — начал Мышонок. Насколько рад он был видеть Лео, настолько же он хотел сейчас музыки только для них двоих. — Ладно.

Они пошли дальше, райдер — следом за ними.

Алекс сидел у подножия лестницы, ведущей к

балкону. Он держался за плечо, прислонившись к планкам перил. Время от времени он потирал свои небритые щеки.

— Смотри, — сказал Мышонок Лео. — Почему бы нам просто не пойти куда-нибудь и не выпить? Мы можем поговорить. Я сыграю тебе перед тем, как...

— Сыграй сейчас, — настойчиво повторил Лео. — Позднее поговорим.

Алекс открыл глаза.

— Это тот парень, о котором ты говорил, Лео? — лицо его дернулось.

— Видишь, Мышонок. Прошло двенадцать лет, а у тебя здесь есть репутация, — Лео пододвинул перевернутую бочку со смазкой, проскрежетавшую по полу. — Теперь садись.

— Пойдем дальше, Лео. — Мышонок перешел на греческий. — Я пока еще не готов. Да и твой друг плохо себя чувствует и не захочет, чтобы его беспокоили.

— Малакас! — пробормотал Алекс и сплюнул кровью между колен. — Сыграй что-нибудь. Это отвлечет меня от боли. Где же этот чертов доктор?

— Что-нибудь Алексу сыграй.

— Но... — Мышонок взглянул на Алекса. Усмеш-

ка на лице раненого перешла в гримасу боли.

— Выдай номер, Мышонок!

Ему не хотелось играть.

— Хорошо.

Он неохотно достал сиринкс из футляра и просунул голову в ремень.

— Док, по-видимому, будет здесь как раз к середине, — буркнул он.

— Надеюсь, что он скоро придет, — пробормотал Алекс. — Я знаю, что у меня, по крайней мере, сломана рука. Нога ничего не чувствует, а внутри какая-то кровавая каша, — он снова сплюнул кровью. — Я должен выйти на охоту через два часа. Пусть он меня подштопает по-быстрому. Если я не смогу вылететь после полудня, я подам на него в суд. Я плачу за свое чертово здоровье!

— Он склеит тебя, — вмешался один из райдеров. — Они не позволят, чтобы полис был нарушен. Помолчи, и пусть парень играет... — он остановился, потому что Мышонок уже начал.

* * *

Свет падал на стекло и превращал его в медь. Тысячи тысяч круглых стекол образовывали вогнутый фасад Алкэйна.

Катин брел по тропинке над речкой, огибающей

сад музея. Река — те же самые тяжелые туманы, что покрывают полярные области Ворписа — слегка курилась у берегов. Ниже по течению она скрывалась под аркой в сверкающей стене.

Капитан шел впереди Катина, и их тени, падающие на гладкие камни, двигались на одном уровне. Расположенный среди фонтанов подъемник возносил наверх платформу за платформой, по несколько сот гостей на каждой. Но за считанные секунды все они разбредались по множеству тропинок, опоясывающих сверкающие кварцем горы. На бронзовом постаменте, в фокусе блистающих стекол, в нескольких сотнях ярдов перед музеем возвышалась Венера Милосская.

Линчес жмурил свои розовые, глаза, отвернув лицо от сияния. Позади него Айдас глазел то по сторонам, то назад, то вперед.

Тай, рука в руке Себастьяна, шла позади него. Волосы ее развевались с каждым движением зверя на его плече.

«Теперь свет стал голубым, — подумал Катин, когда они прошли под аркой в имеющий форму линзы вестибюль. — Что правда, то правда — ни одна луна не имеет естественной атмосферы, достаточной, чтобы создать такую декоративную диффракцию. Однако, я упустил из виду лунное

одиночество. Эта холодная конструкция из пластика, металла и камня — одно из крупнейших творений человечества. Как далеко мы ушли от семнадцатого века! Найдется ли во всей Галактике хотя бы дюжина зданий крупнее, чем это? Странное для академии положение: столкновение между традициями, воплощенными здесь, и нелепостью современной архитектуры. Циана Морган свила себе гнездо в этом могильнике истории человечества. Вот на что это похоже: стервятник, сидящий на костях.»

С потолка свисал восьмиугольный экран для публичных объявлений. Сейчас на нем переливалась красками очередная световая фантазия.

— Соедините меня с 739-Е-б, — обратился капитан фон Рей к девушке за информационным пультом.

Она повернула руку ладонью вверх и нажала кнопки на миниатюрной панели, вживленной в запястье.

— Пожалуйста.

— Алло, Банни, — сказал Лок.

— Лок фон Рей! — воскликнула девушка за пультом явно не своим голосом. — Ты пришел навестить Циану?

— Именно так, Банни. Если она не слишком

занята, я бы поднялся и поговорил с ней.

— Минутку, я сейчас узнаю.

Банни, где бы она там ни находилась в этом улье, несколько ослабила контроль, и девушка-диспетчер удивленно подняла брови.

— Так вы к Циане Морган? — спросила она теперь уже собственным голосом.

— Вот именно, — улыбнулся Лок.

В этот момент Банни снова включилась в разговор.

— Все в порядке, Лок. Она встретится с тобой на Юго-Западной, двадцать. Там не так многолюдно.

Лок повернулся к экипажу.

— Почему бы вам пока не побродить вокруг музея? Я получу то, что мне нужно, в течение часа.

— Можно ли ему брать эту, — девушка смотрела на Себастьяна, — эту вещь с собой в музей? У нас нет специального места для животных.

Банни ответила:

— Это ведь человек из твоего экипажа, Лок? Животное выглядит вполне домашним, — она повернулась к Себастьяну. — Оно смирное?

— Конечно, оно будет вести себя тихо.

— Можете взять его с собой, — разрешила Банни через девушку. — Циана уже вышла к месту

встречи.

Лок обернулся к Катину.

— Почему бы тебе не пойти со мной?

Катин постарался не высказать своего удивления.

— Конечно, капитан.

— Юго-Западная, двадцать, — повторила девушка. — Вы можете подняться на этом лифте на один этаж. Больше никого?

— Никого, — Лок повернулся к экипажу. — Пока.

Катин последовал за ним.

Рядом со спиральным лифтом, на постаменте из мраморных блоков, высилась голова дракона. Катин задрал голову, разглядывая гребни вокруг каменной пасти.

— Мой отец подарил ее музею, — сказал, Лок, когда они вошли в лифт.

— Да?

— Она с Новой Бразилии, — они начали подъем вокруг центрального столба, и оскал пасти исчез за поворотом. — Когда я был ребенком, я играл внутри ее сородичей.

Внизу толпились туристы, казавшиеся отсюда крохотными. Золотая кровля накрыла их.

Они вышли из лифта.

Картины, развешанные на галерее тут и там, освещались особым образом. Многолинзовая лампа бросала на каждую висящую здесь раму свет — согласно предположениям нескольких ученых Алкэйна — наиболее близкий к тому, под которым была написана каждая картина: искусственный или естественный, свет красного солнца или белого солнца, желтого или голубого.

— Она будет здесь только через несколько минут, — сказал капитан. — Она только что вышла.

Катин прочитал название выставки: «Лица моего народа».

Вверху находился экран объявлений, меньший, чем в вестибюле. Сейчас на нем светилась надпись, сообщавшая, что все представленные здесь картины и фотографии созданы за последние триста лет и показывают мужчин и женщин разных миров за работой или развлечениями. Взглянув на перечень авторов. Катин вынужден был признать, что ему известны лишь два имени.

— Я позвал тебя с собой, потому что мне надо поговорить с кем-нибудь, кто сможет понять суть сказанного. Удивленный Катин поднял голову.

— Мое солнце — моя Нова. В мыслях я почти привык к ее сиянию. Я стал человеком, освещенным ее лучами. Всю мою жизнь окружающие

меня люди делали то, что я хочу. Если же нет...

— Вы заставляли их?

Лок сузил желтые глаза.

— Если же нет, я искал то, что они могут делать, и использовал их для этого. И всегда находился кто-то еще, кто мог выполнить нужную мне работу. Я хочу поговорить с человеком, который может понять. Но разговор не выражает того, что я хочу сказать. Хотел бы я сделать что-нибудь, чтобы показать, что все это значит!

— Я... Я не понимаю.

— Поймешь.

«Портрет женщины» (Беллатрикс IV): одежда двадцатилетней давности. Она сидит у окна, улыбаясь, в золотом свете солнца, оставшегося за рамой картины.

«С Аштоном Кларком» (не указано): старик. Его рабочий комбинезон вышел из моды лет двести назад. Он собирается отключаться от какой-то машины, настолько огромной, что нельзя понять, что это такое.

— Удивительно, Катин. Моя семья — по крайней мере, со стороны отца, происходит из Плеяд. Однако я с детства разговаривал у себя дома как выходец из созвездия Дракона. Мой отец принадлежит к тому обособленному кругу старой

гвардии граждан Плеяд, которые позаимствовали множество идей у своих предков с Земли и из созвездия Дракона, только это была Земля, которая умерла через пятнадцать лет после того, как старейший из этих художников взял в руки кисть. Когда я обзаведусь семьей, мои дети тоже будут так говорить. Не кажется ли тебе странным, что ты и я, похоже, ближе, чем я и, скажем, Тай и Себастьян?

— Я с Луны, — напомнил Катин. — Я знаю Землю только по визитам на нее. Это не мой мир.

Лок не обратил на его слова внимания.

— Но в некоторых отношениях Тай, Себастьян и я очень похожи. В эмоциональном смысле мы ближе друг другу.

И снова Катину понадобилась целая секунда (довольно неприятная секунда), чтобы вспомнить, что означает выражение боли на рассеченном лице Лока.

— Некоторые ваши реакции на возникающие ситуации будут понятны кому-то другому, а не тебе. Да, я знаю, что так дальше не пойдет, — он замолчал. — Ты не землянин, Катин. Но Мышонок — с Земли. И Принс. Один — беспризорник, другой... Принс Ред. Существует ли какая-нибудь связь между ними, как между мной и Себастья-

ном? Цыган просто очаровывает меня. Я не понимаю его. Но только в том, в чем, как мне кажется, я понимаю тебя. Принса я тоже не понимаю.

«Портрет нетрайдера». Катин посмотрел на дату: задумчивый нетрайдер просеивал туман сквозь свою сеть двести лет назад.

«Портрет юноши». Современника, конечно. Он стоял на опушке рощи...

— В середине двадцатого века, в 1950 году, если быть точным, — Катин снова взглянул на капитана, — на Земле была маленькая страна, называемая Великобританией, в которой существовало пятьдесят семь довольно сильно разнящихся друг от друга диалектов английского языка. Была также большая страна, называемая Соединенными Штатами, с населением в четыре раза большим, раскинувшаяся на в шесть раз большей территории. Там тоже существовали диалекты, но только две крошечные группы, насчитывающие менее двадцати тысяч человек, употребляли язык, который мог быть непонятен человеку, владеющему только литературным английским. Я привел этот пример, чтобы пояснить свою точку зрения: обе страны говорили на одном и том же языке.

— Что же у тебя за точка зрения?

— Соединенные Штаты были продуктом коммуникационного взрыва, развития способов передвижения, перемещения людей, информационной революции, развития радио и телевидения, что стандартизировало речь и образ мышления — не сами мысли, а способы их выражения, так что персона А может понять персону В, но также и персон Х и У. Люди, информация и мысли пересекают сейчас Галактику быстрее, чем Соединенные Штаты в 1950 году. Возможность взаимопонимания резко возросла. Наши родные миры разделяет треть Галактики. За исключением случайных воскресных визитов в Университет созвездия Дракона во время моей учебы сейчас я впервые покинул пределы Солнечной системы. Однако вы и я по способности к обмену информацией гораздо ближе врут к другу, чем уроженцы Уэльса и Корнуэлла тысячу лет назад. Помните об этом, когда размышляете о Мышонке или о Принсе Реде. Хотя Великая Змея свернулась вокруг колонны, символизирующей всего сотню миров, жители Плеяд и Окраинных Колоний признают ее. Мебель Республики Вега то и дело напоминает то же самое о своих хозяевах. Аштон Кларк значит одинаково много как

для вас, так и для меня. Морган убил Андервуда, и это частично сделало наши познания... — он остановился, потому что Лок нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что Андервуд убил Моргана?

— О, конечно же... Я имел в виду... — краска смущения проступила на его щеках. — Да... Но я не хотел... Между картинами показалась женщина в белом. Ее серебряные волосы были уложены в высокую прическу.

Она была высокой.

Она была старой.

— Лок! — она протянула навстречу ему руки. — Банни сказала, что ты здесь. Я думаю, нам следует подняться в мой офис.

«Конечно, — подумал Катин. — Все ее портреты, которые я видел, были сделаны пятнадцать-двадцать лет назад».

— Спасибо, Циана. Мы и сами могли бы подняться. Я не хочу отвлекать тебя, если ты занята. Это не займет много времени.

— Ничего, пойдемте. Я оценивала сейчас полтонны не представляющей большого интереса скульптуры Веги.

— Периода Республики? — спросил Катин.

— Увы, нет. Тогда мы могли бы сбагрить ее с рук.

Но она слишком стара, чтобы чего-нибудь стоить. Идемте, — она уже двинулась мимо развешанных холстов, когда взгляд ее упал на широкий металлический браслет, закрывающий разъем на ее запястье. На нем мигал один из миниатюрных экранчиков.

— Простите, юноша, — повернулась она к Катину. — У вас с собой диктофон иди что-то подобное?

— Д-да.

— Я должна попросить вас не использовать его здесь.

— О, я не хотел... — Довольно часто я сталкиваюсь с вопросом обеспечения секретности, — она положила свою морщинистую руку на его. — Вы понимаете? Автоматически нарастающее поле стирает все записи с подобного рода аппаратов.

— Катин из моего экипажа, Циана. Но этот экипаж резко отличается от того, что был в прошлый раз. Секретов больше нет.

— Я так и поняла, — она убрала руку, помолчала, потом заговорила снова. — Когда я пришла сегодня утром в музей, тебе поступило послание от Принса.

— Он на Ворписе?

— Понятия не имею, — дверь разошлась и про-

пустила их внутрь. — Но он знает, что ты здесь. Разве это важно?

— Мы совершили посадку каких-нибудь полтора часа назад. И улетаем вечером.

— Послание пришло час и двадцать пять минут назад. Оригинал был довольно сильно искажен, поэтому операторы откорректировали его не без труда. Они в курсе содержания, и вся трудность теперь...

— Не беспокойся, — Лок повернулся к Катину. — Что же он скажет теперь?

— Мы все это скоро узнаем, — ответила Циана. — Ты сказал, что нет никаких секретов. Но я бы все-таки предпочла разговаривать у себя в офисе.

Эта галерея была вся забита: то ли запасник, то ли еще не разобранные материалы выставки. Катин уже собирался спросить, но Лок опередил его.

— Циана, что это за хлам?

— По-моему, — она взглянула, на дату в золотой окантовке на старинном деревянном ящике. — «1923 год. Эол Корпорейшн». Да, это коллекция музыкальных инструментов двадцатого века. Это — Онде Мартино, названный по имени изобретателя, французского композитора, жившего в 1942

году. Здесь у нас, — она наклонилась, разглядывая табличку, — механический пианист, играющий в две руки, сделанный в 1931 году. А это «Виолано Виртуозо Милла», построенное в 1916 году.

Катин разглядывал внутренности виолано сквозь стеклянную дверцу в передней части.

— Что они делали?

— Стояли в барах, в парках, где не было оркестров. Люди опускали монету в прорезь, и автоматически, начинала играть установленная вот здесь скрипка в сопровождении фортепиано. Программа задавалась перфолентой, — она провела серебряным ногтем по перечню. — «Шар Страттера»... — ноготь двигался вдоль кучи терменвоксов, банджо и шарманок. — Некоторые из новых академиков потребовали объяснений по поводу увлеченности Института двадцатым столетием. Примерно каждая четвертая из наших галерей посвящена этому времени, — она скрестила руки на парче платья. — Возможно, их обидело то, что оно традиционно интересует ученых вот уже восемьсот лет. Они отказываются видеть очевидное. В начале этого удивительного столетия человечество имело множество обществ, живших в одном мире. К концу же оно стало практически тем, что мы есть сейчас — ин-

формационно единым обществом, заселившим разные миры. С тех пор количество миров возросло, информационное единство неоднократно меняло природу общества и привело к нескольким грандиозным катастрофам, но все-таки наше общество существует. С тех пор, как мы это поняли, двадцатый век является фокусом научного интереса: это было столетие, в котором происходило наше становление.

— Я не испытываю влечения к прошлому, — объяснил Лок. — Я не располагаю временем для этого.

— Оно интересует меня, — вмешался Катин. — Я хочу написать книгу. Возможно, она будет иметь к этому отношение.

Циана взглянула на него.

— Вот как? И что же это за книга?

— Роман.

— Роман? — Они проходили мимо серого экрана объявлений. — Вы хотите написать роман? Это просто прелестно. Несколько лет назад у меня был мой старый друг, который хотел попытаться написать роман. Он закончил только первую главу. Но он говорил, что это осветило ему многочисленные стороны человеческой жизни и помогло проникнуть в суть происходящих

событии.

— Я уже работаю над ним некоторое время, — признался Катин.

— Восхитительно! Возможно, если вы закончите, вы позволите Институту сделать под гипнозом психограмму процесса творения? У нас есть работоспособный печатный станок двадцать второго века. Возможно, мы напечатаем несколько миллионов экземпляров и разошлем их в сопровождении документальных психограмм в библиотеки и учебные заведения. Я уверена, что мне удастся привлечь некоторый интерес к этой идее среди правления.

— Я еще не думал о том, чтобы сдать его в печать. — Они подходили к следующей галерее.

— Вы можете сделать это только через Институт Алкэйна. Крепко это запомните.

— Я... я запомню.

— Когда эту свалку разберут, Циана?

— Милый мой племянник, мы имеем материала гораздо больше, чем можем выставить. Его надо где-то разместить. В нашем музее двенадцать тысяч публичных и семьсот частных галерей. А также три тысячи пятьсот хранилищ. Я поверхностно знакома с содержимым большинства из них. Но не всех.

Они шли под высокими ребрами. Позвоночник изгибался где-то под крышей. Холодные лампы под потолком отбрасывали на бронзовый пьедестал тени от зубов и глазных впадин черепа размером со слона.

— Это похоже на сравнительную остеологическую выставку рептилий с Земля. И... — Катин вгляделся в зияющую пещеру. — Не могу сказать, откуда эта штука.

Лезвия лопаток, тазовые кости, изгиб ключиц.

— Далеко еще до твоего офиса?

— Аэролату — около восьмисот ярдов. Мы поднимемся на лифте.

Они прошли сквозь аркаду в шахту лифта. Спиральный подъемник вознес их на несколько десятков этажей.

Коридор из меди и плюща.

Еще один коридор, со стеклянными стенами.

Катин раскрыл рот от изумления: Феникс был виден отсюда целиком, от центральных башен до покрытой туманом пристани. Хотя Институт Алкэйна был и не самым высоким небоскребом Галактики, в Фениксе выше зданий не было.

Пандус поворачивал к центру здания. На облицованной мрамором стене висела серия из шестнадцати холстов Дехея: «Под Сириусом».

— Это не?..

— Это молекулярные копии Нильса Сельвина, сделанные в двадцать восьмом веке на Веге. Довольно долгое время они были даже более знамениты, чем оригиналы, которые демонстрируются внизу. Но так много событий связано с этими копиями, что Банни решила повесить их здесь... Вот мы и пришли.

Дверь открылась в темноту.

— Теперь, дорогой племянник, — лишь только они вступили в комнату, три луча упали на них откуда-то сверху, осветив черный ковер, — не будешь ли ты так добр объяснить мне, зачем ты вернулся сюда? И что у тебя за дела с Принсом? — она повернулась к Локу.

— Циана, мне нужна еще одна Нова.

— Нужна что?

— Ты знаешь, что первая экспедиция не была доведена до конца. Я собираюсь попытаться еще резок. Специальный корабль для этого не нужен. Мы поняли это сразу же. У меня новый экипаж и новая тактика, — пятна света двигались по ковру следом за ними.

— Но, Лок...

— Раньше все было тщательно спланировано, смазано, увязано и поддерживалось нашей об-

шей слаженностью. Теперь же мы — разнородное сборище корабельных крыс, между которыми затесался Мышонок. Единственное, что нас поддерживает — это моя ненависть. От нее страшно трудно избавиться, Циана.

— Лок, ты просто не сможешь повторить такой...

— Капитан тоже другой, Циана. «Рухом» раньше управлял получеловек, знакомый только с победами. Теперь я стал настоящим человеком. Мне знакомо и поражение...

— Но чего ты хочешь?

— Была еще одна звезда, которую изучал Институт, близкая к стадии Навой. Я хочу знать название и сроки.

— Вот что тебе надо! А как насчет Принса? Он знает, зачем ты ищешь Нову?

— Меня это не волнует. Назови мою звезду, Циана.

Она коснулась серебряного браслета.

Из пола появился пульт с креслом. Она седа и посмотрела на индикаторы.

— Я не знаю, правильно ли я поступаю, Лок. Если бы решение не в такой большой степени влияло на мою жизнь, мне было бы легче... Аарон очень нужен мне для сохранения моего положе-

ния в Институте, — она снова коснулась браслета, и вокруг них появились звезды. — До сих пор меня так же хорошо принимали в доме Аарона Реда, как и в доме моего брата. Ты поставил меня в трудное положение: необходимо принять решение, которое положит конец моей безбедной жизни.

Катин вдруг осознал размеры комнаты. Футах в шестистах пятидесяти от них покачивалось, медленно вращаясь, голографическое изображение Галактики.

— Сейчас у нас работают несколько исследовательских экспедиций. Нова, которую ты упустил, была здесь, — она нажала кнопку, и одна звезда среди миллиардов других вспыхнула так ярко, что Катин зажмурил глаза. Она погасла, и опять купол астрариума стал полон света звезд. — Сейчас одна из экспедиций изучает развитие... — она умолкла, и потянулась к маленькому ящику. — Лок, я действительно беспокоюсь насчет всех этих дел...

— Продолжай, Циана. Мне нужно название звезды. Мне нужна лента с ее координатами. Мне нужно мое солнце!

— Я сделаю для тебя все, что смогу. Но ты должен простить старую женщину, — она достала

из ящика (Катин издал тихий возглас удивления и тут же проглотил его) колоду карт. — Я хочу посмотреть, какие указания даст Тарот.

— Мы уже гадали на картах насчет моего предприятия. Если они скажут мне полные координаты — отлично. В противном случае у меня просто нет на них времени.

— Твоя мать родилась на Земле и почти переняла смутное недоверие землян к мистицизму, хотя сама умом и признавала его силу. Надеюсь, что ты пошел в отца.

— Циана, мне уже гадали на картах. Еще одно гадание не скажет ничего нового.

Она разбросала карты рубашками вверх.

— Возможно, оно скажет что-нибудь мне. Кроме того, я не хочу гадать полностью. Просто выбери одну.

Катин смотрел, как капитан вытаскивает карту, и думал, что они вряд ли подготовили Циану к тому кровавому полудню на Кронаки Плаза четверть века назад.

Колода карт не была того обычного трехмерного типа как у Тай. Карты были желтыми. Фигуры — нарисованными. Их было легко датировать семнадцатым веком.

На карте Лока болтался на дереве обнаженный

труп, подвешенный за ноги.

— Висельник, — она собрала остальные карты. — Висельник перевернутый. Ну, не могу сказать, чтобы меня это удивило.

— Висельник означает, что наступит мудрость духа, ведь так, Циана?

— Перевернутый, — напомнила она. — Значит, за это придется дорого заплатить, — она смешала карту с остальными и убрала колоду обратно в ящичек. — Это координаты твоей звезды, — она нажала еще одну кнопку.

Рулон бумаги упал на ее ладонь. Маленький металлический секатор обрезал ленту. Она подняла кусок ленты к свету.

— Здесь все координаты. Мы держим эту звезду под наблюдением два года. Тебе везет. Вспышка ожидается через десять-пятнадцать дней.

— Прекрасно, — Лок взял ленту. — Идем, Катин.

— А как насчет послания Принса, капитан?

Циана поднялась со скамьи.

— Ты не хочешь посмотреть послание?

Лок помедлил.

— Хорошо. Проиграй его.

Циана отвернулась к экрану.

— Вот оно, — она нажала кнопку.

На той стороне комнаты Принс повернулся к ним лицом.

— Чем это, черт побери, — рука в черной перчатке смахнула со стола хрустальный кубок и чеканное блюдо, — ты занят, Лок? — рука вернулась на место. Нож и резная деревянная фигурка полетели на пол. — Циана, ты ему помогаешь, не так ли? Ты сука и предательница! Я зол! Я в ярости!!! Я — Принс Ред! Я — Дракон! Я — потревоженная Змея! Я задушу тебя! — крышка массивного стола крошилась в его черных пальцах.

Катин сглотнул.

— Я могу делать все, что я захочу! А ты пытаешься помешать этому! — Принс навалился на стол.

Катин посмотрел на Лока и Циану.

Ее руки, бледные, с проступающими венами, мяли парчу.

Руки Лока, тяжелые и узловатые, лежали на пульте. Пальцы его сжимали тумблер.

— Ты вывел меня из себя! Я могу быть очень злым, иногда просто из-за каприза. Ты помнишь тот прием, где я был вынужден разбить тебе голову, чтобы научить хорошим манерам? Твое существование — оскорбление для меня! Лок фон Рей! Я собираюсь посвятить свою жизнь тому,

чтобы смыть это оскорбление!

Циана Морган, неожиданно взглянув на племянника, заметила его пальцы на тумблере.

— Лок, что ты делаешь?

Она схватила его запястье, но он свободной рукой отбросил ее руку.

— Я узнал о тебе очень много со времени первого послания, — сказал Принс из-за стола.

— Лок, убери руку с переключателя, — потребовала Циана, — Лок! — досада прервала ее голос.

— Когда я говорил с тобой в последний раз, я сказал, что собираюсь остановить тебя. Теперь я говорю, что если мне понадобится убить тебя, чтобы, остановить, я это сделаю. Когда я буду говорить с тобой в следующий раз... — рука в перчатке застыла, пальцы задрожали.

Экран погас, и Циана рванула Лока за руку. Тумблер громко щелкнул.

— Зачем ты это сделал?

Лок, окруженный вращающимися звездами, рассмеялся.

Циана рассерженно обрушилась на него:

— Ты прокрутил послание Принса через систему всеобщего оповещения! Этот поносящий меня сумасшедший был виден на всех экранах Института! — она раздраженно ударила по сенсорной

пластине браслета.

Огни погасли. Аппаратура и скамейка ушли в пол.

— Спасибо, Циана. Я получил то, за чем пришел.

Охрана музея ворвалась в офис.

— О, святые небеса! Банни, это была простая случайность!

— Случайность? Это был Принс Ред, не так ли?

— Конечно, он. Понимаешь, Банни...

Лок взял Катина за плечо.

— Идем.

Они оставили Циану объясняться с Банни и охраной.

— Почему? — рискнул спросить Катин из-за плеча капитана.

Лок остановился.

— Я говорил тебе, что не могу объяснить то, что меня мучает. Это, возможно, кое-что тебе объяснило. Теперь надо собирать остальных.

— Как мы их отыщем? Они же до сих пор бродят по музею.

— А ты как думаешь? — Лок двинулся дальше. Нижние галереи были сплошным хаосом.

— Капитан... — Катин попробовал представить себе чувства людей, оказавшихся лицом к лицу с

неистовствующим Принсом Редом. Он вспомнил свои впечатления, когда увидел его в первый раз на «Рухе».

Гости толпились на ониксовом полу Салона Фицджеральда. Сверкающие изображения гениев двадцатого века бросали отблески на глянцевые наклонные стены. Дети жались к родителям. Студенты взволнованно переговаривались между собой. Лок быстро шел между ними. Катин старался держаться к нему поближе.

Что-то черное захлопало крыльями над толпой, метнулось назад.

— Остальные должны быть с ним! — крикнул Катин, показывая на Себастьяна.

Он побежал, огибая каменные челюсти. Лок устремился за ним.

— Капитан, мы только что видели...

— ...Принса Реда, как тогда, на корабле...

— ...на экране оповещения. Это было...

— ...по всему музею. Мы вернулись...

— ...сюда, чтобы не пропустить вас...

— ...когда вы пойдете обратно. Капитан, что...

— Идемте, — Лок остановил близнецов, положив им руки на плечи. — Себастьян! Тай! Нам надо вернуться на пристань и найти Мышонка.

— И отправиться к вашей Нове!

— Пойдемте сперва на пристань. А потом все вместе решим, куда двинуться дальше.

Они стали протискиваться сквозь толпу.

— Я полагаю, нам надо поторопиться, пока Принс еще не добрался сюда, — сказал Катин.

— Почему? — спросил Лок.

Катин попытался понять выражение его лица, но это было невозможно.

— Я должен дождаться третьего послания. Я хочу получить его.

Они вышли в сад.

* * *

— Благодарю, док, — сказал Алекс. Он попробовал, как действует рука, сжал кулак, согнул в локте, помахал ей. — Эй, парень! — он повернулся к Мышонку. — Знаешь, ты действительно умеешь играть на сиринксе. Извини за то, что доктор пришел как раз в середине. Но все равно, спасибо, — он усмехнулся, потом посмотрел на стенные часы. — Думаю, я смогу теперь вылететь, Малакас! — он уверенно пошел вниз, пробираясь меж звенящих завес.

Лео с грустью спросил:

— Теперь ты его в футляр уберешь?

Мышонок подтянул футляр за ремень и пожал

плечами.

— Может быть, я еще поиграю попозже, — он просунул руку за ремень. — Что случилось, Лео?

Рыбак ухватился за кольца свисающей сети.

— Из-за тебя сейчас я грусть чувствую, парень. Потому что столько времени прошло, что ты не мальчик больше, — улыбка тронула его губы. — Я не очень-то счастлив здесь. Может быть, снова время странствий пришло? Да, — он кивнул. — Да!

— Ты так думаешь? Почему сейчас?

Лео сжал губы.

— Когда я старое вижу, я понимаю, как много нового мне надо. Кроме того, когда я долго на одном месте живу, то много думать начинаю.

— И куда ты собрался?

— В Плеяды я отправляюсь.

— Но ты же сам из Плеяд, Лео. Я думал, ты скажешь, что хочешь посмотреть какое-то новое место.

— В Плеядах сотни миров. Я, может быть, на дюжине рыбачил. Я чего-то нового хочу, да. Но, все-таки, после этих двадцати пяти лет — домой.

— Я тоже хочу нового, Лео. Но я не хочу домой... если только он у меня есть.

— Однажды, как я Плеяды, ты Землю или со-

звездие Дракона увидеть захочешь.

— Может быть, — Мышонок поправил ремень на плече, — Через двадцать пять лет — почему бы и нет?

— Мышонок!

И снова:

— Мышонок!

— Мышонок, ты здесь?

— Эй! — Мышонок поднялся и сложил ладони рупором: — Катин!

Катин пробирался между сетями.

— Удивительно, удивительно. Я не думал, что найду тебя. Я шел от пристани, расспрашивая встречных, не видел ли кто тебя. Какой-то парень сказал, что ты здесь.

— Капитан закончил свои дела в Алкэйне? Он получил то, чего хотел?

— И еще кое-что. Послание от Принса Реда, ожидавшее его в Институте. И он проиграл его через систему всеобщего оповещения, — Катин присвистнул. — Грандиозно!

— Он получил свою Нову?

— Да. Только он ждет чего-то. Не пойму, чего.

— Так значит, мы отправляемся?

— Нет. Сначала он собирается в Плеяды. У нас будет пара свободных недель. Но не спрашивай,

что он там собирается делать.

— Плеяды? — спросил Мышонок. — Это то место, где вспыхнет Нова?

Катин поднял руки вверх.

— Не думаю. Может быть, он считает, что будет безопасней переждать дома.

— Минутку, — Мышонок повернулся к Лео. — Лео, может быть, капитан подбросит тебя до Плеяд?

— А? — Лео поднял голову.

— Катин, как по-твоему, капитан фон Рей не разрешит Лео добраться до Плеяд на своем корабле?

Катин постарался изобразить на лице задумчивость. Выражение получилось довольно сложным и бессмысленным.

— Лео — мой старый друг. Еще по Земле. Он научил меня играть на сиринксе, когда я был ребенком.

— У капитана много своих проблем...

— Да, но его не будет заботить, если...

— Много лучше, чем я, он сейчас играет, — перебил Лео.

— Уверен, что капитан разрешит, если я попрошу его.

— Я не хочу доставлять твоему капитану ника-

ких хлопот.

— Мы можем спросить его, — Мышонок передвинул футляр за спину. — Идем, Лео. Где капитан, Катин?

Катин и Лео обменялись взглядами, какими незнакомые люди обмениваются при виде энтузиазма молодежи.

— Ну? Пойдем!

Лео поднялся и пошел за Мышонком и Катином к двери.

* * *

Семьсот лет назад первые колонисты Ворписа высекли Эскларос дес Нуачес в склоне горы, на которой стоял Феникс. Между причалами для мелких краулеров и пристанями, где швартовались, корабли нетрайдеров, спускались в белый туман ступени. Они были истерты многочисленными ногами и местами искрошились.

В Фениксе была обычная полуденная сиеста, и Лок, увидев, что лестница пустынна, стал спускаться между поблескивающими кварцем стенами. Туман скрывал нижние ступени. Белые волны, одна за другой, накатывались из-за горизонта, голубые и золотистые в переливах солнечного света.

Лок оглянулся.

— Капитан, можно вас на минутку, — Мышонок боком спускался по ступеням. Сиринкс колотился о его бедро. — Катин сказал мне, что вы собираетесь отсюда на Плеяды. Я только что наткнулся на человека, с которым был знаком на Земле, моего старого друга. Он учил меня играть на сиринксе, — он тряхнул футляр. — Я подумал, что раз мы летим в этом направлении, может быть, мы захватим его домой. Он действительно был моим хорошим...

— Хорошо.

Мышонок вскинул голову.

— А?

— До Плеяд всего пять часов лета. Если он будет на корабле к моменту старта и посидит в твоей каюте, то я не буду возражать.

Мышонок еще больше откинул голову и почесал в затылке.

— О? Отлично! Превосходно! — Он рассмеялся. — Спасибо, капитан! — Он повернулся и побежал вверх по лестнице. — Эй, Лео! Катин! Капитан говорит, что все в порядке! — Он обернулся. — Еще раз спасибо!

Лок спустился еще на несколько ступенек. Остановился и сел, прислонившись к шершавой

стене.

Он считал волны.

Когда он увидел сеть, руки его замерли на коленях.

Кольца позванивали о нижние ступени. Райдер поднялся по пояс в белой круговерти. Туманные поплавки поддерживали сеть. Кварц отражал голубые искры.

Лок, привалившийся к стене, поднял голову.

Нетрайдер поднимался по ступеням, паутина металла колыхалась вокруг него. Не доходя ступенек шесть, он остановился и снял маску.

— Лок?

Его руки разжались.

— Как ты нашла меня, Руби? Я знал, что ты смогла бы это сделать. Но как?

Она тяжело дышала, непривычная к повышенной гравитации. Шнуры на ее высокой груди натягивались и обвисали, и снова натягивались.

— Когда Принс обнаружил, что ты покинул Тритон, он разослал свои письма в шесть дюжин разных мест, куда ты мог направиться. Алкэйн был одним из них. Мне он предоставил следить за сообщениями о том, где ты появишься. Я была на Мире Коуба. Поэтому, когда ты проиграл ленту в Институте Алкэйна, я бросилась сюда, — сеть

сгрудилась на ступеньках. — Раз я обнаружила, что ты на Ворписе, в Фениксе... Правда, это стоило большой работы. Поверь, мне не хотелось бы проделывать ее еще раз, — она оперлась рукой о стену. Сеть зашуршала.

— У меня есть шансы в этой игре, Руби. Я попробовал однажды просчитать на компьютере все возможные варианты, — он покачал головой. — Теперь я использую только руки, глаза и уши. И так далеко я еще не заходил. Но так я продвигаюсь гораздо быстрее. Я всегда любил скорость. Это, наверное, единственное, что делает меня таким же, каким я был во время нашей первой встречи.

— Принс сказал мне однажды нечто очень, похожее, — она подняла голову. — Твое лицо... — по ее чертам пробежала гримаса боли. Она стояла к нему достаточно близко, чтобы коснуться шрама. Ее рука дрогнула, затем упала. — Почему ты до сих пор?.. — она не закончила.

— Он полезен. Он заставляет каждое гладкое лицо во всех этих новых и смелых мирах служить мне.

— Что же это за служба?

— Он напоминает мне, зачем я здесь.

— Лок, — раздражение в ее голосе стало отчетливей. — Что ты делаешь? Чего ты или твоя семья

думаете добиться?

— Надеюсь, что ни ты, не Принс до сих пор не знаете этого. Я не стараюсь все держать в тайне. Но я отсылаю свой ответ несколько архаичным способом. Как ты думаешь, сколько времени понадобится слухам, чтобы преодолеть расстояние между мной и тобой? — Он снова прислонился к стене. — По крайней мере, тысяча человек знает о том, что намерен предпринять Принс. Я проиграл утром его послание. Никаких секретов. Руби. Существует много мест, чтобы спрятаться, и только одно, где я могу подняться в свете солнца.

— Мы знаем — ты пытаешься сделать нечто, что погубит Редов. Это единственное, чему ты можешь уделять столько времени и усилий!

— Хотел бы я сказать, что ты ошибаешься, — он переплел пальцы. — Но вы пока не знаете, чего я хочу.

— Мы знаем, что это должно быть связано со звездой.

Лок кивнул.

— Лок, мне хочется закричать на тебя! Кто ты, по-твоему, такой?

— Кто я такой, чтобы бросать вызов Принсу и прекрасной Руби Ред? Ты прекрасна. Рубя, и я чувствовал себя очень одиноко перед твоей кра-

сотой, пока не начал ее понимать. Ты и я, Руби, миры, я которых мы родились, не приспособлены для того, чтобы что-то значить для нас. Если я останусь жив, то будет жить мир, сотня миров, образ жизни. Если Принс... — он пожал плечами. — Все же это, наверное, игра. Нам твердят, что мы живем в обществе без цели, что наша жизнь лишена стержня. Миры шатаются вокруг нас, но, тем не менее, я хочу играть. Единственное, к чему я подготовлен, — это игра, игра всерьез, полностью выкладываясь, и с шиком.

— Ты для меня загадка, Лок. Принс так легко предсказуем... — она подняла брови. — Это удивляет тебя? Принс и я выросли вместе. Но ты сталкиваешь меня с неизвестным. На том приеме, давным-давно, когда ты захотел меня, было ли это тоже некоторого рода игрой?

— Нет... Да... Я думаю, что не соблюдал правил.

— А теперь?

— Я знаю, что единственно правильный путь — мой собственный. Руби, я хочу того, чем обладает Принс... Нет! Я хочу вырвать то, чем обладает Принс! Когда у меня это будет, я могу повернуться и выбросить это за ненадобностью. Но я хочу это получить. Мы схватились, и в результате — на скольких мирах и жизнях это отражается! Да, все

это я знаю. Ты тогда сказала: мы особенные люди, потому что у нас в руках сила. Если бы я попытался жить по этому принципу, я бы застрял на месте. Вот я — в данный момент, в данном месте, в данной ситуации со всем тем, что я делаю. Все, что я усвоил. Руби, — это правила игры. Что я ни делаю — я, человек, каким я являюсь и каким меня вынуждают быть — я должен делать ради одного: ради победы. Помни об этом. Ты опять проявила ко мне благосклонность. Я отвечаю тем же, предупреждая тебя. Вот почему я ждал здесь.

— Что же ты задумал сделать, если ты вынужден произносить такое напыщенное извинение?

— Я еще не знаю, — засмеялся Лок. — Оно звучит довольно странно, это так. Но оно искрение.

Она глубоко вдохнула воздух. Высокий лоб покрылся морщинками, ветер разбросал ее волосы по плечам. Глаза ее были в тени.

— Полагаю, что я также должна предупредить тебя.

Он кивнул.

— Считай, что это уже сделано, — она отодвинулась от стены.

— Я так и считаю, — ответил Лок.

— Хорошо, — ока завела руку за спину и взметнула ее вверх. Триста квадратных футов цепей

мелькнули над ее головой и с грохотом обрушились на Лока.

Кольца упали на его воздетые руки, покрывая их ссадинами. Он закачался под их весом.

— Руби!..

Она взметнула другую руку. Упал еще один слой. Она откинулась назад, и сеть потянулась за ней, ударив его по ногам так, что он покачнулся.

— Не надо! Дай мне!..

Сквозь движущиеся кольца он увидал, что она снова в маске. Напряжение было в ее узких плечах и внезапно обозначившихся маленьких мускулах. Она наклонилась, комбинезон на животе сморщился. Адаптерные кольца увеличивали силу ее рук раз в пятьсот. Лока поволокло вниз по ступеням. Он упал, цепляясь за стену. Руки и колени его были совраны о металл и камень.

То, что кольца помогали выиграть в силе, проигрывалось в точности движений. По сети прокатывалась дрожь, и все же Лок смог, вынырнуть и взобраться по лестнице на две ступени выше. Но Руби резко дернула ногой назад, его проволокло на четыре ступеньки вниз. Лежа на спине, он изо всех сил сопротивлялся объятиям сети. Руби еще проволокла его вниз. Туман доходил ей почти до колен. Она отступила дальше и

наклонилась так, что ее черная маска оказалась у самой поверхности.

Лок бросился вверх, воспользовавшись передышкой, но сеть опять сбросила его. Лежа на боку, он вцепился в кольца и резко рванул. Руби покачнулась, но он почувствовал, как острый край сети разодрал ему плечо.

Лок снова попытался поднырнуть под сеть, под свалившуюся на него тяжесть. И услышал вскрик Руби.

Он отшвырнул кольца с лица и открыл глаза. Сверху что-то... Оно неслось между стенами, черное и грозное.

Руби взмахнула рукой, чтобы отогнать его. И часть сетей соскользнула с Лока. Существо взмыло, уклоняясь от колец.

Пятьдесят фунтов металла упали в туман. Руби покачнулась, оступившись.

Лок сполз на несколько ступенек. Туман закрыл его бедра. Соединения мышьяка налили голову свинцом. Он закашлялся и ухватился за скалу.

Черный призрак парил теперь над ним. Тяжесть в голове на минуту пропала, и Лок пополз по камням вверх. Глотая свежий воздух, задыхаясь и борясь с головокружением, он оглянулся назад.

Сеть парила над ним, сражаясь с крылатым зверем. Лок подтянулся до следующей ступеньки. Кольца тяжело упали на ногу, соскользнули с нее, проволоклись по ступеням и исчезли.

Лок сел и заставил себя посмотреть на полет зверя над скалами. Тот приблизился к лестнице, сделал два круга и спустился на плечо Себастьяна. Тот, сидя на корточках, глядел вниз.

Лок, пошатнувшись, встал на ноги, с силой зажмурил глаза и помотал головой, потом двинулся вверх по Эскларос дес Нуачес.

Себастьян закрепил стальное кольцо на лапе своего питомца. Лок поднялся на верхнюю ступеньку.

— Спасибо, — Лок глубоко вздохнул и уронил руку на плечо Себастьяна. — Спасибо!

Они посмотрели на туман, который не тревожил сейчас ни один нетрайдер.

— Вы в опасности?

— Да.

Тай, подбежавшая со стороны пристани, остановилась за спиной Себастьяна.

— Что случилось? — Ее глаза, поблескивая, перебегали с одного на другого. — Черный друг, я видела, выпущен был!

— Он молодчина, — ответил ей Лок. — Все в

порядке. Сейчас у меня столкновение с королевой мечей было. Но ваш зверюга меня спас.

Себастьян взял руку Тай. Пальцы ее ощутили знакомое прикосновение, и она успокоилась.

Себастьян спросил:

— Время идти сейчас?

И Тай:

— Ваше солнце находить?

— Нет. Ваше.

Себастьян непонимающе взглянул на него.

— К Дим, Умершей Сестре, мы сейчас отправляемся, — объяснил Лок.

Через пристань шли близнецы. Можно было заметить удивление на лице Линчеса. Но только не у Айдаса.

— Но?.. — начал Себастьян. Ладонь Тай шевельнулась в его руке, и он замолчал.

Лок решил ответить на невысказанный вопрос.

— Собираем всех. Я то, чего хотел, получил. Да. Время сейчас идти.

* * *

Катин качнулся вперед и ухватился за кольца. Звон эхом отозвался в помещении, где нетрайдеры развешивали свои сети. Лео засмеялся.

— Эй, Мышонок, в последнем баре твой длинный друг слишком много выпил, я думаю.

Катин удержал равновесие.

— Я не пьян, — он поднял голову и оглядел металлическую занавесь. — Мне надо выпить в два раза больше, чтобы опьянеть.

— Забавно. А вот я пьян, — Мышонок раскрыл футляр. — Лео, ты хотел, чтобы я поиграл. Что ты хочешь увидеть?

— Что-нибудь, Мышонок. Что любишь, сыграй.

Катин снова встряхнул сеть.

— От звезды к звезде. Мышонок, представь себе — гигантская паутина раскинулась по всей обитаемой Галактике. Это зеркало, в котором отражается современная история. Понимаешь? Все так и есть. Это — моя теория. Каждый индивидуум — узелок сети, а волокна между узелками — это культурные, экономические и психологические связи, сближающие одного человека с другим. Каждое историческое событие, — он погремел кольцами, — словно колыхание сети. Оно движется через всю сеть, растягивая или сжимая культурные связи, объединяющие человечество. Если событие катастрофично, связи рвутся. В сети на время появляется дыра. Де Эйлинг и Альвин-34 не сходятся только в том, где начинается сотря-

сение и как быстро оно распространяется. Но в основном их точки зрения совпадают, понимаешь? Я хочу схватить такую волну, и поместить эту сеть в свою... в свой роман. Мышонок. Я хочу, чтобы он показал сеть целиком. Но я должен найти тот центральный сюжет, то великое событие, которое сотрясает историю и заставляет кольца сталкиваться и сверкать передо мной... А потом — Луна, Мышонок! Вернуться к, прекрасным скалам, совершенствовать свое искусство, созерцать передвижение колец и всей сети — вот чего я хочу. Мышонок. Но тогда я не найду сюжет!

Мышонок сидел на полу, шаря по днищу футляра в поисках пропавшей рукоятки управления.

— Почему ты не напишешь о себе?

— Прекрасная идея! Но кто бы стал читать такой роман? Ты?

Мышонок нашел рукоятку я приладил ее на место.

— Не думаю, чтобы я смог прочесть такую длинную вещь, как роман.

— Но если бы сюжет был, скажем, о столкновении между двумя могущественными семействами? Например, между Принсом и капитаном, то все равно ты не захотел бы прочитать?

— Сколько записей ты уже сделал для своей

книги? — Мышонок пустил по ангару пробный луч.

— Нет и десятой части того, что мне необходимо. Если она и обречена сразу же стать допотопной музейной реликвией, это будет искрящаяся драгоценными камнями, — он откинулся на сети, — искусная, — кольца загремели, голос его поднялся, — тщательная работа! Безупречная!

— Я родился, — сказал Мышонок. — Я должен умереть. Я страдаю. Помоги мне. Я бы тогда написал твою книгу вместо тебя.

Катин опустил глаза на свои длинные пальцы, слабые, но мужские. После недолгого молчания он сказал:

— Мышонок, иногда мне хочется плакать от твоих слов.

Запах тмина.

Запах миндаля.

Запах кардамона.

Падающие звуки слились в одну мелодию.

Обкусанные ногти, распухшие пальцы — ладони Катина подрагивали в такт осенним краскам. На цементном полу, в сети, танцевала его тень.

— Это да! — засмеялся Лео. — Ты умеешь играть. Мышонок! Умеешь!

Тень танцевала, пока ее не спугнули голоса.

— Эй, ребята, вы еще...
— ...здесь? Капитан сказал нам...
— ...найти вас. Время...
— ...отправляться. Идемте...
— ...пора в путь! Пора!

Глава 6

(Созвездие Дракона — Федерация Плеяд. Полет «Руха». 3172 год)

— Паж жезлов.

— Справедливость.

— Приговор. Моя взятка. Дама чаш.

— Туз ваш.

— Звезда. Моя взятка. Отшельник.

— К козырям легла! — засмеялся Лео. — Смерть.

— Дурак. Моя взятка.

— Рыцарь монет.

— Тройка монет.

— Король мечей. Моя взятка.

— Дьявол.

— Маг. Моя взятка.

Катин посмотрел на потемневший шахматный столик, где Себастьян, Тай и Лео после получаса воспоминаний играли в три руки в Тарот-вист.

Он не слишком хорошо знал эту игру, но они-то этого не знали, и он размышлял, почему его не пригласили. Он наблюдал за игрой через плечо Себастьяна уже минут пятнадцать. Черный зверь

жался к ногам хозяина. Катин старался свести воедино имеющиеся у него знания, чтобы вклиниться в их игру.

Они играли так быстро...

Он поднялся, пошел к пандусу, на котором сидели Мышонок и Айдас, болтая ногами над бассейном, улыбнулся, сунул руку в карман и щелкнул переключателем диктофона, поставив его на запись.

Айдас в это время говорил:

— Мышонок, что, если я поверну эту рукоятку?

— Смотри! — Мышонок оттолкнул руку Айдаса от сиринкса. — Ты всех здесь ослепишь!

Айдас задумался.

— У того, который был у меня, когда я с ним баловался, не было... — голос его прервался в ожидании привычного окончания фразы.

Ладонь Мышонка скользнула с дерева на металл, потом — на пластик. Пальцы коснулись струн и извлекли несколько негромких нот.

— Ты ведь действительно, можешь покалечить кого-нибудь, если будешь неправильно обращаться с этой игрушкой. Он обладает острой направленностью, и количество света и звука, которое можно извлечь из него, достаточно для того, чтобы повредить сетчатку или порвать

барабанную перепонку. Для того, чтобы получать голограммное изображение, в этой штуке используется лазер.

Айдас покачал головой.

— Я никогда не играл ни на одном так долго чтобы понять, как он внутри... — он протянул руку и потрогал струны. — Это, конечно, красивый...

— Хэлло, — сказал Катин.

Мышонок что-то буркнул и положил руку на струны. Катин уселся по другую сторону Мышонка и некоторое время его разглядывал.

— Я сейчас думал, — сказал он, — что в девяти случаях из десяти, когда я просто говорю «Хэлло», проходя мимо кого-нибудь, или если человек, к которому я обращаюсь, сам куда-то спешит, я провожу последующие пятнадцать минут, воспроизводя случившееся и размышляя: то ли моя улыбка была принята за проявление чрезмерной фамильярности, то ли выражение моего лица получилось слишком холодным. Я повторяю снова, дюжину раз изменяя свой тон и пытаясь экстраполировать изменения, могущие приводить к нужной реакции другого человека...

— Ну-ну, — Мышонок взглянул поверх сиринкса. — Не расстраивайся. Ты мне нравишься. Я просто занят сейчас, вот и все.

— О, — улыбнулся Катин. Затем его улыбка сменилась выражением глубокого раздумья. — Знаешь, Мышонок, я завидую капитану. Он выполняет миссию. И его страсть сводит на нет все то, что возникает вокруг него, все, что другие думают о нем.

— Я иду через все это не так, как ты думаешь, — сказал Мышонок. — Совсем не так.

— А я так, — Айдас огляделся. — Где бы я ни был, я все делаю... — он опустил свою черную голову, разглядывая пальцы.

— Просто замечательно с его стороны позволить нам сейчас отдыхать, а самому вести с Линчесом корабль, — произнес Катин.

— Да, — согласился Айдас, — я полагаю...

Он повернул руки, рассматривая темные линии на ладонях.

— У капитана есть о чем позаботиться, — вмешался Мышонок. — А он не хочет об этом и думать. На этом отрезке пути не ожидается ничего интересного, поэтому он должен был чем-то заняться, чтобы отогнать мысли. Вот что я думаю.

— Ты считаешь, что у капитана тяжело на душе?

— Может быть, — Мышонок извлек из ин-

струмента запах корицы, такой резкий, что запершило в ноздрях и защипало небо. У Катина выступили слезы.

Мышонок замотал головой и повернул верньер, который раньше трогал Айдас.

— Прошу прощения.

— Валет... — на той стороне каюты Себастьян взглянул поверх карт и сморщил нос, — ...мечей.

Катин, единственный, у кого ноги были достаточно длинны, потрогал воду носком сандалии. Закачался разноцветный гравий. Катин вытащил диктофон и щелкнул кнопкой записи.

— Романы пишутся прежде всего о человеческих отношениях, — он вглядывался в мозаичный рисунок стены, полускрытый листьями. — Их популярность объясняется тем, что они заполняют одиночество людей, которые их читают. Людей словно гипнотизирует то, что происходит в их собственном сознании. Капитан и Принс, например, посредством своих стремлений связаны между собой...

Мышонок быстро наклонился к диктофону и произнес:

— Капитан и Принс не сталкивались лицом к лицу, наверное, лет десять.

Катин с досадой щелкнул переключателем,

попытался подыскать подходящую шпильку в ответ и не смог. Снова щелкнул тумблером.

— Помните, что общество, позволяющее таким вещам происходить, есть общество, способствующее вымиранию романа. Зарубите себе на носу, запомните это как следует. Если вы думаете, что сюжет романа — это то, что происходит, когда люди встречаются лицом к лицу, когда они разговаривают друг с другом, то вы глубоко заблуждаетесь и невольно способствуете вымиранию романа, — он выключил диктофон.

— Зачем ты пишешь эту книгу? — спросил Мышонок. — Я имею в виду — что ты хочешь с ней сделать?

— Зачем ты играешь на сиринксе? Мне кажется, примерно по той же причине.

— Только если я буду все время проводить за репетициями, я вряд ли что-нибудь сыграю. Это намек.

— Я начинаю понимать, Мышонок. Это для меня не цель, а только способ ее достижения, который перестает интересовать, как только цель достигнута.

— Катин, я понимаю, что ты хочешь сказать. Ты хочешь создать нечто прекрасное. Но у тебя ничего не получается. Я тоже должен долго прак-

тиковаться, прежде чем сыграть что-то. Но если ты собираешься сделать то, что задумал, ты должен заставить людей почувствовать, что такое — окружающая их жизнь, заставить их бояться ее, даже если у них не будет к этому никаких иных причин, кроме того парня, что рыскает сейчас по подвалам Алкэйна. И твоя вещь не получится, если ты сам не чувствуешь этого хотя бы немного.

— Мышонок, ты замечательный, хороший, прекрасный человек. Но что-то с тобой не так. Все эти прекрасные образы, которые ты извлекаешь из своей арфы... Я достаточно долго вглядывался в твое лицо и знаю, в какой мере они движутся страхом.

Мышонок вскинул голову, на лбу его прорезались морщины.

— Я могу часами сидеть и смотреть на твою игру. Но она только временами радость. Мышонок. Это происходит только тогда, когда все то, что человек знает о жизни, абстрагируется и подчеркивается в твоей многоголосой и разукрашенной вещи. Это прекрасно и непреходяще. Да, внутри у меня есть большая область, которую я не могу использовать для этой работы, той самой, которая бьет ключом, фонтанирует в тебе, рвется

с твоих пальцев. Но внутри тебя тоже есть нечто, что играет только для того, чтобы заглушить рвущийся наружу вопль, — он кивнул, встретив нахмуренный взгляд Мышонка.

Мышонок что-то промычал.

Катин пожал плечами.

— Я бы почитал твою книгу, — сказал Айдас.

Мышонок и Катин повернулись к нему.

— Я читал... ну, разные книги, — Айдас снова перевел взгляд на свои руки.

— Ты бы стал читать?

Айдас кивнул.

— Люди Окраинных Колоний читают книги, иногда даже романы. Только они не очень... ну, они старые... — он поглядел на каркас на стене: Линчес лежал, словно неживой дух. — В Окраинных Колониях иначе, чем... — он обвел рукой помещение, обозначая созвездие Дракона. — Скажи, ты знаешь место, где все было бы хорошо?

— Никогда там не был, — сказал Катин.

Мышонок покачал головой.

— Было бы просто глупо, если бы ты знал, не сможем ли мы где достать немного... — Айдас опустил голову и посмотрел себе под ноги. — Не обращай внимания...

— Спросил бы их, — сказал Катин, ткнув паль-

цем в игроков у стены. — Это их дом.

— А, — сказал Айдас. — Конечно. Я полагаю... — он оттолкнулся от пандуса, плюхнулся в воду, поскользнулся на гравии, выбрался из бассейна и направился к картежникам, капая на ковер.

Катин посмотрел на Мышонка и покачал головой.

Мокрые следы тут же поглощались голубым ворсом.

— Шестерка мечей.

— Пятерка Мечей.

— Простите, никто из вас не знает?..

— Десятка мечей. Моя взятка. Паж чащ.

— ...на том мире, куда мы идем, нельзя ли достать?..

— Башня.

— Хотел бы я, чтобы эта карта не была перевернутой, когда капитану гадали, — Шепнул Катин Мышонку. — Поверь мне, она не предвещает ничего хорошего.

— Четверка чащ.

— Моя взятка. Девятка жезлов.

— ...достать немного...

— Семерка жезлов.

— ...блаженства?

— Колесо фортуны. Моя взятка.

Себастьян поднял голову.
— Блаженства?

* * *

Исследователь, решивший назвать внешнюю планету Дим, Умершей Сестры, — Элизиум, просто пошутил. Несмотря на все рельефоизменяющие машины, она оставалась продрогшим, покрытым шлаком эллипсоидом на трансплутоновом расстоянии от звезды, голая и безжизненная.

Некто выдвинул однажды сомнительную гипотезу о том, что все три оставшиеся планеты на самом деле были спутниками, которые находились в момент катастрофы в тени гигантской планеты и поэтому избежали ярости светила, испепелившего их защитницу. Бедные луны, если вы действительно луны, — подумал Катин, когда они пролетали мимо. Быть планетами вам ничуть не лучше. Дело только в претенциозности.

Когда исследователь двинулся дальше, к нему вернулось чувство меры. Усмешка мелькнула на его лице при виде средней планеты — он назвал ее Дис (то есть — ничем).

Судьба рассудила, что остряк спохватился слишком поздно. Рискнувший дразнить богов

получает классическую плату. Около 19/25 вещества третьей планеты испарилось в открытом пространстве, когда Дим, Умершая Сестра, стала Новой. В результате этого появилась суша, чуть более возвышенная, чем земная. Атмосфера, которой невозможно дышать, полное отсутствие органической жизни, сверхнизкие температуры. Пустяки, по сравнению с наличием морей — настоящим подарком. А все остальное легко поправить. Поэтому человечество, лишь только начав обживать Плеяды, вторглось на обугленные замерзшие равнины. Старейший город Другого Мира — хотя и не самый крупный, поскольку коммерческие и экономические изменения за последние три столетия привели к перемещениям населения — был очень заботливо назван Городом Ужасной Ночи.

И вот «Рух» опускался рядом с черным волдырем города, высящимся на Дьявольском Когте.

* * *

(Федерация Плеяд. Другой Мир. ГУН. 3172)

— ...восемнадцать часов, — это было окончание сообщения информатора.

— В достаточной ли мере это дом для тебя? —

спросил Мышонок.

Лео оглядел поле.

— Никогда по этому миру я не ходил, — признался он. Позади до самого горизонта простиралось море раскрошенного льда. — Но стаи нха по этому морю движутся. Шесть плавников у них и тело из больших сегментов, состоит. Рыбаки на них с гарпунами длиной в пять ростов человека охотятся. Это Плеяды. Это дом, — он улыбнулся, и облачко дыхания сделало голубым сияние его глаз.

— Это ведь твой мир, правда, Себастьян? — спросил Катин. — Ты должен хорошо себя чувствовать, вернувшись домой.

Себастьян отвел черное крыло, заслонявшее глаза.

— Мой, но... — он огляделся, передернул плечами. — Я из Тыола. Это город большой, в четверти пути вокруг всего Другого Мира лежит. Отсюда очень далеко он и совсем другой. — Он покачал головой.

— Наш мир, да, — сказала Тай. — Но вовсе не наш дом.

Капитан, шедший в нескольких шагах впереди, обернулся.

— Поглядите, — он показал на ворота. Лицо его

ниже шрама застыло. — Нет Дракона, свернувшегося на их колоннах. Дом это. Для тебя, для тебя, для тебя и меня — дом это!

— Дом, — повторил Лео, но его голос прозвучал осторожно. Они последовали за капитаном сквозь лишенные Змеи ворота. В ландшафте преобладали цвета пожарища.

Медь — окислилась до пятнистого желто-зеленого. Железо — черные и красные хлопья.

Сера — ее окислы были влажными, красновато-коричневыми. Краски выползали из-за пыльного горизонта и пятнали стены и башни Города. Линчес смахнул серебряную бахрому с ресниц, чтобы поглядеть на небо, где сквозь толчею теней, подобных кошмарным, черным листьям, мигало истощенное солнце, не способное даже в полдень создать ничего большего, чем вечер. Он обернулся, чтобы посмотреть на зверя, сидящего на плече Себастьяна, который распростер свой крылья и загремел цепочкой.

— А как твои питомцы чувствуют себя дома? — он потянулся к зверю, но сразу же отдернул руку от черного когтя. Близнецы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Они спускались в Город Ужасной Ночи.

* * *

На полпути Мышонок начал пробираться по краю эскалатора вверх.

— Это... это не Земля.

— А? — Катин проехал мимо, посмотрел на Мышонка и стал сам протискиваться к краю.

— Это твой первый полет вдаль от Солнца, не так ли?

Мышонок кивнул.

— Большой разницы ты не увидишь.

— Но ты только погляди на это, Катин!

— Город Ужасной Ночи, — задумчиво протянул Катин. — Все это огни, правда, их слишком много, но они, наверное, боятся ночи.

Они задержались еще немного, разглядывая грандиозную шахматную доску — инкрустированные фигуры, беспорядочная куча королей, ферзей и ладей, заслоняющая офицеров и пешек.

— Идем, — сказал Мышонок.

Двадцатиметровые лезвия металла, образующие гигантские ступени, понесли их дальше.

— Лучше держаться поближе к капитану.

* * *

Улицы около стартового поля были полны гостиниц. Над тротуарами возвышались маркизы, отмечая дансинги и психорамы. Мышонок поглядел сквозь прозрачные стены на людей, плавающих в бассейне какого-то клуба развлечений.

— Никакой разницы в этом с Тритонам. Шесть пенсов местной валюты? Цены, впрочем, гораздо ниже.

Половина народу на улицах были либо офицерами, либо членами экипажей. Мышонок слышал музыку. Она лилась из открытых дверей баров.

— Эй, Тай! — Мышонок ткнул пальцем в навес, — Ты когда-нибудь работала в таком заведении?

— В Тыоле — да.

«Опытная гадалка» — буквы на надписи блестящие и растянутые в ширину.

— Мы будем в Городе...

Близнецы повернулись к капитану.

— ...пять дней.

— Мы пойдем обратно на корабль? — спросил Мышонок. — Или в город, где можно найти себе

развлечения?

Рассеките шрам тремя горизонтальными линиями — капитан наморщил лоб.

— Вы все понимаете опасность, которой мы подвергаемся, — он устремил взгляд поверх зданий. — Нет. Мы не останемся ни здесь, ни на корабле, — он шагнул под арку коммуникационной кабины. Не заботясь о том, что входные панели не закрыты, он положил руку на индукционную пластину. — Это говорит Лок фон Рей. Йогос Седзуми?

— Если консультативная встреча кончилась, я позову его.

— Его андроид сойдет, — сказал Лок. — Совсем маленького одолжения я хочу.

— Он всегда с вами сам, мистер фон Рей, любит говорить. Подождите минуту.

В колонне материализовалась фигура.

— Лок! Давно я тебя не видел. Что я для тебя могу сделать?

— Кому-нибудь понадобится Таафит-на-Золоте в ближайшие десять дней?

— Нет. Я в Тыоле сейчас и буду еще месяц. Я понимаю — ты сейчас в Городе и нуждаешься в месте, где можно остановиться?

Катин уже заметил переход капитана на диа-

лект. В звучании голосов капитана и Седзуми было сходство, характеризующее их обоих. Катин узнал обычную эксцентричность, которую он определил как своего рода акцент высшего света Плеяд. Он взглянул на Тай и Себастьяна, чтобы узнать, обратили ли они внимание на это. Подрагивание мускулов около глаз, хоть и совсем легкое, но все же было заметно. Катин перевел взгляд на колонну.

— Со мной экипаж. Йоги.

— Лок, мой дом — твой дом. Надеюсь, тебе и твоим друзьям там понравится.

— Спасибо, Йоги, — Лок шагнул из кабины.

Экипаж переглянулся в недоумении.

— Вполне вероятно, — сказал Лок, — что последующие пять дней, которые я проведу на Другом Мире, будут последними, которые я проведу где-либо вообще, — он обвел взглядом экипаж, старательно наблюдая за реакцией. Не менее старательно они пытались скрыть свои чувства. — Мы можем вполне приятно провести время. За мной!

* * *

Монорельс карабкался вверх, пересекая Город.

— Это Золото? — спросила Тай Себастьяна.

Мышонок, стоявший сбоку от них, вдавил лицо в стекло.

— Где?

— Вон, — Себастьян показал через площадь. Позади домов Город огибала река расплавленного металла.

— Ого, совсем как на Тритоне, — сказал Мышонок. — Кора этой планеты тоже обогревается иллирионом?

Себастьян покачал головой.

— Для этого вся планета большая слишком. Только под каждым городом. Эта трещина Золотом названа.

Мышонок смотрел на хрупкие огненные трещинки, отходящие от основного разлома.

— Мышонок!

— А? — он взглянул на Катина, вытащившего свой диктофон. — Чего тебе?

— Сделай что-нибудь.

— Что?

— Я хочу попробовать провести эксперимент. Сделай что-нибудь.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Все, что взбредет в голову. Валяй!

— Ну... — Мышонок задумался. — Хорошо.

Он сделал.

Близнецы, стоявшие в другом конце вагончика, повернулись посмотреть.

Тай с Себастьяном поглядели на Мышонка, друг на друга, снова на Мышонка.

— Характер, — произнес Катин в диктофон, — наиболее ярко проявляется в действии. Мышонок отступил от окна, сделал резкий оборот и еще раз. Из выражения его лица я могу заключить, что он размышляет насчет моего удивления стремительностью его действий и в то же время хочет знать, удовлетворен ли я увиденным.

Он уронил руки на стекло, тяжело дыша, и просунул согнутые пальцы в...

— Эй, — сказал Мышонок, — я просто махнул рукой. Дыхание, пальцы — это не входит...

— ...«Эй, — сказал Мышонок, сунув согнутые большие пальцы в карманы брюк, — я просто махнул рукой. Дыхание, пальцы — это не входит...»

— Черт возьми!

Мышонок разогнул пальцы, нервно сжал кулаки и снова воскликнул:

— Черт возьми!

— Существует три типа действий: целенаправленные, вошедшие в привычку и бесцельные. Люди для того, чтобы быть понятыми, должны

использовать все три типа, — Катин взглянул вдоль вагона.

Капитан смотрел сквозь гнутую панель, поддерживающую крышу. Его взгляд был прикован к чахлому свету, пульсирующему, словно глазок в дверце гигантской топки. Свет был таким слабым, что ей даже не щурил глаза.

— Я ошибся, — признался Катин в диктофон. — Зеркало, отражающее мое видение мира, поворачивается, и то, что сначала казалось бессмысленным, я вижу достаточное количество раз, чтобы призвать привычкой. То, что я полагал привычкой, теперь кажется частью великого замысла. В то время как то, что я принимал первоначально за цель, превращается в бессмыслицу. Зеркало поворачивается, снова и показывает, что человек, который, как я думал, страстно идет к своей цели, превратил свою страсть в привычку. Его привычки в высшей степени бессмысленны. В то время, как те действия, которые я определил как бессмысленные, оказываются направленными к достижению демонической цели.

Желтые глаза отпустили усталую звезду. Лицо Лока, взглянувшего на Мышонка, исказилось под шрамом в какой-то усмешке, которую Катин не понял.

«Ярость, — подумал Катин. — Ярость. Да. Но как можно отличить ярость от смеха на этом лице?»

Другие тоже смеялись.

* * *

— Что это за дым? — спросил Мышонок, обходя дымящуюся решетку в булыжной мостовой.

— Водосток, надо полагать, — сказал Лео. Рыбак поглядел на туман, поднимающийся вверх у столба, на котором видел яркий индукционный фонарь. У почвы пар скапливался и оседал.

— Таафит в конце улицы, — сказал Лок. Они двинулись на холм мимо полудюжины еще таких же решеток, дымящихся в вечных сумерках.

— Я думаю. Золото находится прямо...

— ...за этой стеной?

Лок кивнул близнецам.

— Что это за место — Таафит? — спросил Мышонок.

— Место, где мне будет удобно, — слабая болезненная гримаса тронула лицо Лока. — И где нам с вами ни о чем не надо будет беспокоиться, — Лок протянул руку, чтобы похлопать его по плечу, но Мышонок увернулся. — Вот мы и на месте.

Двенадцатифутовые ворота с разноцветными стеклами, обрамленными витыми полосами ме-

талла, разошлись в стороны, когда Лок положил руку на пластину замка.

— Нас приглашают.

— Таафит не ваш? — спросил Катин.

— Он принадлежит моему старому школьному другу Йогосу Седзуми, владеющему рудниками на Плеядах. Дюжину лет назад я часто им пользовался. Вот почему замок открылся от прикосновения моей ладони. Я сделал то же самое для него с несколькими моими домами. Мы давно не видели друг друга, но раньше мы были довольно близки.

Они вошли в сад Таафита.

Здешними цветами никогда не любовались при полном солнечном свете. Лепестки были темно-красными, каштановыми, фиолетовыми. Цвета вечера. Похожие на слюду чешуйки паучьей тильды поблескивали на безлистых ветках. Было много низкорослого кустарника, но все более высокие растения были очень гладкими и редкими, чтобы отбрасывать как можно меньше тени.

Передняя стена Таафита была изогнутой. Сад и дом сливались воедино. Нечто вроде тропы вело к подобию лестницы, врезанной в скалу.

Когда Лок положил руку на панель, но всему

дому замигали огни.

— Заходите.

Они прошли вслед за капитаном по бежевому ковру. Катин сразу направился к полкам с бронзовыми статуэтками.

— Бенин? — спросил он капитана.

— Думаю, что да. Йогос просто помешан на Нигерии тринадцатого века.

Когда Катин повернулся к противоположной стене. Глаза его расширились.

— А вот это не может быть оригиналами! Или, все-таки, это настоящий Ван-Мигрен?

— Нет. Боюсь, что это просто старые копии.

Катин прокашлялся.

— У меня засели в мозгу «Под Сириусом» Дехея.

Они прошли по холлу дальше.

— Мне кажется, здесь должен быть бар, — Лок открыл какую-то дверь.

Огни доходили только до половины высоты комнаты. Огни желтых ламп играли внутри бассейна опалесцирующего песка, заполненного обломками скал. Напитки уже двигались по полу комнаты на большом вращающемся круге. На парящих стеклянных дисках стояли тусклые статуэтки. Бронза Бенина в холле, а здесь были ранние Киклады, блеклые и бесформенные.

За окном — Золото.

Среди треснувших скал ярко, почти как солнце, вспыхивала лава.

Неспокойная поверхность реки качала тени скал среди деревянных потолочных балок.

Мышонок шагнул вперед и что-то беззвучно пробормотал.

Тай и Себастьян сощурили глаза.

— Ну не стоит ли на это...

— ...на это посмотреть!

Мышонок, обогнув песчаный бассейн, подбежал к стеклу и прижался к нему лицом. Затем осклабился через плечо:

— Это все равно, что быть на берегу какой-нибудь тритонской Геенны!

— Который из напитков Другого Мира вы попробуете сначала? — спросил Лок близнецов, взяв с подноса две бутылки.

— Тот, что в красной бутылке...

— ...в зеленой бутылке неплохо смотрится...

— ...не так хорошо, как то, что у нас было на Табмене...

— ...готов поспорить, на Табмене у нас была штучка, называемая блаженством...

— ...вы знаете, что такое блаженство, капитан?

— Блаженства нет, — Лок поднял руки с бутыл-

ками. — Красная или зеленая? Хорошо — и та, и другая.

— Я бы лучше взял...

— ...я тоже. Но, надо думать, тут нет...

— ...думаю, что нет. Поэтому я возьму...

— ...красную...

— ...зеленую.

— И ту, и другую. Получайте.

Тай тронула Себастьяна за руку.

— Что?

Она показала на стену: один из дисков проплывал мимо картины.

— Вид из Тыола на Сырую Долину это! — Себастьян сжал плечо Лео. — Смотри! Дом это!

Рыбак взглянул на картину.

— Ты из заднего окна дома, где я родился, смотришь, — сказал Себастьян. — Все, что видишь.

— Эй, — Мышонок дотронулся до плеча Катина.

Катин перевел взгляд со скульптур, которые он внимательно рассматривал, на смуглое лицо Мышонка.

— А?

— Стул вон там. Ты помнишь, что говорил о мебели Республики Вега тогда на корабле?

— Да.

— Этот стул тоже такой?

Катин улыбнулся.

— Нет. Все, что здесь есть, относится ко времени, когда еще не было межзвездных полетов. Эта комната целиком довольно точная копия элегантного американского особняка двадцать первого или двадцать второго века.

Мышонок кивнул.

— О!

— Богачи часто увлекаются стариной.

— Я раньше не бывал в таких местах, — Мышонок оглядел комнату. — Это — да!

— Конечно.

— Хлебните-ка этой отравы, — позвал их Лок.

— Мышонок! Теперь на сиринксе поиграешь? — Лео, принесший две кружки, одну сунул Мышонку, другую — Катину. — Поиграй. Скоро я в Ледяные доки уйду. Мышонок, поиграй мне.

— Сыграй что-нибудь, чтобы можно было танцевать...

— ...потанцуй с нами. Тай. Себастьян...

— ...Себастьян, потанцуешь тоже с нами?

Мышонок раскрыл футляр.

Лео пошел взять бокал для себя, вернулся, сел на стул. Образы Мышонка были, блеклыми из-за сияния Золота. Но музыка была орнаментована

резкими, настойчивыми четвертями тонов.

Сидящий на полу Мышонок, поддерживая покачивающийся на его темной (подошва — словно рог) босой ноге сиринкс, отбивал обутой ногой такт и раскачивался. Пальцы его летали над струнами. Свет Золота, комнатных лама и сиринкса с яростью хлестал лицо капитана. Спустя минут двадцать капитан сказал:

— Мышонок, я хочу похитить тебя ненадолго.

Мышонок перестал играть.

— Что вы хотите, капитан?

— Компании. Я ухожу.

Лица танцующих вытянулись.

— Я включил запись, — Лок повернул выключатель на стене. Снова зазвучала музыка. И туманные видения, порожденные сиринксом, снова заплясали по комнате вместе с фигурами Тай, Себастьяна, близнецов, вместе со звуками их смеха...

— Куда мы пойдем, капитан? — спросил Мышонок. Он убирал сирийке в футляр.

— Я об этом сейчас и думаю. Нам здесь надо кое-что достать. Я говорю о блаженстве.

— Вы хотите сказать, что знаете...

— ...где его можно достать?

— Плеяды — мой дом, — ответил капитан. — Мы

вернемся примерно через час. Идем, Мышонок.

— Эй, Мышонок, ты не оставишь...

— ...нам сиринкс...

— ...сейчас? Все будет о'кей. Не беспокойся, мы не позволим...

— ...не позволим больше никому его трогать.

Мышонок, плотно сжав губы, посмотрел на инструмент, на близнецов.

— Хорошо. Ты можешь играть на нем. Но только смотри!

Он подошел к Локу, стоящему у двери. Лео присоединился к ним.

— Теперь время тоже мне идти настало.

Для Мышонка это прозвучало неожиданно, хотя он и понимал неизбежность такого момента. Он моргнул.

— За то, что подбросили, капитан, благодарю.

Они прошли через холл в сад. Выйдя из ворот, они остановились у дымящейся решетки.

— В ледяные доки вниз идти, — Лок ткнул пальцем в подножие холма. — Ты на монорельсе до конца с нами поезжай.

Лео кивнул. Его голубые глаза встретились с Карими глазами Мышонка, и неуверенность проступила на его лицо.

— Ну, Мышонок, может быть, через несколько

лет мы еще встретимся?

— Да, — сказал Мышонок, — может быть.

Лео повернулся и пошел вниз по покрытой испарениями улице, ботинок звонко стучал по мостовой.

— Эй, — окликнул его Мышонок.

Лео оглянулся, усмехнулся и пошел дальше.

— Знаете, — повернулся Мышонок к Локу. — Я, наверное, никогда в жизни его больше не увижу... Пойдемте, капитан.

* * *

— Мы где-то недалеко от посадочного поля, капитан? — спросил Мышонок. Они спускались по забитыми людьми ступеням станции монорельса.

— Можно дойти пешком. Мы в пяти милях ниже по Золоту от Таафита.

Только что прошли поливочные машины. Прохожие отражались в мокром тротуаре.

Двое парней с ожерельями из колокольчиков, смеясь толкнули молодого мужчину. Он повернулся им вслед, махнул рукой. Потом шагнул к Локу и Мышонку.

— Эй, старина! И ты! Поможете? Завтра, завтра в работу я впрягусь. Но сейчас...

Мышонок оглянулся на работягу, но Лок не позволил ему остановиться.

— Что это там? — Мышонок показал на высокую арку огней. Перед дверью, на ярко освещенном тротуаре, толпились гуляющие.

— Блаженства здесь нет.

Они свернули за угол. В том конце улицы, у ограды, стояли парочки. Лок перешел улицу.

— Это другой конец Золота.

Под заваленным камнями склоном ввинчивалось в ночь яркое полыхание. Одна парочка отошла от ограды, рука в руке, ярко освещенные лица.

Вспышки сквозь волосы, руки и плечи: человек в куртке из черной парчи шел по тротуару. Поднос с драгоценными камнями висел у него на шее. Парочка остановила его. Девушка купила у торговца камень и, смеясь, приложила его к своему мальчишескому лбу. Усыпанные блесками ленты, развевающиеся на центральной куче камней, относило резкими порывами, ветра, и они запутались в длинных ногах юноши. Парочка расхохоталась на всю улицу.

Лок и Мышонок подошли к концу ограждения. По каменным ступеням навстречу им поднималась группа мужчин в униформе Патруля Плеяд.

Позади них с криками бежали вверх по ступеням три девушки. Их догнали пять ребят, и крики перешли в смех. Мышонок оглянулся и увидел, как они сгрудились вокруг торговца драгоценностями.

Лок начал спускаться.

— А что там внизу? — Мышонок поспешил за ним. Сбоку от широких ступеней люди сидели за столиками кафе, врезанных прямо в камень.

— Похоже, что вы знаете, куда идти, капитан, — Мышонок дотронулся до локтя Лока. — Кто это? — он уставился на неторопливо бредущую девушку. Среди легко одетой толпы она резко выделялась теплой паркой, отороченной мехом.

— Это одна из рыбачек со льдов, — ответил капитан. — Лео тоже скоро наденет такую же парку. Они проводят большую часть времени вдали от обогреваемой части Города.

— Куда мы идем?

— Я думаю, внизу мы найдем то, что нам нужно, — они пошли вдоль невысокого утеса. В горе светилось несколько окон, алые огни мерцали сквозь шторы. — Эти заведения меняют владельцев через каждые пару месяцев, а я не был в Городе лет пять. Если мы не найдем то, что я ищу, мы поищем то, что нас устроит.

— Что это за заведение?

Закричала женщина. Дверь распахнулась. Женщина вывалилась наружу. Неожиданно другая женщина вынырнула из темноты, подхватила подругу, шлепнула дважды и втащила обратно. Дверь отсекла второй крик.

Старик (вероятно, тоже рыбак) держал какого-то юношу за плечи:

— Мы тебя в комнату, которую ты снимаешь, доставим. Голову выше держи. Все в порядке будет. В комнату мы тебя доставим.

Мышонок смотрел, как они, шатаясь, прошли мимо. Парочка остановилась около каменных ступеней. Девушка отрицательно качала головой. Парень кивнул, и они повернули обратно.

— Заведение, о котором я говорю, кроме всего прочего, преуспевает в вербовке рабочих на рудники Окраинных Колоний. Оно получает комиссионные с каждого рекрута. И все это совершенно легально. Во Вселенной проживает огромное количество глупцов. Я был десятником на одном из рудников и видел все это с другой стороны. Во всем этом мало хорошего, — Лок взглянул на дверь. — Имя другое. А место — то самое.

Они начали спускаться по ступенькам. Мышо-

нок быстро глянул на капитана и поспешил вслед за ним. Они очутились в длинном помещении со сколоченной из планок стойкой у одной из стен. Две-три панели мультихрома выдавали хилое свечение.

— И люди те же.

Мужчина постарше Мышонка, но моложе Лока, со свалявшимися волосами и грязными ногтями, поднялся им навстречу.

— Что я могу сделать для вас, ребята?

— Что у вас есть для того, чтобы мы почувствовали себя хорошо?

Он прищурил глаз.

— Садитесь.

Неясные фигуры появились и замерли перед баром. Лок и Мышонок опустились на стулья. Мужчина поднял за спинку еще один, повернул его, покачал и сел на край стола.

— Насколько хорошо вы хотите себя почувствовать?

Лок положил на стол руки ладонями вверх.

— Внизу у нас есть... — мужчина бросил взгляд на дверь в конце комнаты, сквозь которую взад и вперед сновали люди. — ...У нас есть Патобат.

— Что это? — спросил Мышонок.

— Комната с хрустальными стенами, отражаю-

щими цвет твоих желаний, — ответил Лок. — Ты оставляешь одежду около двери и плывешь среди колонн света в потоке глицерина. Он нагрет до температуры тела и скрадывает все твои ощущения. Через некоторое время, потеряв способность к физическому восприятию реальности, теряешь разум. На первый план из подсознания выступают психонические фантазии, — он посмотрел на мужчину. — Я хочу чего-нибудь, что можно взять с собой.

Зубы мужчины резко скрипнули.

На сцену бара в коралловый круг света вышла обнаженная девушка и принялась нараспев читать стихи. Сидящие временами аплодировали ей.

Лок сжал ладони.

— Блаженства.

Мужчина вскинул брови.

— И я об этом же подумал, — его руки сжались. — Блаженство.

Мышонок смотрел на девушку. Ее кожа неестественно блестела. Глицерин, подумал Мышонок. Да, глицерин. Он перегнулся через каменную стену и тут же отпрянул. С холодного каменного свода капала вода. Мышонок потер колено и оглянулся на капитана.

— Мы ждем.

Мужчина кивнул. Спустя мгновение он спросил Мышонка:

— Чем ты и этот симпатяга зарабатываете на жизнь?

— Мы — экипаж... грузовика, — капитан одобрительно кивнул.

— Знаете, в Окраинных Колониях есть очень хорошая работенка. Вы никогда не думали о том, чтобы попытать счастья на рудниках?

— Я работал на рудниках три года, — сказал Лок.

— О! — мужчина погрузился в молчание.

Через несколько секунд Лок спросил:

— Вы собираетесь посылать за блаженством?

— Уже послал, — слабая улыбка тронула его губы.

Ритмичные хлопки в зале сменились аплодисментами: девушка закончила выступление. Она спрыгнула со сцены и побежала к ним. Мышонок увидел, что она что-то быстро взяла у одного из сидящих в баре мужчин. Она обняла человека, сидевшего с ними. Их руки соединились, она убежала в тень, и Мышонок увидел, как руки мужчины упали на стол, а пальцы согнулись, скрывая то, что лежало под ними. Лок положил

свою ладонь на руку мужчины, закрыв ее.

— Три фунта, — сказал мужчина. — В местной валюте.

Другой рукой Лок положил три бумажки на стол. Мужчина отвел свою руку и взял деньги.

— Идем, Мышонок, мы получили то, за чем приходили, — Лок поднялся из-за стола и пошел через зал. Мышонок догнал его.

— Капитан, этот человек говорит не так, как у вас в Плеядах!

— В подобных местах всегда говорят на твоем языке, каким бы он ни был. Вот почему их дела всегда идут хорошо.

Когда они подошли к двери, мужчина окликнул их. Он кивнул Локу.

— Я просто хотел напомнить, чтобы ты приходил, когда захочешь. Пока, красавчик.

— На себя погляди, урод, — Лок вышел из дверей. На верху лестницы он остановился, наклонился к сложенным ладоням и глубоко вдохнул в себя воздух.

— Иди сюда, Мышонок, — он разжал ладони. — Понюхай, как я.

— Что я должен сделать?

— Сделай глубокий вдох, задержи дыхание, потом медленно выдыхай.

Мышонок наклонился, и тут на них упала чужая тень. Мышонок отпрыгнул.

— Отлично! Что это у вас?

Мышонок поглядел вверх, а Лок — вниз на патрульного. Лок сузил глаза и раскрыл ладони.

Патрульный, решивший проигнорировать Мышонка, глянул на Лока.

— О! — он прикусил губу. — Что-то опасное это должно быть. Что-то нелегальное, понятно?

Лок кивнул.

— Может, и так.

— Эти заведения вокруг — тут только смотри.

Лок снова кивнул. Патрульный тоже.

— Скажи, как насчет того, чтобы нам немного обойти закон? Ты позволишь?

Мышонок увидел улыбку, которой раньше капитан не позволял появляться на своем лице. Лок протянул руки к патрульному.

— Взбодрите себя.

Патрульный наклонился, втянул воздух, постоял.

— Благодарю, — сказал он и исчез.

Мышонок несколько секунд смотрел ему вслед, потом покачал головой, пожал плечами и, посмотрев на капитана, цинично усмехнулся.

Он взял руки капитана в свои, прокашлялся,

задержал дыхание и резко вдохнул.

— И что теперь должно случиться?

— Об этом не беспокойся, — сказал Лок. — Уже случилось.

Они пошли обратно вдоль утеса, поглядывая на синие окна. Мышонок косился на яркое полыхание огненной реки.

— Вы знаете, — сказал он наконец, — Хотел бы я сейчас иметь сиринкс. — Они почти дошли до лестницы с открытыми кафе. Оттуда слышались громкие звуки музыки. Кто-то уронил стакан, но звук бьющегося стекла утонул в яростных аплодисментах. Мышонок поглядел на свои руки. — Эта дрянь заставила зудеть мои пальцы, — они пошли вверх по ступенькам. — Когда я был ребенком на Земле, в Афинах — там была совсем такая же улица, улица Одос Мниciклеос, она начиналась прямо от Плаки. Я работал в заведениях Плаки, знаете? Отели «Золотая тюрьма» и «О'кэй». Вы поднимаетесь по ступенькам от Адрианоу, а над вами — задний портик Эрехтейена, залитый светом прожекторов с Акрополиса, возвышающегося на вершине холма. А люди за столиками по краям улицы — они бьют тарелки, понимаете, и смеются. Вы бывали в Афинах, в Плаке, капитан?

— Один раз и давно, — сказал Лок. — Я был тогда в твоем возрасте. Впрочем, это было вечером.

— Тогда вы не знаете ее окрестностей; раз вы там были только один вечер, — хриплый шепот Мышонка то поднимался, то опадал. — Вы идете вверх по каменным ступеням, пока открыты все ночные клубы, и там нет ничего, кроме грязи, трава и гравия, но вы все идете, а стены развалин покрыты оспой. Потом вы попадаете в место, называемое Анафиотика. Это означает «маленький Анафи», понимаете? Анафи был островом, который почти исчез после землетрясения много лет тому назад. Там есть маленькие домики, построенные прямо на склоне горы, и улицы семнадцати дюймов шириной со ступеньками, по которым карабкаешься, словно по приставной лестнице. Я знаю парня, у которого, там дом... А когда я кончал работу, я брал какую-нибудь девушку. И вина. Даже когда я был ребенком, я уже мог проводить время с девушками... — Мышонок, покусал пальцы. — Мы поднимались на крышу его дома по ржавой винтовой лестнице, начинающейся у входной двери, распугивая котов. А потом мы играли и пили вино и смотрели вниз, на Город, раскинувшийся под горой подобно сотканному из огней ковру, и вверх, на вершину

горы с маленьким монастырем, похожим на обломок кости. Однажды мы играли слишком громко, и старая женщина из домика сверху запустила в нас кувшином. Но мы только посмеялись над ней и стали кричать еще громче и уговаривали ее спуститься вниз за стаканом вина. А небо над горами уже становилось серым. Мне нравилось это, капитан. И то, что сейчас, мне нравится тоже. Я играю гораздо лучше, чем умел тогда. Это от того, что вижу вокруг себя. И я вижу вокруг себя много того, чего вы не замечаете. И это я тоже должен сыграть. Просто это не трогает вас — я не хочу сказать, что вы не чувствуете, не видите и не слышите. Я иду туда — в одном мире, и сюда — в другом, и мне нравится то, что я вижу в обоих. Вы знаете, как лежит ваша ладонь в ладони человека, который вам всех ближе? Изгибы ладоней — это спирали Галактики, задерживающиеся одна в другой. Вы знаете форму своей ладони, когда другая ладонь покидает ее, и вы пытаетесь вспомнить ощущение, которое было? Другого такого изгиба не было и не будет. Я хочу сыграть ладонь в ладони. Катин говорит, что я боюсь. Что я боюсь всего, что вокруг меня. Потому что все, что я вижу, я заталкиваю в свои зрачки, вонзаю в это мои пальцы и язык. Я люблю сегодня. Это

значит, что я должен жить в страхе. Потому что сегодня — страшно. Но, в конце концов, я не боюсь искать в страхе, жить в страхе. Катин — он все смешал с прошлым. Конечно, прошлое — это то, что делает сегодня, как сегодня делает завтра... Капитан, мимо нас несется грохочущая река. Но мы можем спуститься к ней, чтобы напиться, только в одном месте, и это место называется «сейчас». Я играю на сиринксе, понимаете, и это — словно приглашение каждому спуститься и напиться. Когда я играю, я хочу, чтобы мне аплодировали. Потому что когда я играю, я стою наверху, понимаете, и держу натянутый страховочный трос, к которому они привязаны, балансируя на той грани сумасшествия, где мой разум еще способен работать. Я танцую в огне. Когда я играю, я веду других танцоров туда, куда вы, и вы, — Мышонок тыкал пальцем в прохожих, — и он, и она не могут попасть без моей помощи. Капитан, три года тому назад, в Афинах, когда мне было пятнадцать лет, я запомнил одно утро на крыше. Я стоял, прислонившись к решетке, по которой вился виноград, и огни города гасли перед приближением рассвета, и танцы затихли, и две девушки спали, завернувшись в красное одеяло, около железного столика. И я вдруг спросил себя: что

ты здесь делаешь? И спросил опять: что ты здесь делаешь? Это была словно навязчивая мелодия, приходящая снова и снова. Я испугался, капитан. Я был возбужден и счастлив, и до смерти испуган и, готов поручиться, я широко ухмылялся, совсем как сейчас. Вот так все и началось. Капитан. Не было никакого голоса, пропевшего или прокричавшего это. Но я играю на своей арфе... А что я делаю сейчас, капитан? Поднимаюсь по другой улице, по каменным ступеням в нескольких парсеках оттуда. Восход тогда — ночь сейчас. Что я здесь делаю? Да! Что я делаю?

— Ты ударился в самокритику, Мышонок, — Лок обошел столб, стоящий на верху лестницы. — Давай вернемся в Таафит.

— О, конечно, капитан, — Мышонок неожиданно заглянул в искалеченное лицо. Капитан посмотрел на него. В глубине ломаных линий Мышонок увидел улыбку и сострадание. Он засмеялся. — Хотел бы я сейчас иметь сиринкс! Я бы сыграл ваши глаза отдельно от головы. Я бы вывернул нос через обе ноздри; и вы бы стали в два раза уродливее, чем сейчас, капитан. — Потом он посмотрел на улицу. Мокрый тротуар, люди, огни завертелись перед наполнившимися слезами глазами. — Хотел бы я сейчас иметь си-

ринкс, — снова прошептал Мышонок. — Иметь с собой... сейчас...

Они направились к остановке монорельса.

* * *

— Процессы питания, сна, передвижения. Как я могу объяснить их современную концепцию кому-нибудь, скажем, из двадцать третьего века?

Катин сидел в стороне от остальных членов экипажа, глядя на танцующих, на себя меж ними, смеющихся у кромки Золота. И там он тоже склонялся над диктофоном.

— Способы, которым мы осуществляем эти процессы, абсолютно выше понимания человека, родившегося семьсот лет назад, даже если бы он смог понять, что такое внутривенное питание и концентрированная пища.

И даже если он окажется поблизости от информатора, то ему будет очень сложно понять, как люди в этом обществе (за исключением очень богатых или очень, очень бедных) принимают пищу. Половина процессов окажется полностью непонятной, другая половина — неприятной. Единственно процесс питья остался прежним.

За тот же период, когда имели место эти изменения — благословение Аштону Кларку — более

или менее отмер роман. Не удивлюсь, если здесь существует связь, раз уж я выбрал эту архаическую форму искусства, должен ли я рассчитывать на людей, которые прочтут мой роман завтра, или же адресовать его во вчера? Прошлое или будущее? Если я выпущу, эти элементы из моего повествования, это может придать труду инертность...

Сенсо-рекордер уже ставили и на воспроизведение, и на повторное воспроизведение, поэтому комната была забита танцующими и их призраками. Айдас извлекал бесчисленные звуки и образы из сиринкса Мышонка. Разговоры, настоящие и записанные, заполняли комнату.

— Несмотря на всех тех, кто сейчас танцует около меня, я создаю свое искусство для мифологического разговора с одним единственным человеком. При каких иных обстоятельствах я могу рассчитывать на понимание?

Тай шагнула от Тай и Себастьяна.

— Катин, над дверью сигнал горит.

Катин щелкнул диктофоном.

— Мышонок и капитан должны вернуться. Не беспокойся, Тай. Я их встречу, — Катин вышел из комнаты и заспешил через холл к двери.

— Эй, капитан, — Катин широко распахнул

дверь, — гости собираются... — он уронил руку с кнопки. Сердце стукнуло дважды где-то в горле и, похоже, остановилось.

Он отступил от двери.

— Я полагаю, вы узнали меня и мою сестру? Тогда нет нужды представляться. Можно нам войти?

Две фигуры в дверях казались невозможно реальными.

Катин тщетно пытался открыть рот, чтобы хоть что-нибудь произнести.

— Мы знаем, что его нет. Мы подождем.

* * *

Железные ворота со стеклянным узором закрывала лента пара. Лок взглянул на заросли, темным силуэтом выделяющиеся на янтаре Таафита.

— Надеюсь, что веселье еще идет, — сказал Мышонок. — Проделать такой путь и застать их дремлющими по углам!

— Блаженство встряхнет их, — начав, подниматься в гору, Лок вынул руки из карманов. Легкий ветер развевал полу его куртки, холодил кожу на груди. Он положил ладонь на диск дверной пластины. Дверь распахнулась. Лок шагнул внутрь.

— Что-то уж слишком тихо, как будто здесь никого нет.

Мышонок усмехнулся и с разбегу ворвался в комнату. Вечеринка была прокручена на рекордере, потом еще и еще. Многочисленные мелодии колыхали дюжину Тай в различных ритмах. Близнецы были растащены в стороны, Себастьян, Себастьян и Себастьян, на разных стадиях опьянения, глотали красную, голубую и зеленую жидкости.

Лок остановился позади Мышонка.

— Линчес, Айдас! Мы достали вашего... Я не могу понять, кто тут кто. Минуточку. — Он нащупал на стене выключатель сенсо-рекордера...

С края песчаного бассейна на него смотрели близнецы.

Тай сидела у ног Себастьяна, обхватив руками колени. Серые глаза поблескивали сквозь полуприкрытые веки.

На длинной шее Катина подергивался кадык.

Принс и Руби оторвались от созерцания Золота и повернулись к нему.

— Мы, кажется, испортили собравшимся веселье. Руби полагала, что они будут развлекаться и забудут про нас, но... — Принс пожал плечами. — Я рад, что мы встретились здесь. Йоги так не хотел

мне говорить, где ты находишься! Он тебе хороший друг. Но не такой друг, как я — враг, — под расстегнутой черной виниловой курткой белело что-то изысканно-элегантное. Плотно сжатые губы подчеркивали контраст черного и белого. Черные брюки, черные ботинки. Вокруг левой руки, там, где кончалась перчатка, — белый мех.

Что-то сжало сердце Лока, еще и еще.

— Ты много грозил мне и довольно интересным способом. Как же ты намерен все это выполнять? — охвативший Лока страх был смешан с восхищением.

Принс шагнул вперед, и крыло зверя Себастьяна коснулось его ноги.

— Пожалуйста... — он бросил взгляд на Себастьянова питомца. Около песчаного бассейна он остановился, наклонился между близнецами, погрузил протез в песок и сжал кулак. — Ах-х-х... — дыхание со свистом вырвалось сквозь плотно сжатые губы. Он выпрямился и разжал кулак.

Кусок мутного стекла упал, дымясь, на ковер. Айдас отдернул ногу. Линчес только заморгал чаще обычного.

— Как же это отвечает на мой вопрос?

— Считай это демонстрацией моей любви к

силе и красоте. Ты понял? — он пнул осколки горячего стекла. — Ба! Слишком много примесей, чтобы соперничать с Мурано. Я пришел сюда...

— Убить меня?

— ...с объяснением причин.

— А что ты принес помимо этого?

— Свою правую руку. Я знаю, у тебя нет оружия. Я же доверяю своему собственному. Давай послушаем друг друга, Лок. Аштон Кларк установил некоторые правила.

— Принс, что ты пытаешься сделать?

— Оставить все по-старому.

— Статис — это смерть.

— Но он менее разрушителен, чем твои бешеные рывки.

— Я — пират, помнишь?

— Ты очень быстро двигаешься к тому, чтобы стать величайшим преступником тысячелетия.

— Ты хочешь разъяснить мне вещи, которых я не понимаю?

— Искренне надеюсь, что нет. К нашему благу, к благу окружающих миров... — Принс засмеялся. — По всей логике спора, Лок, я прав с той самой поры, как началась эта драка. Тебе не приходило это в голову?

Лок сузил глаза.

— Я знаю — ты хочешь иллирион, — продолжал Принс. — Единственное объяснение, зачем тебе это нужно, — это чтобы нарушить равновесие сил. В противном случае, это не имело бы для тебя никакой ценности. Ты знаешь, что тогда случится?

Лок разжал губы.

— Я скажу тебе: это разрушит экономику Окраинных Колоний. Хлынет гигантский вал перемещения рабочих. Они будут скапливаться. Империя подойдет настолько близко к войне, как она не стояла со времени волнений на Веге. Ред-шифт поразит застой, а это равносильно разложению. Это уничтожит такое количество рабочей силы, сколько людей в созвездии Дракона. То же самое — застой моей компании — будет трагедией для Плеяд. Это не убеждает тебя?

— Лок, ты невозможен!

— Теперь ты понял, что я продумал абсолютно все?

— Я в ужасе.

— Есть еще аргумент, который ты можешь привести, Принс: ты сражаешься не только за созвездие Дракона, но и за экономическую стабильность Окраинных Колоний. Если я одержу победу, треть Галактики пойдет вперед, а две

трети — падут. Если ты — две трети Галактики останутся на прежнем уровне, а падет одна треть.

Принс кивнул:

— Теперь сокруши меня своей логикой.

— Я должен выжить.

Принс ждал. Нахмурился. Недоуменно засмеялся.

— Это все, что ты можешь сказать?

— Почему я должен дергаться и говорить тебе, что перемещение рабочих вопреки всему произойдет без каких-либо трудностей? Что войны не произойдет, так как для них существует достаточное количество планет и пищи — при правильном их распределении. Что рост количества иллириона породит достаточное количество новых проектов, в которые будут вовлечены все эти люди?

Черные брови Принса выгнулись дугой.

— Так много иллириона?

Лок кивнул.

— Так много.

Стоящая у громадного окна Руби подняла с пола несколько уродливых осколков стекла. Она разглядывала их и, казалось, не обращала никакого внимания на разговор. Но вот Принс отвел руку,

и она положила осколки ему на ладонь. Оказывается, она чутко ловила каждое слово.

— Я удивлюсь, — сказал Принс, глядя на стекло, — если это сработает. — Его пальцы сжались. — Ты настаиваешь на возобновлении вражды между нами?

— Ты дурак, Принс. Силы, которые растревожили старые тени, оказали на нас свое давление еще тогда, когда мы были детьми. К чему же притворяться, что они только сейчас стали на нашем пути?

Кулак Принса начал часто дрожать. Ладонь раскрылась. Светлые кристаллы были прострочены голубым лучом.

— Гептодиновый кварц. Ты знаком с ним? Слабое давление, действующее на стекло с примесями, всегда приводит к появлению... Я сказал «слабое». Это с точки зрения геологии, там есть такой термин.

— Ты снова грозишь. Уходи. Или ты должен будешь убить меня.

— Ты не хочешь, чтобы я ушел. Мы лавируем, стараясь избежать единоборства, которое определит, чьи миры и когда падут, — Принс сжал кристаллы. — Я могу очень аккуратно пробить одним из них тебе череп. — Он повернул руку

ладонью вниз, осколки посыпались на пол. — Я не дурак, Лок. Я обманщик. Я стараюсь заставить все миры вращаться у меня перед глазами, — он наклонился и сделал шаг назад. Снова его нога задела зверя.

Зверь рванулся, натягивая цепь. Паруса крыльев рассекли воздух.

— Назад! Назад!

Цепь вырвалась из руки Себастьяна. Зверь взмыл, метнулся назад и упал на Руби.

Она закрыла голову руками. Принс прыгнул к ней, нырнул под крылья. Рука в перчатке взметнулась вверх.

Зверь вздрогнул и отлетел к стене от страшного удара. Принс снова выбросил руку навстречу черному телу. Оно забилось в воздухе.

Тай закричала, подбежала к своему питомцу, который, лежа на спине, слабо шевелил крыльями. Себастьян поднялся со стула, сжимая кулаки.

Принс повернул руку в черной перчатке ладонью вверх. Пурпур запятнал ворс.

— Это было существо, напавшее на тебя на Эскларосе?

Руби поднялась, все еще безмолвная, откинула с плеч тяжелые волосы. Она поправила платье на груди, там, куда упали капли крови.

Принс посмотрел на слабо мяукающего зверя в руках Тай и Себастьяна.

— Лок, ты задал мне вопрос: когда я приведу в исполнение свои угрозы? Максимум через шесть секунд! Но между нами стоит звезда. Слухи, о которых ты говорил Руби, дошли до нас. Паранджа, которой укрылась Великая Белая Сука Севера — твоя тетушка Циана, была довольно эффективна. Но она упала в тот самый момент, как ты покинул ее офис. Мы подслушивали у другой замочной скважины, и мы услышали новости о звезде, готовой стать Новой. Она или звезды, подобные ей, были фокусом твоего интереса определенное время, — его голубые глаза оторвались от окровавленной ладони. — Иллирион. Я не вижу связи. Но это неважно. Люди Аарона уже работают над этим.

Напряжение, подобное боли, захлестнуло тело Лока.

— Ты готовишься к чему-то. Давай. Не стесняйся.

— Я должен решить, как это сделать. Голой рукой?.. Нет, — брови Принса поднялись, он поднес к глазам черный кулак. — Нет, этой. Я ценю твои попытки оправдаться передо мной. Но как ты оправдаешься перед ними? — окровавленными

пальцами он указал на экипаж.

— Аштон Кларк принял бы твою сторону, Принс. И это было бы справедливо. Я здесь не потому, что желаю такой ситуации. Я борюсь за то, чтобы разрешить ее. Вот причина, по которой я должен драться с тобой: я думаю, что смогу победить. Других причин нет. Ты за стасис. Я — за движение. Все движется. Тут нет места этике, — Лок посмотрел на близнецов. — Линчес! Айдас! Вы знаете, что рискуете в этой игре?

Они кивнули.

— Вы хотите списаться с «Руха»?

— Нет, капитан, мы...

— ...я хочу сказать, если все...

— ...все изменится на Табмэне...

— ...в Окраинных Колониях, может быть...

— ...может быть, Тобиас уйдет оттуда...

— ...и присоединится к нам.

Лок рассмеялся.

— Я думаю, Принс взял бы вас с собой, если бы вы захотели.

Руби шагнула вперед.

— Вы! — обратилась она к близнецам. — Вы действительно знаете, что случится, если вы поможете капитану фон Рею, и он достигнет успеха?

— Он может победить, — Линчес отвернулся, серебряные ресницы задрожали.

— Или не победить, — Айдас заслонил брата.

— Этот мир не таков, как ты о нем думаешь, Принс, — сказал Лок.

Руби резко обернулась.

— А ты уверен, что он — твой? — не дожидаясь ответа, она отвернулась к Золоту. — Посмотри на него, Лок.

— Я гляжу. И что же ты видишь, Руби?

— Тебя. Тебя и Принса, желающих управлять внутренним огнем, который отгоняет ночь от планет. А там огонь вырвался наружу. Он изувечил эту планету, этот город, как Принс изувечил тебя.

— Чтобы носить этот шрам, — задумчиво (Лок почувствовал, как сжались его челюсти, как напряглись мускулы у лба и висков) произнес Принс, — ты должен быть сильнее меня.

— Чтобы носить его, я должен ненавидеть тебя.

Принс улыбнулся.

Лок уловил, как Мышонок отступил к косяку, держа руки за спиной.

— Ненависть — это привычка. Мы ненавидим друг друга уже много лет, Лок. Мне кажется, я

покончу с этим сейчас, — пальцы Принса согнулись. — Ты помнишь, как это началось?

— На Сяо Орини? Я помню, ты был избалован и испорчен, как...

— Я? — брови Принса снова выгнулись. — Я испорчен? Ну а ты был страшно глуп. Никогда не прощу тебе этого!

— За упоминание о твоей руке?

— За что? Странно, этого я не помню. А такого рода оскорбления я редко забываю. Но нет. Я говорю о том, что ты мне показал в джунглях... Все они — мотающиеся около ямы, потные, кричащие, пьяные — и озверевшие. И Аарон был одним из них! Я помню его по сей день: лоб блестит, волосы растрепаны, лицо искажено в диком крике, пальцы сжаты в кулаки... — Принс взмахнул протезом. — Да, его кулаки! Тогда я в первый раз увидел своего отца таким. Это испугало меня. Мы видели его с тех пор много раз в таком виде, правда, Руби? — он взглянул на сестру. — Было слияние Де Тарго, когда он вышел вечером из комнаты правления... или скандал с Анти-Фламина семь лет назад. Аарон — приятный, культурный и абсолютно испорченный человек. Ты был первым, кто показал мне, как на его лице проступает порок. Я никогда не прощу тебе это-

го, Лок! Этот ваш план — или что там — с этой смешной звездой... Я должен остановить тебя. Я должен остановить сумасшествие фон Реев!

Принс шагнул вперед.

— Если Федерация Плеяд рухнет, когда рухнете вы, это только будет означать, что созвездие Дракона будет жить...

Себастьян обрушился на него.

Это произошло неожиданно для всех присутствующих.

Принс упал на одно колено. Рука его упала на кварцевые обломки — они разлетелись голубыми искрами. Себастьян замахнулся, и Принс метнул осколок: вжик! Себастьян взревел и отшатнулся назад, схватившись за раненую руку. Приис снова потянулся к ярким кристаллам.

Вжик! Вжик! Вжик!

Кровь закапала из ран Себастьяна. Линчес рванулся от песчаного бассейна.

— Эй, нельзя же!..

— Ему можно, — Айдас сграбастал брата за плечо.

Себастьян упал.

Вжик!

Тай вскрикнула и упала на колени, закрывая руками лицо, потянулась к Себастьяну, распла-

ставшемуся на ковре.

Вжик! Вжик!

Себастьян выгнул спину, задыхаясь. Многочисленные раны заливали кровью ковер.

Принс остановился.

— А теперь я убью тебя, — он перешагнул через Себастьяна. — Это и есть ответ на твой вопрос.

Это пришло откуда-то из глубины, прятавшееся до сих пор в закоулках памяти. Что-то задрожало внутри Лока. Все чувства обострились и вырвались наружу. Лок взревел. Он увидел сиринкс, оставленный на краю бассейна. Он схватил его.

— Не надо, капитан!

Когда Принс замахнулся, Лок нагнулся, прижимая инструмент к груди. Он до отказа вывернул рукоятку интенсивности.

Ребро ладони Принса проломило косяк, к которому минуту назад прислонялся Мышонок. Выше луча полетели щепки.

— Капитан, это же мой!..

Мышонок прыгнул, и капитан наотмашь ударил его ладонью. Мышонок полетел в песчаный бассейн.

Лок прыгнул в сторону и резко повернулся лицом к двери. Принс, все еще улыбаясь, сделал шаг вперед.

Лок рванул рукоятку громкости.

Вспышка.

Яркое пятно на куртке Принса — луч был сжат до предела. Рука Принса рванулась к глазам, он затряс головой.

Лок снова рванул рукоятку.

Принс зажмурил глаза, отступил назад, вскрикнул.

Пальцы Лока рванули струны. Хотя звук был остронаправленным, по комнате, перекрывая вскрик, загрохотало эхо. Голова Лока от звона ушла в плечи. Но он снова ударил по звуковой деке. И снова. С каждым ударом Принс отступал назад. Он наступил на ногу Себастьяна, покачнулся, но не упал. В мозгу Лока билась только одна мысль: он уже должен оглохнуть. Но он ударил еще раз.

Руки Принса обхватили голову. Его настоящая рука задела парящую полочку. Статуэтка упала и покатилась по ковру.

Взбешенный Лок с размаху ударил по пластинке запаха.

Отвратительная вонь поползла в ноздри, защипала полость носа так, что выступили слезы.

Принс, зашатавшись, закричал. Кулак в перчатке ударил по стеклянной панели. Она треснула

от пола до потолка.

Лок шал за ним по пятам, почти ничего не видя сам.

Принс ударил по стеклу обеими руками. Стекло брызнуло в стороны. Осколки полетели на пол.

— Нет! — закричала Руби. Лицо ее было спрятано в ладонях.

Принс бросился наружу.

Жар охватил лицо Лока. Но он шагнул следом.

Принс, шатаясь и спотыкаясь, отступал к Золоту. Лок осторожно спускался за ним по острым камням склона. И ударил еще раз.

Свет захлестнул Принса. Он, видимо, еще сохранил какую-то часть зрения, потому что с воем вцепился в глаза и упал на одно колено.

Лок пошатнулся. Плечо его задело горячий выступ. Он весь покрылся потом: пот струйками стекал по лбу, скапливался на бровях и скатывался по шраму. Он сделал еще шесть шагов — и на каждом извлекал из сиринкса свет ярче Золота, звук громче урчания лавы, запах резче запаха сернистых испарений, щипавших его горло. Его ярость равнялась ярости Золота.

— Подонок... Дьявол... Отродье!

Принс упал в тот самый момент, когда его настиг Лок. Его голая рука отдернулась от раска-

ленных камней, голова приподнялась — руки и лицо его были в порезах от осколков стекла, рот открывался и закрывался, как у рыбы, ослепшие глаза невидяще смотрели на Лока.

Лок отвел ногу назад и вдребезги разбил это задыхающееся лицо...

И все прошло.

Он вдохнул горячий газ. Глазам стало больно от жара. Он повернулся, руки его бессильно повисли. Земля под ним вдруг задрожала и потекла к обрыву. Лок, шатаясь, стал пробираться между изъеденными лавой камнями. Огни Таафита дрожали за мерцающей завесой. Он потряс головой и закашлялся. И уронил сиринкс...

* * *

Она приближалась к нему, осторожно обходя зазубренные глыбы.

Прохлада тронула его лицо, влилась в гортань. Он заставил себя выпрямиться. Она пристально глядела на него. Ее губы трепетали, не произнося ни слова. Лок шагнул к ней.

Она подняла руку (он подумал, что она собирается ударить его, но отнесся к этому совершенно безучастно) и коснулась его напрягшейся, шеи.

Сглотнула.

Лок смотрел в ее лицо, на ее волосы, забранные серебряным гребнем. В мерцании Золота ее бархатистая кожа приобрела ореховый оттенок. Но главное заключалось в слабом наклоне подбородка, в выражении губ, застывших в странной гримасе ужаса и смирения, в изломе пальцев на его горле.

Ее лицо приблизилось к лицу Лока. Теплые губы коснулись его губ и раскрылись в нежном поцелуе. Он почувствовал тепло обвившихся вокруг него рук. Она прижалась к нему всем телом. Его руки скользнули...

Сзади застонал Принс.

Руби, вскрикнув, метнулась в сторону. Ее ногти царапнули его плечо.

Лок шагнул сквозь разбитое стекло, обвел взглядом экипаж.

— Черт бы все это побрал! Идем отсюда!

Под кожей, словно цепи, перекатывались мускулы. Рыжие волосы поднимались и опускались на его блестящей груди при каждом вдохе.

— Идем!

— Капитан, что случилось с моим?..

Но Лок уже двинулся к двери.

Мышонок дико посмотрел на капитана, на мерцающее Золото и бросился через комнату к

разбитому окну.

Лок уже собирался закрывать садовые ворота, когда Мышонок скользнул между близнецами. Сиринкс он прижимал одной рукой, футляр — другой.

— Идем на «Рух», — говорил в это время Лок. — Мы улетаем с этой планеты.

На одном плече Тай несла, придерживая рукой, покалеченного зверя, на другое опирался Себастьян. Катин попытался ей помочь, но Себастьян был слишком низок для него. В конце концов Катин засунул руки под ремень своих шортов и устремился за капитаном.

Они торопливо шли по булыжникам Города Ужасной Ночи, и туман клубился над уличными фонарями.

* * *

(Федерация Плеяд — Окраинные Колонии. Полет «Руха». 3172 год)

— Паж чаш.
— Дама чаш.
— Колесница. Моя взятка. Девятка жезлов.
— Валет жезлов.
— Туз жезлов. Взятка к дураку идет.

Старт был очень плавным. Теперь Лок и Айдас вели корабль, остальные сидели в холле.

Катин глядел с пандуса, как Тай и Себастьян играли в карты.

— Парцифаль — вызывающий жалость дурак — покинул малую аркану и перешел в состав двадцати одной карты большой арканы. Он изображается на обрыве утеса. Белый кот вцепился ему в зад. Невозможно сказать — падает он или возносится. Но в позднейших сериях мы имеем уже карту, называемую «отшельник»: старик с посохом и фонарем на том же самом утесе грустно смотрит вниз.

— О чем это ты, черт возьми, толкуешь? — спросил Мышонок. Его пальцы поглаживали шрам на полированном дереве, — При мне хоть не говори! Эти чертовы карты Тарота...

— Я говорю об исследованиях, Мышонок. Я начинаю думать, что мой роман может быть своего рода исследованием, — Катин взял диктофон. — Рассмотрим первоначальные версии Грааля. Довольно странно, что ни один из тех писателей, которые приступали к описанию легенды о Граале во всей ее полноте, не дожили до завершения своего труда. Мэтеннисон и Вагнер, создавшие наиболее популярные версии,

исказили изначальный материал настолько, что мифологическая основа их теорий является и неузнаваемой и бесполезной (возможно, это и есть причина, по которой они избежали участи остальных). Но все правдивые пересказы легенды о Граале: «Конте дель Грааль» Кретьена де Тройе в тринадцатом веке, «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха и «Прекрасная королева» Спенсера в шестнадцатом веке — все они неполны, потому что их авторы умерли. Я знаю, что в конце девятнадцатого века американец Ричард Хови начал цикл из одиннадцати музыкальных произведений на тему Грааля и умер раньше, чем закончил пятую пьесу. Точно так же Джордж Макдональд, друг Льюиса Кэрролла, оставил незаконченными своим «Источники легенды о Святом Граале». То же самое с циклом поэм Чарльза Вильяма «Странствие через Лонгр». И столетие спустя...

— Заткнешься ли ты наконец, Катин? Если бы я занимался такой мозговой поденщиной, как ты, я бы свихнулся!

Катин вздохнул и щелкнул выключателем.

— Ах, Мышонок, я бы свихнулся если бы думал столько же, сколько и ты.

Мышонок сунул сиринкс обратно в футляр, положил руки на крышку и опустил на них под-

бородок.

— Продолжай, Мышонок. Видишь — я перестал болтать. И не грусти. Что это тебя так грызет?

— Мой сиринкс...

— На нем появилась царапина, только и всего. Они появлялись и раньше, и ты говорил, что это не сказывается на качестве воспроизведения.

— Не инструмент, — на лбу Мышонка появились морщины. — А что капитан сделал с этим... — он затряс головой, отгоняя воспоминания.

— О!

— И не только это... — Мышонок выпрямился.

— А что еще?

Мышонок снова потряс головой.

— Когда я выбежал сквозь разбитое окно, чтобы подобрать свой сиринкс...

Катин кивнул.

— Жарища там была невыносимая. Еще три шага, и я подумал, что у меня ничего не выйдет. Потом я увидел, где капитан уронил его — на середине склона. Поэтому я зажмурил глаза и пошел. Я думал, что мои ступни обгорят, и был вынужден половину пути скакать. Во всяком случае, я сумел добраться и подобрать его и... Я увидел их.

— Принса и Руби?

— Она пыталась втащить его вверх по склону. Она остановилась, когда увидела меня. А я испугался, — он оторвал взгляд от своих рук — пальцы их были стиснуты. — Я повернул сиринкс на нее. Свет, звук, запах — все до упора! Капитан не знал, как выжать из сиринкса максимум. А я знал это. Она была слепая. Катин! И я, наверное, порвал ей обе барабанные перепонки... Луч лазера был настолько мощным, что ее волосы сразу охватило пламя, потом — одежду...

— Ох, Мышонок!..

— Я испугался. Катин! После того, что случилось с капитаном и с ними... Но, Катин, — шепот Мышонка перешел в хрип, — никогда не надо так пугаться...

* * *

— Дама мечей.

— Король мечей.

— Влюбленные. Моя взятка. Туз мечей.

— Тай, иди и замени на время Айдаса, — раздался из динамика голос капитана.

— Да, сэр. Тройка мечей от дурака идет. Императрица от меня. Моя взятка, — она собрала карты, встала из-за стола и пошла в свою каюту.

Себастьян потянулся.
— Эй, Мышонок!

Глава 7

(Окраинные Колонии. Полет «Руха». 3172 г.)

— Что?

Себастьян пересек голубой ковер, потирая лоб. Корабельный медицинский агрегат починил его сломанный локоть за сорок пять секунд, затратив еще меньше времени на остальные раны.

— Мышонок, почему ты корабельному медику свое горло починить не разрешаешь? — он покачал свою руку. — Он хорошо знает свое дело.

— Нет. Пару раз мне пробовали это делать, когда я был еще ребенком. Когда я вставлял разъемы, на это махнули рукой, — Мышонок пожал плечами.

Себастьян задумался.

— Не очень-то серьезно все это звучит в наше время.

— Да нет, — сказал Мышонок. — Это ведь меня почти не беспокоит. Они просто не могут с этим справиться. Что-то там насчет неврологической кон... не помню, как дальше.

— А что это такое?

Мышонок молча развел руками.

— Неврологическая конгруэнтность, — ответил

Катин. — Твои неработающие голосовые связки, должно быть, это случай врожденной неврологической конгруэнтности.

— Да, так мне и сказали.

— Существует два вида врожденных дефектов, — сказал Катин. — В обоих случаях, какой-то орган тела, внутренний или наружный, деформируется, атрофируется или с чем-то срастается.

— Мои голосовые связки в порядке.

— Но у основания мозга есть маленький нервный узел, который в поперечном разрезе напоминает, более или менее, фигурку человека. Если фигурка целая, то мозг обладает полным набором нервной ткани для управления телом. Крайне редко фигурка имеет тот же дефект, что и тело. Но даже если физический недостаток исправлен, в мозгу отсутствуют нервные волокна, способные управлять исправленным органом, как это и произошло в данном случае.

— То же самое, видимо, у Принса с рукой, — сказал Мышонок. — Если бы он потерял ее при несчастном случае, можно было бы сделать другую, соединить вены, артерии, нервы и все остальное, и она была бы, как новенькая.

— О, — протянул Себастьян.

Линчес сошел вниз по пандусу. Белые пальцы

массировали жилистые запястья цвета слоновой кости.

— Капитан действительно оказывает нам большое послабление, управляя...

Айдас поднялся навстречу с края бассейна.

— Звезда, к которой он идет...

— ...ее координаты говорят, что она на самом конце внутренней ветви...

— В Окраинных Колониях?

— Дальше, чем самые Дальние Окраинные Колонии.

— Долго лететь туда, — сказал Себастьян. — А капитан весь путь один корабль вести будет?

— У капитана в голове куча вещей, о которых надо подумать, — сказал Катин.

Мышонок снял с плеча ремень.

— И куча вещей, о которых думать не надо. Эй, Катин, как насчет партии в, шахматы?

— Так уж и быть, — сказал Катин. — Жертвую тебе ладью.

Они уселись за шахматную доску.

Они успели сыграть три партии, когда по холлу разнесся голос Лока:

— Всем по своим проекционным камерам! По курсу какое-то сложное боковое течение.

Мышонок и Катин выскочили из своих стульев-

пузырей. Катин согнулся, пролезая в маленькую дверь под винтовой лестницей. Мышонок пробежал по ковру, перепрыгнул через три ступеньки. Зеркальная панель ушла в стену. Он перешагнул через ящик с инструментами, бухту кабеля, три валяющихся колечка замороженных ячеек памяти — они таяли в тепле и там, где высыхали лужицы, выступала соль — и уселся на койку. Подключить кабели было минутным делом.

Боковое течение: красные и серебристые блестки, зажатые в горсти. Капитан вел корабль поперек потока.

— Вы, должно быть, отличный гонщик, капитан, — произнес Катин. — На какой яхте вы ходили? У нас в школе был яхт-клуб, который арендовал три яхты. Я как-то даже собирался вступить в этот клуб.

— Помолчи и следи за своим парусом.

Здесь, на самом краю галактической спирали, было мало звезд. Гравитационные изменения исчезающе малы — это не полет в центре Галактики, где приходится бесконечно возиться с дюжиной рабочих частот. А здесь капитану достаточно было напасть на следы скопления ионов.

— Куда мы, по крайней мере, летим? — спросил Мышонок. Лок показал координаты на непо-

движной матрице.

— Моя звезда, — Лок прижимал парус к борту, чтобы ее можно было разглядеть. — Это мое солнце! Это моя Нова! Смотри в оба, Мышонок, запоминай... А теперь — сразу вниз! И если твой парус захлопает, и это задержит меня хотя бы на секунду...

— Продолжайте, капитан.

— ...я забью столик Тай тебе в глотку! Вверх пошел!

Мышонок рванул корабль вверх так, что потемнело в глазах.

— Капитаны из этих мест... — задумчиво произнес Лок, когда поток поредел. — Когда они попадают в мешанину течений Центра, они теряются и не могут двигаться в таких скоплениях, как Плеяды. Они избегают мощных течений, начинают крутиться и по уши залезают во всякие сложные маневры. Половина несчастных случаев, про которые ты слышал, произошла с этими капитанами. Я несколько раз говорил с такими. Они говорили, что здесь, на краю, были капитаны из Плеяд, корабли которых чуть не затягивало в гравитационные воронки. «Вы же спите на своих парусах» — говорили они, — Лок засмеялся.

— Вы ведете корабль уже довольно долго, ка-

питан, — сказал Катин. — Тут довольно чисто. Почему бы вам не отдохнуть немного?

— Я чувствую, что мои пальцы погружены в эфир достаточно глубоко, чтобы выдержать еще одну вахту. Ты и Мышонок остаетесь на местах. Остальным марионеткам обрезать свои веревочки.

Паруса опали, сложились, каждый превратился в тонкий карандашик света. Потом и свет пропал.

* * *

Ночь легко вошла в их глаза. Паруса несли их к булавочному проколу в бархатной портьере.

— Они, наверное, здорово развлекались с помощью этого «блаженства» на Табмэне, — произнес Мышонок. — Я думал об этом, Катин. Когда мы с капитаном рыскали по берегу Золота в поисках этого наркотика, нам встретился один тип, который старался уговорить нас записаться на рудники. И я подумал: штекер есть штекер, а гнездо есть гнездо, и если я нахожусь на одном конце, то для меня нет большой разницы, будет ли на другом конце парус звездолета, сеть для охоты на аквалата или ротор рудничного комбайна. Я думаю, можно пойти туда на время.

— Да будет тень Аштона Кларка парить над твоим правым плечом и охранять твое левое.

— Спасибо. — Помолчав немного, Мышонок спросил:

— Катин, а почему люди всегда вспоминают Аштона Кларка, когда кто-то собирается сменить работу? Нам говорили у Купера, что парня, который изобрел разъемы, звали Сокет или как-то наподобие...

— Соукет, — поправил Катин. — Он мог бы счесть твои слова за неудачную шутку... Аштон Кларк был философом и психологом двадцать третьего века. Именно его работы помогли Владимиру Соукету разработать первые разъемы, присоединяемые к нервам. Оба они пытались что-то сделать с понятием работы. Работа, как ее понимало человечество до Кларка и Соукета, очень отличалась от того, что мы имеем сейчас, Мышонок. Человек шел в офис и управлял компьютером. Он коррелировал громадную массу данных, поступающих из торговых отчетов о продаже, скажем, пуговиц или чего-нибудь столь же архаичного, в центральных районах страны. Работа этого человека была жизненно важна для производства пуговиц: по этой информации решали, какое количество пуговиц выпустить

в следующем году. Но хотя этот человек и делал важную для производства работу, имел пай фирмы, получал от нее материальное и моральное поощрение, но он мог работать неделю за неделей, так и не видя ни одной пуговицы. Он получал определенное количество денег за управление компьютером. На эти деньги его жена покупала пищу и одежду для него и для семьи. Но при этом не было прямой связи между тем, где он работал, и тем, как он ел и проводил свое свободное время. Оплачивали ему не пуговицами. Поскольку фермерство, охота и рыболовство стали вовлекать в себя все меньшую часть населения, разделение между работой человека и его образом жизни — что он ел, что надевал, где спал — становилось все большим и большим для все большего числа людей. Аштон Кларк показал, что это приводит к психическим срывам. Для присущих всем чувств свободы действий и самоутверждения, которыми человек обладал, начиная с неолитической революции, когда он впервые стал сеять зерно, одомашнивать животных и жить в одном, выбранном им самим месте, появилась серьезная угроза. Эта угроза появилась во времена промышленной революции, и многие люди увидели ее раньше Аштона Кларка. Однако

Аштон Кларк шагнул дальше. Если в технологическом обществе сложилась такая ситуация, что между человеческим трудом и модус вивенди не существует никаких иных прямых связей, кроме финансовых, в конце концов, работнику необходимо почувствовать, что он непосредственно изменяет вещи своей работой: придает вещам форму, производит вещи, которых раньше не было, перемещает вещи с одного места на другое. Он должен затрачивать энергию на свою работу и видеть происходящие изменения своими глазами. В противном случае он бы чувствовал, что жизнь его пуста.

Живи он, однако, в другом веке, никто, возможно, и не слышал бы об Аштоне Кларке. Но технология достигла такого уровня, что можно было сделать кое-что из того, о чем говорил Аштон Кларк. Соукет изобрел штекерные разъемы и усилители биотоков и целую технологию, в соответствии с которой машины могут управляться непосредственно нервными импульсами, теми самыми импульсами, которые заставляют двигаться руку или ногу. И это было революцией концепции работы. Подавляющее большинство работы стало сводиться к труду, который вооруженный машиной человек выполнял непосред-

ственно. Раньше были фабрики, управляемые единственным скучающим оператором, который включал тумблер утром, спал половину дня, записывал пару цифр перед обедом и выключал все перед тем, как уйти. Теперь же человек шел на фабрику, подключался и мог подтаскивать сырье левой ногой, делать тысячи тысяч точных деталей одной рукой, производить их сборку — другой и отправлять готовые изделия правой ногой, осматривая все их собственными глазами. И он был в гораздо большей степени удовлетворен своим трудом. По своей природе большинство операций могло быть преобразовано в работу, совершаемую с помощью подключения, и выполняться с большей эффективностью, чем раньше. В тех редчайших случаях, когда производительность была чуть менее эффективна, Аштон Кларк показал, что это психологически невыгодно обществу. Аштон Кларк, как о нем говорили, был философом, вернувшим человечество к труду. При такой системе большинство эндемических психических расстройств объяснялось последствиями чувства отчуждения старого общества. Происшедшая трансформация превратила войны из событий крайне редких в невозможные вообще и (после первоначальных потрясений)

стабилизирует экономические связи между мирами вот уже восемьсот лет. Аштон Кларк стал пророком рабочих. Вот почему до сих пор, когда человек собирается сменить работу, ты призываешь ему в помощь Аштона Кларка или его дух.

Мышонок глядел на звезды.

— Я вспоминаю, что цыгане его время от времени проклинали, — он помолчал немного. — Я думаю, мы предпочитаем быть без разъемов.

— Существовали группы сопротивления идеям Кларка, в особенности, на Земле, которые были просто немного реакционными. Но они продержались не очень-то долго.

— Да, — сказал Мышонок. — Всего восемьсот лет. Не все цыгане предатели, вроде меня, — он улыбнулся уголками губ.

— В системе Аштона Кларка мне видится лишь один серьезный недостаток. И прошло уже достаточно много времени, чтобы он смог проявиться.

— Да? И что же это?

— Это то, о чем профессора годами твердят своим студентам. Ты хоть раз да услышишь разговоры об этом в любом интеллигентном обществе, куда ни приди. Это то, что Республика Вега пыталась развить в две тысячи восьмисотом году. Вследствие легкости работы и удовлетво-

ренности своим трудом, вследствие возможности работать там, где пожелаешь, за последние двенадцать поколений происходили такие грандиозные перемещения людей с одной планеты на другую, что общество распалось на куски. И появилось современное мишурное интерпланетное общество, не имеющие никаких традиций за собой... — Катин остановился. — Я немного воспользовался блаженством перед тем, как подключиться. И пока я сейчас разговаривал, я мысленно перебирал всех людей, которые мне это говорили — от Гарварда и до Геенны-3. И знаешь что? Они не правы.

— Не правы?

— Нет. Они все ищут социальные традиции, созревающие в течение столетий и уже достигшие своего пика в том, что наиболее присуще и важно сегодняшнему дню. И ты знаешь, кто воплощает эту традицию более, чем кто-либо из тех, кого я знаю?

— Капитан?

— Ты, Мышонок!

— Вот как?

— Ты собрал орнаменты дюжины существовавших до нас обществ и сделал их своими. Ты — продукт тех великих сил, которые сталкива-

лись во времена Кларка, и ты разрешаешь эти конфликты на своем сиринксе методами, присущими настоящему...

— Ах, перестань, Катин.

— Я искал сюжет для своей книги, обладающей как исторической важностью, так и человечностью. Это ты, Мышонок! Моя книга будет твоей биографией! Она расскажет о том, где ты был, что ты делал, что видел и что показывал людям. В этом — мое социальное значение, моя широта исторического охвата, искра между кольцами, высвечивающая размеры сети...

— Катин, ты сошел с ума!

— Нет. Я в конце концов увидел, что я должен...

— Эй, вы там! Не зевать на парусах!

— Простите, капитан.

— Есть, капитан.

— Никогда не болтайте, когда летите между звезд, если не можете при этом смотреть куда надо.

Киборги уныло переключили свое внимание на бездну.

— Существует звезда, готовая стать яркой и горячей. Она — единственная на этом небе. Помните об этом! Держите ее четко по курсу и не

позволяйте ей отклоняться. О культурном единстве можете болтать в свободное время.

* * *

На лишенном горизонта небе вырастала звезда.

На расстоянии, в двадцать раз превышающем расстояние Земли от Солнца, средних размеров звезда типа Г-2 не могла дать достаточно света, чтобы в атмосфере земного типа происходила дифракция. На таких расстояниях самое яркое светило выглядит как обыкновенная звезда.

Они были в двух миллиардах миль, или чуть больше, чем в десяти астрономических единицах от звезды.

Это была ослепительная звезда.

— Красиво, а?

— Нет, Мышонок, — ответил Лок. — Простая звезда.

— Откуда вы знаете...

— ...что она станет Новой?

— Вследствие накопления тяжелых элементов на поверхности, — объяснял Лок близнецам. — Есть также слабое покраснение ее спектра, говорящее о понижении температуры ее короны. И рост активности солнечных пятен.

— Однако с поверхности ее планет этого заметить нельзя.

— Конечно. Покраснение слишком слабо, чтобы его заметить невооруженным глазом. К счастью, эта звезда не имеет планет. Только разный хлам — обломки, подходящие разве что только для небольшого спутника.

— Спутника? — вмешался Катин. — Спутников не бывает без планет! Планетоид — может быть, но не спутник.

Лок рассмеялся.

— Подходящие для спутника — вот все, что я сказал.

— Ах, так...

Все паруса несли «Рух» по кругу с радиусом в два миллиарда миль вокруг звезды.

Катин лежал в своей рабочей каюте, стараясь не потерять звезду среди прочих огней ночного неба.

— А что слышно об исследовательских станциях, запущенных Алкэйном?

— Они дрейфуют по пассивным орбитам, как и мы. Мы услышим их в свое время. Но пока мы не нуждаемся в них, а они — в нас. Циана предупредила их, что мы приближаемся. В большинстве своем это обитаемые станции. Они в пятьдесят

раз дальше от звезды, чем мы.

— Мы окажемся в опасной зоне, когда она рванет?

— Когда эта звезда начнет превращаться в Нову, она проглотит колоссальный кусок пространства и все, что в нем окажется.

— И когда это начнется?

— Через несколько дней — как рассчитала Циана. Но эти расчеты, как известно, дают точность плюс — минус две недели. У нас будет всего несколько минут на сближение, когда она взорвется. Мы сейчас примерно в двух с половиной световых часах от нее. А поскольку наши обзорные экраны видят не электромагнитные волны, а возмущения пространства, то мы увидим начало сразу же, как только она станет разбухать.

— А иллирион? — спросил Себастьян. — Как мы его возьмем?

— Это моя забота, — ответил Лок. — Мы возьмем его, когда наступит время. А пока все могут быть свободны. Катин и Мышонок медлили дольше других.

— Капитан, — спросил, наконец, Катин. — Я так, ради интереса: Патруль что-нибудь предпринял, когда вы сообщили о... о случае с Дэном?

Прошла почти минута, прежде чем Лок отве-

тил.

— Я не сообщал им об этом.

— Ага, — сказал Катин. — Я так и думал.

— Принс, должно быть, получил доступ ко всем официальным сообщениям, проходящим через Патруль созвездия Дракона. Точно так же, как мой компьютер изучает все, что проходит через Плеяды. Его же компьютер, наверняка запрограммирован на регистрацию абсолютно всего, что хотя бы отдаленно связано со мной. Если бы он засек Дэна, он бы нашел Нову. А мне бы не хотелось, чтобы он нашел ее таким образом. Пусть он не подозревает, что Дэн умер. Насколько я знаю, все посвященные в это находятся на моем корабле. И мне это нравится.

— Капитан!

— Что, Мышонок?

— Там что-то движется!

— Корабль, обслуживающий станции? — спросил Катин.

— Он слишком далеко зашел. Они, похоже, вынюхивают наши следы.

Лок молчал, пока неизвестный корабль двигался по координатной матрице.

— Отключайтесь и идите отдыхать. Я вызову вас, если понадобится.

— Но, капитан... — начал было Мышонок.

— Это семипарусный грузовой корабль, как и наш. Но только некоторые его особенности заставляют думать о верфях созвездия Дракона.

— Что он здесь делает?

— Отдыхать, я сказал!

Катин прочитал название корабля, когда его идентификационный луч развернулся на сетке радара.

— «Черный какаду»? Идем, Мышонок. Капитан говорит, что мы свободны...

Они отключились и направились в общий холл, где экипаж уже собрался возле бассейна.

Дверь в конце спиральной лестницы ушла вверх. Лок шагнул на застекленные ступени.

Мышонок смотрел на спускающегося фон Рея, на отражения капитана в зеркальной мозаике, и думал: «Он движется устало, но это усталость атлета перед началом второго дыхания».

Лок был на середине лестницы, когда фантазия в золотистой раме на стене зала исчезла.

У Мышонка вдруг участилось дыхание.

— Итак, — сказала Руби. — Близится развязка... Разве это справедливо? Ты все еще впереди. Мы не знаем, где ты собираешься взять приз. Эти гонки состоят из сплошных стартов и остановок, — ее

голубой взгляд пробежал по экипажу, задержался на Мышонке и снова обратился к Локу. — До этой последней ночи в Таафите я никогда не испытывала такой боли. Наверное, я жила слишком затворнической жизнью. Но каковы бы ни были правила, красивый капитан, — в ее словах звучало презрение, — мы тоже рождены для игры!

— Руби, я хочу поговорить с тобой... — Лок запнулся — и с Принсом. Без посредничества техники.

— Я не уверена, что Принс захочет говорить с тобой. Отрезок времени с того момента, как ты оставил нас на обрыве над Золотом, и до того, как мы добрались до медицинского агрегата, не является моим... нашим самым приятным воспоминанием...

— Скажи Принсу, что я отправляюсь на «Черный какаду». Я устал от этой страшной игры, Руби. Есть вещи, которые вы хотите узнать от меня. Есть вещи, о которых я хочу вам рассказать.

Рука ее нервно тронула волосы, упавшие на плечи. Высокий воротник темного плаща был наглухо застегнут. Минуту спустя она сказала:

— Хорошо, — и пропала. Лок поглядел на экипаж.

— Вы слышали? Всем по местам! Тай, я видел,

как ты управляешься со своими веревочками. Ты, наверное, имеешь больше опыта вождения, чем все остальные. Бери капитанские штеккеры. И если случится что-нибудь необычное — что-нибудь, независимо от того, вернулся я или нет — уводи «Рух» отсюда побыстрей.

Мышонок и Катин взглянули друг на друга, потом — на Тай. Лок прошел по ковру и поднялся на пандус. На половине пути он остановился, вгляделся в свое отражение и сплюнул.

Он исчез раньше, чем круги от плевка достигли берегов бассейна. Обменявшись недоуменными взглядами, все разошлись по каютам.

* * *

(Окраинные Колонии. Полет «Черного какаду». 3172 год)

Сидя на койке, Катин подключился, включил сенсодатчики, находящиеся на обшивке, и обнаружил, что чужой корабль подошел совсем близко.

— Мышонок?

— Да, Катин.

— Я беспокоюсь.

— За капитана?

— За нас.

«Черный какаду», вспыхивая в ночи парусами, медленно разворачивался рядом с «Рухом», выходя на параллельную орбиту.

— Мы плывем по течению, Мышонок — ты, я, близнецы, Тай и Себастьян. Все мы хорошие люди, только нет у нас цели. И вот охваченный страстью человек подбирает нас и приводит сюда, где край всего. И мы вынуждены признать, что его страсть навязывает некую цель нашей бесцельности или, возможно, еще больший хаос. Что меня беспокоит — так это то, что я благодарен ему. Мне бы буйствовать, отстаивать свой собственный порядок. Но нет! Я хочу, чтобы он победил в этой гонке за огнем. Я хочу, чтобы он победил и, пока он не победит или не проиграет, я не могу ничего по-настоящему желать для себя.

«Черный какаду» принял шлюпку. Это было похоже на пушечный выстрел наоборот. Освобожденный от необходимости идти параллельным курсом, корабль отвернул в сторону. Катин, не отрываясь, смотрел на его медленное вращение.

* * *

— Доброе утро.

— Добрый вечер.

— По Гринвичу сейчас утро, Руби.

— Я следую правилам хорошего тона и приветствую тебя по времени Арка. Иди сюда, — она подобрала свои одежды, пропуская его в черный коридор.

— Руби!

— Да? — она обернулась через левое плечо.

— Я удивляюсь каждый раз, когда вижу тебя. Ты постоянно намекаешь на то, какая ты важная персона. Но ты блистаешь в тени, отбрасываемой Принсом. Много лет назад, когда мы разговаривали у Сены, меня поразила мысль: полюбить ее — словно бросить вызов.

— До Парижа — миры и годы, Лок.

— Принс управляет тобой. Это раздражает меня, но я, в конце концов, могу ему это простить. Ты никогда не высказываешь своего мнения, пока не услышишь его. Разве что единственный раз на Таафите под истощенным солнцем Другого Мира. Ты думала, что Принс мертв. Я знаю — ты это помнишь. Я думал об этом... Ты поцеловала меня. Но он застонал, и ты бросилась к нему.

Руби, он пытается сокрушить Федерацию Плеяд! Все эти миры, кружащиеся вокруг трех сотен звезд... Но это мои миры. Не могу же я позволить им погибнуть!

— Ты обрушишь колонну Дракона и заставишь Землю ползать в пыли, чтобы спасти их? Ты хочешь выбить экономическую опору из-под Земли и позволить ее осколкам падать в ночь? Ты хочешь швырнуть миры созвездия Дракона в эпоху хаоса, гражданской войны и лишений? Миры созвездия Дракона — это миры Принса. И ты полагаешь, что он любит свои миры меньше, чем ты — свои?

— А что любишь ты, Руби?

— Не у тебя одного есть тайны, Лок. У Принса и у меня они тоже есть. Когда ты поднимался по обожженному склону... Да, я думала, что Принс умер. У меня есть полый зуб, наполненный стрихнином. Я хотела дать тебе последний поцелуй. Я бы сделала это, если бы Принс не застонал.

— Принс любит созвездие Дракона? — Лок резко обернулся, схватил ее поднятые руки и рванул к себе.

Ее грудь вздымалась на его груди. Их лица с широко раскрытыми глазами сблизились. Его губы вступили в борьбу с ее губами, и она, в конце

концов, сдалась. Ее нежные губы раскрылись, и его язык коснулся ее зубов. Ее пальцы вцепились в его жесткие волосы, она пыталась закричать.

Едва только его руки ослабли, она сразу же вырвалась. Ярость полыхала в ее голубых глазах.

— Ну? — спросил он, тяжело дыша.

Она запахнула плащ.

— Когда оружие отказывает мне, — голос ее был хриплым, как у Мышонка, — я выбрасываю его. Так или иначе, красивый пират, ты... Мы могли бы быть... Но теперь у меня другое оружие.

* * *

Холл «Черного какаду» был маленьким и голым. На скамейках сидели два киборга. Еще один стоял у двери своей рабочей каюты.

Резкие черты лица, белая униформа... Они напомнили Локу другой экипаж, с которым он работал. На плече у каждого сияла алая эмблема Ред-шифт Лимитед. Они взглянули на Лока и Руби. Стоящий у двери шагнул внутрь, и удар дверной плиты долгим эхом отозвался в высоком помещении. Двое других поднялись, чтобы тоже уйти.

— Принс спустится сюда?

Руби кивнула в направлении железной лест-

ницы.

— Он встретится с тобой в капитанской каюте.

Лок начал подниматься. Руби пошла следом.

Дверь распахнулась, и Лок вошел. И в тот же миг ладонь из пластмассы и металла, прикрепленная к появившейся в потолке телескопической штанге, дважды хлестнула его по лицу.

Лок ударил плечом в дверь так, что она загудела.

— Это, — провозгласил труп, — за то, что тянул руки к моей сестре.

Лок потер щеку и взглянул, на Руби. Она стояла у стены.

— Ты думаешь, что я не могу видеть все то, что происходит на корабле? — спросил труп. — Вы, плеядские варвары, и впрямь неуклюжи, как это всегда говорит Аарон.

В баке поднимались со дна пузыри, скользили по струпьям обнаженной ноги, задерживались и слипались в ссохшемся паху, перекатывались по груди — сквозь почерневшие лохмотья кожи проступали ребра — и лопались у обожженной безволосой головы. В провале безгубого рта торчали обломки зубов. Носа не было. Трубки и провода обвивали треснутые разъемы. Трубки впивались в живот, бедро и плечо. Жидкость в баке

медленно циркулировала, и единственная рука колыхалась из стороны в сторону — обожженные пальцы на ней были скрючены, словно когти.

— Тебе никогда не говорили, что подглядывать нехорошо? А ты ведь именно подглядывал.

Голос Принса доносился из динамика в стеклянной стене.

— Боюсь, что на Другом Мире мне досталось гораздо больше, чем Руби.

Две подвижные камеры над баком переместились, когда Лок шагнул вперед.

— Для владельца Ред-шифт Лимитед поворот на параллельный курс был не очень-то... — банальность слов не могла скрыть изумления Лока.

Кабели для управления кораблем были подключены к гнездам на стеклянной стене бака. Само стекло было частью стены. Кабели ложились кольцами на золотистый и черный кафель и исчезали в медной решетке, скрывающей панель компьютера.

На стенах, полу и потолке, в многочисленных рамах и экранах была одна и та же картина вечной ночи.

Серая тень «Руха» у края всего сущего.

И в центре — звезда.

— Увы, — сказал труп. — Я никогда не был

спортсменом вроде тебя. Впрочем, ты хотел поговорить со мной. Что же ты имеешь сказать мне?

Лок снова поглядел на Руби.

— Я уже сказал большую часть Руби, Принс. Ты же все слышал.

— Почему-то я сомневаюсь, что ты притащил нас сюда, где вот-вот произойдет звездная катастрофа, лишь для того, чтобы высказаться. Иллирион, Лок фон Рей! Ни ты, ни я не забыли основную цель, притянувшую тебя сюда. Ты не уйдешь, пока не скажешь, где ты собираешься взять...

Звезда начала превращаться в Нову.

Неожиданно и необратимо.

В первую же секунду ее изображение из точки превратилось в мощный прожектор. И прожектор становился все ярче.

Руби уткнулась в стену, закрыв глаза ладонями.

— Слишком рано! — закричал труп. — Хотя бы еще несколько дней!..

Лок в три шага пересек комнату, вырвал из бака два штеккера и воткнул их в запястья. Третий он ввернул в спинное гнездо. Движение корабля передалось ему. Он включил сенсодатчики. Комната заслонилась ночью. И ночь была охвачена

огнем.

Преодолевая сопротивление киборгов, Лок развернул «Какаду» и направил его прямо в центр пламени. Корабль рванулся вперед.

Камеры заметались, стараясь поймать его в фокус.

— Лок, что ты делаешь? — вскрикнула Руби.

— Останови его! — завопил труп. — Он ведет нас прямо на звезду!

Руби прыгнула к Локу, схватила его. Оба они зашатались. Каюта и звезда стояли в глазах Лока, словно наложенные снимки. Руби схватила кольцо кабеля, набросила ему на шею, перекрутила и стала душить. Кабель сдавил ему горло. Одной рукой Лок обхватил ее сзади, а другой уперся ей в лицо. Она вскрикнула, голова ее откинулась.

Ее волосы подались под его рукой, сдвинулись в сторону. Парик упал, открыв обнаженную кожу черепа. Медицина всего лишь вернула ей здоровье. Косметическая пластиковая кожа, восстановившая ее лицо, лопнула под его пальцами. Резиноподобная лента слезла с ее покрытых пятнами впалых щек. Лок отдернул руку. Ее изуродованное лицо закричало сквозь пламя. Он оторвал ее руки от своей шеи и оттолкнул от себя. Руби пошатнулась, наступив на свой плащ, и упа-

ла. Он обернулся как раз вовремя: механическая рука двигалась прямо на него.

И она оказалась слабее его рук.

Он легко удерживал ее на расстоянии, а ее пальцы тянулись к нему сквозь неистовствующее солнце.

— Стой! — прорычал он и в тот же миг вырубил сенсодатчики по всему кораблю.

Экраны стали серыми.

Сенсодатчики были отключены у всех шести киборгов корабля.

Огни в его глазах погасли.

— Святые небеса, что ты пытаешься сделать, Лок?

— Нырнуть в этот ад и зачерпнуть иллирион голыми руками!

— Он сумасшедший! — завопил труп. — Руби, он сумасшедший! Он убьет нас. Руби! Все, чего он хочет, — это убить нас!

— Да! Я убью вас! — Лок отбросил руку. Она метнулась к кабелю, свисавшему с запястья. Лок снова перехватил ее. Корабль тряхнуло.

— Господи, Лок, вытащи нас отсюда! — закричал труп. — Вытащи нас!

Корабль снова тряхнуло. Искусственная гравитация упала настолько, что жидкость коснулась

крышки бака. Потом гравитация вернулась к норме, и жидкость опала, оставив капли на стекле.

— Слишком поздно, — прошептал Лок. — Мы попали в гравитационную воронку!

— Зачем ты это сделал?

— Просто чтобы убить тебя, Принс! — ярость уступила место смеху. — Вот и все, Принс! Это все, что я хочу сейчас сделать!

— Я не хочу умирать снова! — пронзительно закричал труп. — Я не хочу сгореть, словно мошка!

— Сгореть? — лицо Лока исказилось. — О, нет! Это произойдет медленно, медленней, чем тогда! Десять, а то и двадцать минут. Уже становится тепло, не так ли? А в последующие пять минут станет просто невыносимо жарко! — лицо Лока потемнело. Судорога сводила губы на каждом слове. — Ты сваришься в своей клетке, как рыба... — он сунул руку под куртку и потер живот. Оглядел каюту. — Что здесь может гореть? Занавески? Эти доски — они из настоящего дерева? И все эти бумаги?

Механическая рука вырвалась из рук Лока и метнулась через комнату. Пальцы сжали руку Руби.

— Руби! Останови его! Не позволяй ему убивать нас!

— Ты лежишь в жидкости, Принс, поэтому ты увидишь ее в огне прежде, чем загнешься сам. Руби, обгорелая кожа не может выделять пота. Поэтому ты умрешь первой. И у него будет возможность смотреть на тебя, пока его жидкость не начнет кипеть, резина — гореть, а пластик — плавиться...

— Нет! — Рука отпрянула от Руби, метнулась через каюту и врезалась в крышку бака. — Преступник! Вор! Пират! Грабитель!

Рука была слабее, чем тогда, в Таафите.

Стекло — тоже.

Брызнули осколки.

Питательная жидкость плеснулась на сандалии отскочившего Лока. Труп ворочался в баке, запутавшись в трубках и проводах.

Камеры дико раскачивались.

Рука царапала мокрые изразцы.

Пальцы замерли. Руби закричала. Закричала снова. Она метнулась к баку, пробралась через разбитое стекло, схватила труп, прижала его к себе, поцеловала, вскрикнула, поцеловала еще раз, раскачиваясь из стороны в сторону. Плащ потемнел, впитав разлившуюся жидкость.

Крик оборвался. Она выронила тело, привалилась к стенке бака и схватилась руками за горло.

Под ожогами и содранной косметической пленкой к лицу вдруг прилила кровь. Она медленно скользнула по стенке. Когда она коснулась пола, глаза ее уже были закрыты.

— Руби?.. — порезалась она или нет, пробираясь через стекло, уже не имело значения. Причиной был поцелуй. После таких сильнейших ожогов прошло совсем немного времени, и она должна была находиться в сверхаллергенном состоянии. Чужеродные протеины проникли в ее тело и вызвали грандиозную гистаминовую реакцию. Она умерла в считанные секунды от анафилактического шока. Питательная жидкость из бака...

И Лок засмеялся.

Смех сначала был похож на грохот перекатывающихся внутри булыжников, потом зазвучал в полную силу, отражаясь от высоких стен капитанской каюты. Победа вызвала этот смех, и она была ужасна, и она была его победой!

Он глубоко вобрал в себя воздух. Он держал корабль меж ладоней. Еще ничего не видя, он направил «Черного какаду» в центр взрывающейся звезды.

Где-то внутри корабля плакал киборг...

* * *

(Окраинные Колонии. Полет «Руха», 3172 г.)

— Звезда! — закричал Мышонок. — Она превращается в Нову!

Голос Тай отрывисто прозвучал по главной линии связи:

— Отсюда уходим! Сейчас же!

— Но капитан! — закричал Катин. — Погляди на «Черного какаду»!

— «Какаду»! Боже мой, он...

— ...Лок падает прямо...

— ...падает прямо в центр...

— ...звезды!

— Всем поднять паруса! Катин, твой парус поднимать, я сказала!

— Боже... — выдохнул Катин. — Он, не...

— Она слишком ярка, — решила Тай. — Выключить сенсоры надо!

«Рух» стал удаляться.

— О боже! Они... они в самом деле... Они действительно падают! Она уже очень яркая! Они погибнут! Они сгорят, словно... Они падают! Лок, останови их! Сделайте же хоть что-нибудь! Там же капитан! Надо что-то сделать!

— Катин! — крикнул Мышонок. — Выдерни эти чертовы сенсоры! Ты что, свихнулся?

— Они опускаются! Нет!.. Это словно черная дыра в середине всего сущего. И они падают туда. Они падают... падают...

— Катин! — завопил Мышонок. — Катин, не смотри туда!

— Она разрастается, она так ярка!.. Еще ярче!

— Катин! Вспомни Дэна! Выдерни свои штеккеры!

— Нет! Я должен это видеть! Что-то грохочет. Она прогнала ночь! Я чувствую, как пахнет горящая темнота. Мне их уже не видно... Нет, вот они!

— Катин, перестань! — Мышонок перегнулся через «Ольгу». — Тай, отключи его входы!

— Не могу. Я этот корабль против гравитации вести должна. Катин! Выключи сенсоры! Я тебе приказываю!

— Ниже... ниже... Я снова их потерял! Мне их больше не видно... Свет сделался красным... Я больше...

Мышонок почувствовал, как корабль дернулся: парус Катина хлопнул.

Катин испуганно закричал:

— Я больше не вижу! — крик перешел в сле-

зы. — Я ничего не вижу!

Мышонок скорчился на койке, закрывая глаза руками, плечи его затряслись.

— Мышонок! — рассердилась Тай. — Черт возьми, мы уже потеряли один парус! Отпусти немного свой!

Мышонок, ничего не видя, приспустил свой парус.

«Рух» удалялся от звезды, а «Черный какаду» падал на нее.

И это была Нова.

* * *

(Окраинные Колонии. Полет «Черного какаду». 3172 год)

Ведущий свой род от пиратов, обгоревший в огне, называемый грабителем, убийцей, вором.

Стерплю.

Я возьму все призы одним махом и стану человеком, лишившим созвездие Дракона его будущего. То, что это будет сделано, чтобы спасти Федерацию Плеяд, не умаляет моего преступления. Сильные люди могут, в конце концов, совершать великие преступления. Здесь, на «Черном какаду», я навсегда потерял свою любовь. Я

говорил ей однажды, что такие не приспособлены для осмысленной жизни. Ни для осмысленной смерти — это смерть, единственный смысл которой в том, чтобы предотвратить хаос. И они умерли... Такая жизнь и такая смерть уменьшает значимость, снимает вину с убийцы и ореол — с героя. Интересно, как другие преступники оправдывают свои преступления? Опустошенные миры порождают опустошенных сыновей, способных лишь к игре или драке. Достаточно ли этого для победы? Я разрушил одну треть Вселенной, чтобы поднялась другая, и еще одна балансировала на краю. И я не чувствую на себе греха. Может быть, оттого, что я свободен и зол. Ну, хорошо, я могу теперь оплакивать ее, смеясь... Мышонок, Катин, кто из вас теперь слепец, не могущий видеть меня победителем над этой звездой? Я чувствую, как огонь давит на меня. Как ты, Дэн, я буду балансировать между рассветом и вечером, но призом моим будет полдень!

* * *

(Окраинные Колонии. Новая Бразилия — 2. 3172 год)

Темнота.

Молчание.

Ничто.

Затем забрезжила мысль:

«Я думаю... Так или иначе, я... Я — капитан Кроуфорд?» — он старался не думать об этом. Но мысль была им, он был мыслью. Не за что было уцепиться.

Мерцание.

Колокольчик.

Аромат тмина.

Это было начало.

Нет! Он зарылся в темноту. В ушах еще стоял чей-то крик: «Вспомни Дэна!», в глазах — картина поплывшего оборудования.

Слабый звук, запах, мерцание сквозь сомкнутые веки.

Он подумал о бессознательном страхе, об огненном потоке ужаса. Но страх уже исчез из сердца, и участившийся пульс толкал его наверх, туда, где ждало его величие умирающей звезды.

Сон был убит.

Он задержал дыхание и открыл глаза.

Перед ним мерцали пастельные краски. Мягко нанизывались друг на друга высокие аккорды. Тмин, мята, кунжут, анис.

А позади красок — фигура.

— Мышонок? — Катин прошептал это и удивился тому, как отчетливо он себя слышит.

Мышонок убрал руки с сиринкса. Исчезли и краски, и аромат, и музыка.

— Проснулся? — Мышонок сидел на подоконнике — плечи и левая половина лица залиты мягким медным светом. Небо над ним было фиолетовым.

Катин закрыл глаза, вдавил голову в подушку и улыбнулся. Улыбка становилась шире и шире, обнажая зубы.

— Да, — он расслабился и снова открыл глаза. — Да. Я проснулся. — Он резко сел. — Где мы? На обитаемой станции Института Алкэйна? — но тут же увидел в окно пейзаж.

Мышонок слез с подоконника.

— Спутник планеты, называемой Новой Бразилией.

Катин вылез из гамака и подошел к окну. За атмосферным куполом, за низкими зданиями черно-серые горы иззубривали близкий горизонт. Он втянул прохладный воздух и повернулся к Мышонку.

— Ох, Мышонок, я думал, что проснусь, как...

— Дэн получил свое на пути к звезде, а ты — когда мы удалялись. Все частоты были сдвинуты

в инфракрасную область. Это ультрафиолет разрушает сетчатку и приводит к таким вещам, как у Дэна. Тай все-таки улучшила момент и отключила твои входные датчики. Знаешь, ты действительно был какое-то время слепым. Мы засунули тебя в медицинский аппарат сразу же, как только очутились в безопасности.

Катин задумался.

— А что же мы делаем здесь? Что произошло потом?

— Мы остановились около обитаемой станции наблюдали за всем этим фейерверком с безопасного расстояния. Ей понадобилось чуть больше трех часов, чтобы достичь максимальной светимости… Мы разговаривали с экипажем станции, когда поймали сигнал капитана с «Черного какаду». Мы покружились там, подобрали его и разрешили киборгам «Какаду» убираться восвояси.

— Подобрали его? Ты хочешь сказать, что он выбрался оттуда?

— Да. Он в соседней комнате. Он хочет поговорить с тобой.

— Так это не вранье — насчет кораблей, входивших в Нову и оставшихся невредимыми? — они направились к двери.

Катин забылся от восторга, созерцая великолепие щебня через огромное окно в коридоре, пока Мышонок не сказал ему:

— Сюда.

Они открыли дверь. Полоса света пересекла лицо Лока.

— Кто здесь?

Катин проговорил:

— Капитан!

— Что?

— Капитан фон Рей!

— Катин? — его пальцы вцепились в подлокотники кресла. Желтые глаза уставились в упор.

— Капитан, что?.. — лицо Катина прорезали глубокие морщины. Он подавил панику и заставил лицевые мышцы расслабиться.

— Я сказал Мышонку, чтобы он привел тебя посмотреть на меня, когда ты будешь в полном здравии. С тобой... С тобой все в порядке. Хорошо, — боль проступила на изуродованном лице и исчезла. Но это была именно боль.

Катин перестал дышать.

— Ты тоже старался увидеть. Я рад. Я всегда думал, что ты можешь понять.

— Вы... Вы рухнули на звезду, капитан?

Лок кивнул.

— Но как вы выбрались?

Лок вдавил голову в спинку кресла. Темная кожа, рыжие волосы, невидящие глаза — единственное в этой комнате, что имело цвет.

— Что? Выбрались, ты сказал? — он коротко рассмеялся. — Это теперь раскрытая тайна. Как я выбрался? — было видно, как на его лице подрагивают желваки. — Звезда, — Лок поднял руку и согнул пальцы, поддерживая воображаемую сферу, — звезда вращается как планеты или спутники. Для тела, имеющего массу звезды, вращение означает наличие неимоверной центробежной силы, приложенной к экватору. К концу синтеза тяжелых элементов на поверхности звезды, когда звезда становится Новой, все это проваливается внутрь, к центру, — пальцы его задрожали. — Вследствие вращения материя полюсов проваливается быстрее, чем материя экватора, — он снова вцепился в подлокотники. — В течение нескольких секунд после начала превращения сферы уже нет, а есть... — Тороид!

На лице Лока обозначились складки. Он дернулся, словно отстраняясь от сильного света.

— Ты говоришь — тороид? Тороид? Да. Звезда стала бубликом с дыркой, в которую без труда могли бы пролезть два Юпитера.

— Но ведь Новы изучались Институтом Алкэйна почти столетие! Почему же там этого не знают?

— Перемещение вещества идет исключительно внутрь звезды. Перемещение энергии — наружу. Гравитационный всплеск засасывает в дыру все, что оказывается поблизости. Перемещение энергии поддерживает температуру внутри отверстия равной температуре на поверхности некоторых красных гигантов: чуть менее пятисот градусов.

Хотя в комнате и было прохладно, Катин увидел, как на лбу Лока выступил пот.

— Хотя размеры отверстия и велики, но если сравнивать их с размерами разрастающейся сферы лучистой энергии, очевидно, что отыскать отверстие довольно трудно, если только не знаешь заранее, где оно находится... или пока не упадешь в него, — пальцы на подлокотниках неожиданно разжались. — Иллирион...

— Вы... вы взяли свой иллирион, капитан?

Лок снова поднес руку к лицу, на этот раз сжатую в кулак. Он попытался сфокусировать на ней взгляд. Другой рукой он попробовал схватить кулак, промахнулся, схватил, попытался еще раз. Раскрытые пальцы схватили кулак. Руки его тряслись, словно у паралитика.

— Семь тонн! Единственная материя, достаточно плотная, чтобы находиться в дыре, — это элементы тяжелее трехсотого номера. Иллирион! Он плавает там, ожидая того, кто нырнет туда и вытащит его на поверхность. Направьте свой корабль внутрь, поглядите, где он там есть, и черпайте его парусами. Иллирион почти без примесей, — руки разошлись в стороны. — Только... включите наружные сенсодатчики и посмотрите вокруг, чтобы увидеть, где он, — лицо его сделалось хмурым. — Она лежала там, и ее лицо... Ее лицо — словно великолепные развалины в центре ада... И я протянул все семь моих рук в ослепший день, чтобы отщипнуть несколько кусочков ада, плывущего рядом с... — он снова поднял голову. — Там, на Новой Бразилии, есть иллирионовый рудник... — За окном, высоко в небе, висела гигантская пестрая планета. — У них есть оборудование для производства иллирионовых ракетных двигателей. Поглядели бы вы на их лица, когда мы приволокли наши семь тонн! А, Мышонок? — он снова громко рассмеялся. — Ты говорил мне, как они глазели, а? Мышонок!

— Все отлично, капитан.

— Все отлично, Мышонок, — Лок кивнул, глубоко дыша. — Катин, Мышонок, ваша работа

закончена. Забирайте ваши рекомендации. Корабли улетают отсюда регулярно. Вам не составит труда устроиться на них.

— Капитан, — рискнул спросить Катин. — Что вы намерены делать?

— На Новой Бразилии находится дом, в котором в детстве я провел немало приятных часов. Я вернусь туда... чтобы ждать.

— Может быть, вам надо что-нибудь сделать, капитан? Я ведь тоже смотрел и...

— Что? Говори громче.

— Я сказал, что со мной все в порядке, а я тоже смотрел, — голос Катина прервался.

— Ты смотрел удаляясь. А я смотрел, приближаясь к звезде. Все нервные центры мозга разрушены. Неврологическая конгруэнтность, — Лок покачал головой. — Мышонок, Катин, Аштон Кларк с вами...

— Но, капитан...

— Аштон Кларк.

Катин посмотрел на Мышонка, потом снова на капитана. Мышонок возился с ремнем своего футляра, потом он поднял голову.

Они повернулись и покинули темную комнату.

* * *

За дверью они снова остановились перед лунным пейзажем.

— Итак, — проговорил в раздумье Катин. — Фон Рей выиграл, а Принс и Руби — нет.

— Они погибли, — сказал Мышонок. — Капитан говорит, что он убил их.

— Он, — Катин глядел на ландшафт.

Спустя минуту он сказал:

— Семь тонн иллириона — и равновесие нарушено. Созвездие Дракона падет, в то время как Федерация Плеяд воспрянет. Окраинным Колониям тоже предстоят изменения. Благодаря Аштону Кларку перемена места приложения труда теперь не сопряжена с большими трудностями. Однако ожидается возникновение некоторых проблем... Где Линчес и Айдас?

— Уже ушли. Они получили сообщение от своего брата и отправились к нему, как только мы добрались до Окраинных Колоний.

— От Тобиаса?

— Вот именно.

— Бедные двойняшки. Бедные тройняшки. Когда этот иллирион начнут использовать, начнутся перемены... — Катин покусал паль-

цы. — Конец блаженству, — он поглядел на небо, с которого постепенно исчезали звезды. — Мы переживаем исторический момент, Мышонок!

Мышонок вычистил серу из уха ногтем мизинца. Серьга в его ухе сверкнула.

— Да. Я тоже так думаю.

— Что ты теперь собираешься делать?

Мышонок пожал плечами.

— Не знаю. Поэтому я и попросил Тай погадать мне на Тароте.

Катин поднял брови.

— Они с Себастьяном сейчас внизу. Их питомцы разбежались по бару. Расцарапали заведение, — Мышонок хрипло рассмеялся. — Поглядел бы ты на это! Как только она кончила приводить в чувство владельца, они поднялись ко мне, чтобы погадать. Нет большого смысла думать только о рудниках, — пальцы Мышонка стиснули кожаный футляр под мышкой. — Вокруг много всего, на что стоит посмотреть, о чем стоит сыграть. Может быть, некоторое время мы будем с тобой вместе, может быть, устроимся на какой-нибудь корабль. Ты забавен, как черт-те что. Но я не люблю тебя раза в два меньше, чем я не люблю остальных людей... А у тебя что за планы?

— У меня просто не было времени подумать об

этом, — Катин задумался.

— Что с тобой?

— Я думаю.

— О чем?

— Я думаю о том, что я нахожусь на живописном и красивом спутнике, что я только что закончил работу, поэтому некоторое время можно не беспокоиться. Почему бы не сесть и не заняться серьезной работой над моим романом? — он поднял взгляд. — Знаешь, Мышонок, я в самом деле не знаю, хочу ли я написать книгу.

— Как это?

— Когда я глядел на эту Нову... Нет, потом — в тот самый момент, когда я проснулся и подумал, что вынужден буду провести весь остаток жизни слепым, с заткнутыми ушами и носом, пока я был словно сумасшедший, я понял, что многого не видел, многого не слышал, не нюхал, не пробовал... Как мало я знаю о тех основах жизни, которые держишь буквально у себя на ладонях! А затем — капитан...

— Дьявольщина, — сказал Мышонок. Босой ногой он счищал пыль с ботинка. — Ты не собираешься писать свой роман после всей работы, что была проделана?

— Мышонок, я бы этого хотел. Но у меня все еще

нет сюжета. И я только готовлюсь искать и найти его. В данный момент я — просто умный парень, имеющий много чего сказать, но не знающий, о чем конкретно.

— Это дезертирство, — пробурчал Мышонок. — Как насчет капитана и «Руха»? И ты еще говорил, что хочешь написать обо мне. О'кэй, смелее. И о себе тоже напиши. Напиши о близнецах. Ты действительно думаешь, что они бы прочли твою книгу?.. А я действительно хочу, чтобы ты написал ее, Катин. Может, я не смогу ее прочитать, но, будь уверен, я стал бы слушать, если бы ты прочитал ее мне.

— Ты бы стал слушать?

— Будь уверен. После того, как ты зашел так далеко, ты никогда не будешь по-настоящему счастлив, если бросишь это дело.

— Мышонок, ты искушаешь меня. Я теперь больше не буду ничего хотеть годы и годы, — он засмеялся. — Нет, Мышонок. Я все же в большей степени мыслитель... Последнее путешествие «Руха»?.. Я слишком осведомлен о первопричинах, приведших к нему. Я теперь вижу, что его можно рассматривать как аллегорические поиски Грааля. Только так я могу с этим справиться, рассыпав по книге всевозможные мистические символы.

Вспомни обо всех тех писателях, которые умерли раньше, чем закончили свои пересказы легенды о Граале!

— Катин, это же сплошная чепуха! А ты хочешь включить это в свою книгу.

— Чепуха вроде Тарота? Нет, Мышонок. Я боюсь за свою жизнь, начиная это предприятие, — он снова оглядел пейзаж. Ландшафт, так хорошо знакомый ему, на миг примирил его со всем, что было ему неизвестно. — Я этого хочу. И я это сделаю. Но я должен бороться с дюжиной разных бед. Может быть, я преодолею их. Но не уверен. Единственный способ защитить себя от напастей, мне кажется, — это просто не обращать на них внимания, пока не дойдешь до конца.